ПРОТИВ ШЕРСТИ

Альманах

К Международному дню защиты
бездомных животных

Русский
литературный
центр

Москва
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М67
ISBN 978-5-6042980-2-2

12+

Новое издание Русского литературного центра «Против шерсти» объединило русскоязычных писателей со всех федеральных округов Российской Федерации, а также из Израиля, Германии, Эстонии и Франции для борьбы за права животных в России. 17 августа 2019 года в Международный день защиты бездомных животных русскоязычные литераторы впервые ставят перед обществом новый вопрос: доколе мы будем небрежно относиться к братьям нашим меньшим? Эта книга призвана развивать в людях ту самую человечность, которая необходима обществу, чтобы становиться день за днем лучше. Помни, дорогой читатель, рукопись - это рукопожатие на расстоянии. Приобретая данное издание, рассказывая о нем знакомым, спасая какого-либо четвероногого от смерти - ты солидарен с нами. И тебе жмут руку все писатели, что украсили это издание своими произведениями.

Внимание: Часть доходов с продаж издания направляется в фонды защиты бездомных животных Российской Федерации.

© ИП «Митрохин Н.С.»
© НАП СМИ «Русский литературный центр»

Слово редактора

В свое время Иммануил Кант писал: «Тот, кто жесток к животным, также ведет себя с людьми. Мы можем судить о характере человека по его отношению к животным», поддерживал его и Лев Толстой, высказывая куда более глубокую в политическом смысле идею: «Государство, которое плохо относится к животным — всегда будет нищим и преступным...»

Не тратя вороха абзацев на описание всех достоинств России, я вынужден отметить, что в вопросе защиты и поддержки как домашних, так и бездомных животных в нашем Отечестве не все в порядке. Причем как на законодательном, так и на культурном уровне.

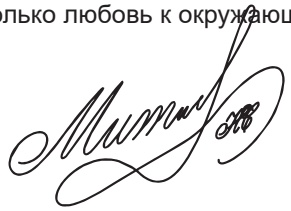
Только вдумайтесь, единственная уголовная статья в России в защиту четвероногих — это статья 245 «Жестокое обращение с животными». В свою бытность журналистом, я посвятил немало времени и сил для освещен проблемы жестокого обращения с животными в России. И теперь, могу ответственно заявить — доказать это самое жестокое обращение практически невозможно. А помимо этого, у нас до сих пор не запрещены собачьи, гусиные или петушиные бои, нет никаких ограничений по отлову бездомных (т. е. диких) животных капканами.

Но винить в этом стоит не государство, не чиновников, а работников культуры. Мы все — продукты своего времени. Еще в СССР вопрос защиты бездомных животных не регулировался. Правда, тогда все присматривали друг за другом, какое-либо проявление небрежности к братьям нашим меньшим посчиталось бы аморальным и обществом не поощрялось.

После распада СССР, появилось новое правило: свобода любого человека заканчивалась лишь там, где она нарушала границы свободы другого. Согласитесь, в этом правиле как-то нет места Муськам и Шарикам с их потребностями. И каков результат? Мы не то что к животным относимся плохо, к людям иногда проявляем потребительское отношение.

Так давайте же возродим в себе сострадание и доброту характера. Именно этому посвящены труды авторов, чьи произведения вошли в эту книгу. Тут нет «кровавых» рассказов о побоях, тут есть только любовь к окружающему нас миру. И умение им восхищаться.

Ваш, Никита С.Митрохин
главный редактор и автор идеи проекта

Борис Алексеев

В ночь на праздник

Гриша любил своего большого, лохматого пса Скифа. Правда, всякий раз с вызовом подчёркивал эволюционную разницу между хозяином и собакой. «Это-зверь! - говорил Гриша, - Заботиться буду, а помрёт – заведу другого». Скиф любил заглядывать в глаза хозяину, развалив частями своё огромное тело у его ног. Когда он получал встречный взгляд, то мотал башкой, потягивался и старался лизнуть Гришины ботинки. По всем приметам, лохматая кавказская национальность волкодава дала племенной сбой в этой добродушной твари. Вместо злобства характер пса представлял забавное сочетание снисходительности, свойственной рослым животным, и трогательной доверчивости котёнка. Несмотря на «гуманитарный» склад ума, Скиф был прекрасный охранник. Лаял на любое движение за воротами, а по ночам спал на крыльце, закрывая вход в дом собственным телом. Гриша часто уезжал по делам, перепоручая Скифа товарищу. Всякий раз минута прощания с собакой представляла потрясающую миниатюру, попирающую все представления теории Дарвина о несмешении видов.

Шло время. Скиф старел. Ранние непослушания от избытка щенячей эмоциональности уступили место спокойному рассудительному диалогу верного слуги и доброго хозяина.

Как-то Гриша уезжал в очередной раз и, опаздывая в аэропорт, не простился с собакой. Сборы, дорожная суета, толчея у стойки регистрации на рейс заполнили память ворохом случайных событий. Только в самолёте Гриша вспомнил о том, что в спешке не простился со Скифом, уехал, не обняв собаку и не сказав псу заветное «Жди!»

Вторая неделя командировки подходила к концу. Утром седьмого января, в светлое Рождество зазвонил межгород. «Григорий Алексеевич, - раздался в трубке смущённый голос, - простите, что огорчаю в праздник, Ваш Скиф умер».

Больно кольнуло под сердцем. Расспросив подробности, Гриша положил трубку и… заплакал. «Ты что ревёшь?! - притворно возмущался Гриша на самого себя, - Это же – собака. Успокойся!» Но слёзы не

слушались хозяина и растекались по щекам во все стороны, а грустная двухпудовая башка мокрым наконечником носа упёрлась Грише в грудь и молча заглядывала в сверкающие алмазами слёз глаза…

Вернувшись домой, Григорий в тот же день пошёл на могилку к Скифу. Посидел, повздыхал, вытер сухие слёзы, достал из котомки тетрадь и, припоминая Рождественскую радость пополам со щенячьей болью, написал о друге памятную записку:

В ночь на праздник умерла собака,
Верный сторож, преданное скерцо.
Стыдно в Рождество Христово плакать,
Ублажая любящее сердце.

Стыдно на Рождественские святки,
Пригласив товарищей к столу,
За окно выглядывать украдкой
И по-волчьи, глядя на Луну,

Выть о друге...
А на самом деле
Плакать в голос о себе самом
И в пустом заснеженном вольере
По щекам размазывать геном!..

Знаю-знаю,
Время - лучший лекарь,
Скоро на Крещенскую сочель
Я войду, как в Божию аптеку,
В ледяную русскую купель,

Но сейчас,
В Рождественских заботах
Разливая коньячок сполна,
Чую, как "слезит" холодным потом
Другом не прикрытая спина...

Людмила Конакова

Я спасла тебе жизнь

Растаял снег, пришла тёплая весна. С гор пошли ручьи, которые сливались сильным потоком в реку. Появились островки с прошлогодней травой, лошади стали её подбирать и где ещё снег не сошёл, то копытом раскапывали остатки, пытаясь там найти сочную траву.

Когда снег совсем растаял и стала пробиваться зелёная трава, то опять стали выгонять стадо, чтобы после зимы животные набрались немного сил и поели сочной травы.

Дедушка приехал недавно из рейса, путь был долгий и трудный, но нужно было покормить животных, он выгнал стадо и направил их на степь, потому что она высыхала самой первой и зелёная, мелкая трава уже стала пробиваться через старые заросли прошлогодней травы.

От усталости дед постелил за бугром свою походную фуфайку и прилег, стадо было видно как на ладони, солнце грело, припекало и стало морить. От ярких, тёплых солнечных лучей дедушка не заметил как заснул. В далеке кто-то поджог старую траву и ветер гнал огонь в сторону, где лег отдыхать дед.

Дома у дедушки жила кошка Мурка, обычная серая кошка, стройная, гладкая и полосатая, похожая чем-то на кота из мультфильма "Простоквашино". Такая маленькая, гибкая и изящная кошка была очень смышленая и как она почувствовала или поняла, что грозить опасность, может быть что-то увидела или унюхала, не знаю. Только она побежала из дома за дедушкой, разыскала его на степи и стала будить, огонь почти добрался до того места, где спал дедушка и она мяукала, мурлыкала, терлась об нос и щеки, царапала лапой, старалась поднять своей маленькой головой его голову, кусала его и все же разбудила. Дедушка проснулся и был в ужасе, огонь был уже рядом и он взял кошку под мышку, поднял фуфайку и быстро ушёл за стадом.

Дома всё рассказал, а кошку хорошо накормил и с тех пор она стала его лучшим другом и везде ходила за ним по пятам, ведь она спасла ему жизнь. Маленькое, хрупкое существо, которое было готово на всё лишь бы хозяин остался жив. Преданность животных не имеет границ, они не умеют разговаривать, но могут о многом рассказать своей чистой, открытой любовью.

Леонид Крупатин

Туман!

Я всегда «моржевал» по утрам. Если просыпался на даче, которая находилась в городской черте г.Волгограда на Третьем шлюзе ВДСК(Волгодонского судоходного канала) в 15-ти метрах от воды, то купался в канале, если просыпался дома на 1-м шлюзе ВДСК, то купался в Волге у Монумента Ленина на гранитных ступеньках.

Однажды в конце ноября (льда ещё не было) на канале я в шесть утра искупался на пляже моего соседа, т.к. свой пляж я тогда ещё не оборудовал.Водичка в канале уже приятная, слегка обжигающая, от неё идёт пар и образуется туман и от Волги и от Затона и от озера Сарпа,окружающих наш самый южный район. Растёрся я, как положено и поднявшись на бровку берега иду в плавках с полотенцем в руке по тропинке к дороге… На тропинке, вырисовываясь из тумана, стоит здоровенная собака, овчарка и спокойно смотрит на меня. Я всех соседских собак знаю, а это «чудо» мне не знакомо. Я не боюсь собак и вижу, хоть темно, но у соседа фонарь над воротами горит, собака настроена, судя по взгляду, миролюбиво.

Я подхожу спокойно, похлопывая по своей ляжке, заговариваю с ним спокойным голосом. Мне показалось хоть и темно было, что он очень худой и даже стоит растопырив ноги, хвост опущен. Ой! Не бешеный ли? Но по взгляду вроде нормальный. Осторожно протягиваю к нему руку за затылок, нащупываю широкий брезентовый ошейник. Странно, похож на хозяйского, а не бродячего. Я хотел почесать ему за ухом и с отвращением отдёрнул руку. Там были здоровенные клещи размером с фалангу большого пальца! Вот он и пришёл к человеку за помощью… Они же из него всю кровь выпили. Преодолевая отвращение, держа одной рукой за ошейник, другой я выдернул у него клещей с десяток. Примерно по пять штук за каждым ухом. Пёс слабо подёргивался от боли, повизгивал, но умница – терпел. Я растоптал клещей на дорожке, вернулся на пляж помыл руки и пошёл опять домой, а пёс за мной. Я из-за него остался без завтрака, так как потерял время. Выхожу,

а пёс сидит за калиткой. Я отошёл от дома на приличное расстояние в сторону трассы, где ходили маршрутки, так как пёс не отставал от меня, я достал из портфеля кусок пирога, который жена мне давала для чая. Я думал, что пёс задержится с пирогом, а я сяду в маршрутку. Но не тут-то было! Он проглотил кусок пирога не разжёвывая и опять прилип ко мне. Тут подходит маршрутка, я сажусь, пытаюсь закрыть дверь, а пёс ломится в маршрутку. Я его насильно вытолкнул и закрыл дверцу. Меня пассажиры упрекнули:

-Что же вы собаку-то не привязали?

-Да не моя это! Я ему дал кусок пирога, а он привязался.

-А-а! Ясно! Он решил, что у вас полный портфель пирогов!- посмеялись пассажиры.

После работы я опять приехал на дачу, а на ступеньках моего недостроенного дома стоит виляя хвостом этот самый кобель. Мне он был совершенно не кстати, так как в квартире у меня была восьмимесячная Марта-четвероногая девочка, с которой я «моржевал» в Волге у Монумента.

Я обратился к соседу. Предложил ему взять кобеля к себе и тот его привязал, прикормил и они жили на даче постоянно.Назвали его по моему предложению Туманом, так как он ко мне вышел из тумана.

Я неоднократно предупреждал соседа, чтобы он следил за своим кобелём, потому что ему понравилось гадить мне в мою кучу песка. Ну, тот вроде бы принял меры. Как-то в начале лета я вижу в моём песке опять собачьи отходы, но странного цвета – изумрудного. Я опять зову соседа и говорю ему:

-Смотри, чем ты кормишь собаку! Медным купоросом, что ли?

-Да, ты что!- изумился сосед,- А мы с женой «голову сломали»! Куда делись антикрысиные таблетки вот такого зелёно-синего цвета? Она принесла их из магазина и положила на стол в целлофановом мешке под навесом. Зашла в дом, переоделась, вышла и забыла про таблетки, потому что не увидела их на столе. Потом вспомнила, стала искать, но их нигде не было. Вот теперь по цвету можно понять, куда эти таблетки делись. Но ведь кобель не отра-

вился. Или таблетки – контрафакт, или они для собак безвредные, потому что у кобеля даже стул не нарушился.

-Забирайте! – сказал я , - Предложите крысам ваш стул! Может быть они оценят его по достоинству! Я не в восторге, хотя цвет оригинальный!

Сосед пошёл за лопатой.

Летом появилась на даче моя Марта.Туман был рад её компании, но я не позволял, потому что у Тумана были блохи, а Марта была домашняя. Туман несколько раз перепрыгивал через полуторометровый забор, чем доводил Марту до истерики. Я открывал калитку, а Марта выгоняла незваного гостя. Он покорно уходил, опустив голову, не огрызаясь на её укусы, а лишь дёргаясь.Но тут же он, не обижаясь, опять клал передние лапы на забор и чистейшим дружелюбным взглядом смотрел на Марту, которая сыпала в его адрес даже кажется что-то нецензурное.Но, так бывало не всегда.Однажды Марта прекратив лай остановилась и отодвинув хвост в сторону, дала себя понюхать и нагнув голову, через плечо смотрела на него искоса, как в той песне:"Что ж ты милая смотришь искоса, низко голову наклоня?" А Тумана в это время интересовала не "речка вся из лунного серебра", а вполне конкретный вопрос любовного характера...

Туман был очень общительный пёс и кидался на грудь всем дачникам без разбора, оставляя иной раз грязные "печати" от своих лап на одежде, но всё ему прощалось благодаря его чистому, открытому взгляду и улыбающейся морде.Туман был удивительной помеси - похож на овчарку, но гораздо выше овчарки и не с приспущенным, как у овчарок, задом. Походка у него, даже не в беге, а в спокойной ходьбе, была летящая, с лёгким подпрыгом, как у гепарда!Всех он провожал до ворот, пытаясь с ними сесть в маршрутку, но его не брали и он оставался на дороге. Меня он всегда встречал у ворот дачного общества "Шлюзовик" на автотрассе Волгоград - Краснодар, где туманным осенним утром и окончил свою жизнь легко и мгновенно...Как пришёл из тумана, так и ушёл в туман со светлым разумом и чистой душой...

ПОСТСКРИПТУМ:Детей Тумана и Марты я раздал в хорошие руки.Последнего у меня выпросили эти соседи, мол - взамен Тумана.Я отдавал щенка с состраданием, потому что эти соседи были бездушные. Туман у них всегда был голодным.В суде ко мне обратилась заведующая канцелярией, узнав, что я дал щенка одной из судей. Оказывается у завканцелярией сын служит в Москве, в армии сверхсрочно кинологом и просит хорошего щенка. Я сказал, что больше щенков нету и она очень расстроилась. Я тоже очень расстроился, так как последний щенок был в очень плохих условиях у моих соседей и у меня душа разрывалась, когда я днём и ночью слышал его вопли и стоны в холодной будке на замёрзших экскрементах вперемешку с замёрзшими кусками хлеба. Даже Марта, пролезая в щель забора, залезала в загородку к щенку и подкармливала его сиськой.Ночью я поехал на дачу, забрал щенка, постаравшись замести свои следы.Когда я вёз щенка домой за пазухой, он высовывался и благодарно лизал мне лицо!Утром я выкупал щенка, высушил и отдал этой женщине. Соседи мне пожаловались, что у них щенка украли. Я сделал вид, что очень расстроился.Через два года мне сообщили из Москвы, что мой щенок отличается на службе и уже имеет награды. Прости меня Господи за эту кражу!Но это достойная память Тумана!

Дункан! Ты сволочь!

ПАМЯТИ СССР

Через проезжую часть моей улицы Удмуртской, что в Заканальи Красноармейского района г.Волгограда строили боксовые кооперативные гаражи на месте наших железных. Естественно, мы там участвовали в отработке часов, а уж я, как проживающий рядом, да имеющий уйму всяких специальностей с дипломами и без, работал вообще круглосуточно и даже неплохо заработал на этой стройке, начиная от укладки в стопки кирпичей, сваленных самосвалами и практически все остальные работы: электросварка, огневые работы по пристрелке труб под электропроводку, электрическая часть полностью весь монтаж, такелажно-стропальные работы по укладке плит, подключение эл.насосов по откачке воды, кирпичная кладка и даже замещал сторожей. Это я рассказываю к тому, что я был на стройке за исключением времени работы на заводе. На стройке были даже мои дети со мной и «помогали», как могли, хотя им было по 5-7 лет. Таскали и укладывали в стопки кирпичи. Детям нужно позволять работать тогда, когда им ещё хочется подражать взрослым. Если этот момент упустить, то потом не уговоришь и не заставишь.

Был у нас на стройке приблудный кобель по имени Дункан, похожий на овчарку, но здоровенный, как телёнок. Лапы были у него, как у меня кулаки. Избалованный был, ко всем лез играться. Сторожа хотели его на цепь посадить, чтобы он злее был, но он таскал за собой свою собачью будку совершенно без напряга и мешал нам работать. Мои пацаны с ним настолько освоились, что катались на нём, как на пони. «Гаражники», отрабатывающие часы на строительстве, часто играли с Дунканом, дав ему в зубы брезентовую рукавицу и не отпуская её пытались совладеть с Дунканом, но он был такой сильный, что долго никто не выдерживал. Однажды при этом с мужика упала шапка, Дункан бросил рукавицу, схватил шапку и несмотря на крики хозяина шапки, утащил её и разорвал в клочья. И чем больше хозяин требовал и гонял за Дунканом, тем инте-

реснее ему было. Однажды Дункан сам сорвал с моего младшего сына шапку и попытался утащить её, но на мой окрик: «Ко мне!» - он остановился и когда я подошёл, то отдал мне шапку беспрепятственно, сын даже не успел заплакать, хотя губы уже «отквасил».

Однажды в выходной день вечером я был на территории гаражей. Неожиданно пришёл милиционер, тоже наш «гаражник», да ещё в парадной форме.Тогда, а это был 1980 год, летняя парадная была белая гимнастёрка, ну и фуражка с белым верхом. Это был майор Хукин. Когда-то он был опером «Угро», потом переквалифицировался на дежурного райотдела. Не знаю я, на этой должности он отрастил безобразное пузо или раньше, а ещё красную, как помидор физиономию, видимо на почве алкоголя. Держался он в милиции, не смотря на «пристрастие» к Бахусу, видимо за счёт своего брата, имеющего большой вес в районе. В райотделе его не уважали настолько, что старшие по званию, даже допускали в отсутствие посторонних, называть его по фамилии – вместо Хукин, после второй буквы добавлять «й». Он изо всех сил делал вид, что не обижается, но было очень заметно обратное. Поскольку я был внештатным сотрудником ОБХСС (отдел борьбы с хищениями и спекуляцией), то он меня знал тоже не только по гаражам. Встречая меня в милиции, он всегда демонстративно меня приветствовал: «О-о-о! Народный ополченец! Привет!». Я сдержанно отвечал, потому что он это делал и при посторонних гражданах. Почему он сегодня появился, да ещё в парадной форме, да ещё при пистолете в кобуре, что в те времена «не пуганных идиотов», не допускалось и оружие выдавалось только на задание по распоряжению вышестоящих? Это он объяснил сразу и попросил поздравить его с сорокалетним юбилеем. Мы, это я, два сторожа и несколько «гаражников»- «отработчиков» часов, поздравили его и сказали, что с него «причитается». Кстати сказать, было заметно, что он уже «остограмился». Но он взмолился, мол, откуда у несчастного мента деньги на гастроном, вот и зашёл, может быть у кого чего найдётся в «загашнике» и при этом обратил взгляд на меня, так как знал, что у меня всегда в гараже есть самодельное

вино. Я сказал, что его понял, но надо подождать с полчасика, пока я закончу работу. Тот застонал, заныл, объясняя, что он находится на дежурстве, отошёл на полчасика, оставив за себя помощника. Ну, я решил, отставить окончание работы назавтра и пошёл в свой гараж. Хукин при этом взял рваную брезентовую рукавицу и дав её в зубы Дункану, стал таскать его, дразня. Хотя трудно было сказать кто, кого таскал. Я пошёл к себе в гараж, не оборачиваясь,но вдруг услышал испуганные возгласы Хукина:

-Дункан! Сволочь! Отдай!

Я обернулся и увидел, что ко мне несётся Дункан с парадной ментовской фуражкой в зубах, а Хукин за ним гонется с выпученными глазами. Я остановился и строго крикнул:

-Дункан! Ко мне!

Дункан остановился, положил фуражку на асфальт и спокойно, опустив голову пошёл ко мне. Я иду ему навстречу, прохожу мимо него и направляюсь к фуражке. Дункан удивлённо обернулся на меня и поняв, что меня интересует не он, а фуражка, рванул с места назад, схватил своей здровенной пастью фуражку, смяв и тулью, и козырёк, и кокарду и помчался мимо от меня и Хукина. Я вслед ему кричу:

-Стой! Дункан! Ко мне!

Дункан, отбежав прилично, опять остановился, но стоял на месте, держа фуражку в зубах. Я повторил команду, но Дункан недоверчиво глядя на меня с места не трогался, но фуражку опять положил на асфальт. Я сказал Хукину, догонявшему меня:

-Остановись! Не подходи! – и тот остановился, задыхаясь от пробежки.

Я подхожу к Дункану ближе, но он подозрительно приспустил голову пониже к фуражке. Я замедлил шаг и стал, успокоительно разговаривая с Дунканом, нагибаться к фуражке…

Тут же Дункан молниеносно схватил фуражку в охапку и озорно помчался от меня дальше.

- Я его пристрелю с-суку!- заорал Хукин, доставая пистолет из кобуры.

- Это кобель, а не сука!- поправил я его, - Убери пистолет!

- Я сказал пристрелю! Как я дежурство сдавать буду! – орал Хукин, тряся пузом и пробегая мимо меня со скоростью несвойственной его массе. Я схватил его за руку с пистолетом, но он грубо с грохотом отшвырнул меня спиной в железную дверь соседнего гаража и побежал дальше. Я в два прыжка его догнал и дал подножку. Тот с маху брякнулся пузом в белой гимнастёрке на асфальт и проехал по инерции. Пистолет при этом выпал из его руки и закувыркался вперёд метра на три. При чём, когда Хукин достал пистолет из кобуры, Дункан, как будто что-то понял и метнулся за угол гаражей, оставив изжёванную фуражку на асфальте.

Я схватил пистолет, Хукин тяжело поднялся с асфальта, посмотрел на рваную на пузе гимнастёрку и сказал, глядя на меня бешеными глазами:

-Я и тебя вместе с кобелём застрелю! Отдай оружие!

Щас! – сказал я и бросил пистолет через крышу гаражей.

Хукин ошалелым взглядом проводил пистолет в полёте, даже челюсть у него отвисла от неожиданности.

- Ты ох…л! Это же оружие! Ты соображаешь?

-Я соображаю! А ты нет! Пошёл вон отсюда, именинник!

Хукин заревел, как разъярённый медведь и кинулся на меня. Я отскочил от него, соображая, что он меня своим пузом может размазать по стенке, но тут из-за угла стремительно выскочил Дункан и вцепился Хукину в задницу.

- Ва-а-а-й! – дико заорал Хукин.

- Дункан! Нельзя ! Фу! – закричал я и подбежав схватил собаку за ошейник, оттаскивая от Хукина.

Кто- то их «гаражников» подал ему пожёванную фуражку и он трусцой помчался оббегать вокруг гаражи, чтобы найти пистолет. Только он скрылся за углом, как мужики разразились хохотом. Хохотали даже зажимая промежности, чтобы не «упустить» в штаны. Дункан с удовольствием подставлял свою голову под дружеские поглаживания, чувствуя себя победителем и гвоздём «программы», но вдруг… с крыши гаража раздался голос Хукина:

- А, ну! Отойдите! Я эту падлу, как врага народа сейчас расстреляю! И при этом стал целиться в Дункана.

У меня лично мурашки пробежали по спине сверху вниз и скрылись где-то в районе копчика. Все разом замолкли, поперхнувшись на полуслове… Я схватил Дункана за ошейник, а он несколько раз гавкнул на Хукина и рванулся вперёд, не соображая, что там он недосягаем. И я сказал:

-Если ты сейчас не уберёшься отсюда, то завтра ты погоны положишь на стол начальнику! Понял?

Хукин замешкался, опустил пистолет, в растерянности потоптался, сверкая сквозь рванину гимнастёрки свезённым ссадиной пузом и всхлипнув промямлил:

-Эх, и сволочь ты…. Дункан!

При этом он с маху попытался натянуть на голову изуродованную фуражку, но козырёк оторвался и остался у него в руке, а бесформенная фуражка, превратившись в бескозырку, была похожа на какой-то дамский чепчик с цветочком из пожеванной кокарды. Мужики от хохота расползлись на четвереньках в стороны. Такие перепады от ужаса до хохота кончаются истерическим смехом. А Хукин стоял на крыше гаража, вытирая слёзы .

-С Днём рождения вас, майор Хукин!- сказал я серьёзно.

В ответ он злобно бросил в мою сторону козырёк фуражки и пошёл, засовывая пистолет в кобуру, заговорщицки подмигивая рваниной брюк на одной ягодице.

Вдруг Хукин остановился и повернувшись к нам, обратился ко мне со слезами в голосе:

- Ну, вот что я сейчас в отделе скажу?

- Скажешь бандитов задерживал!- ответил я.

- Да? А бандиты где?- как ребёнок жалобно промямлил он.

- Сказали, завтра сами придут в отдел, сегодня некогда!

Кто-то добавил:

- День рождения у них тоже!

Хохот продолжился, а Хукин хромая пошёл по крыше гаражей в сторону райотдела,с юмором подмигивая рваниной брюк.

Михаил Дымшиц

Котёнок

I

Кошка равнодушно посмотрела на двух только что родившихся котят, не подававших признаков жизни. Третий, слабый, и ещё ничего не видевший, с не открывшимися глазами, пытался ползти в её сторону. Сделав грациозный изгиб, она сделала небольшой прыжок, оказавшись вне пределов его досягаемости. Котята на данный момент времени не входили в её планы. Бросив последний взгляд на шевелившегося котёнка, который позволил себе пискнуть, она исчезла, чтобы больше не возвращаться. Тому стало холодно. Не найдя матери, и наткнувшись на тела своих остывающих братьев, он понял, что здесь тепла не будет. Собрав все свои силы, он инстинктивно пополз в сторону тёплой трубы, находившейся неподалёку. Добравшись до неё, он крепко прижался к ней. Маленькое существо самостоятельно решило первую сложную задачу в своей жизни. Так прошёл день. Проснувшись, котёнок ощутил жажду, становившуюся всё сильнее и сильнее. Создание, которому исполнился один день, начало искать воду, без которой, как оно осознавало, ему скоро станет совсем плохо. Оно поползло вдоль трубы, пока не почувствовало, что его мордочка стала совсем влажной. Котёнок стал лизать каплями стекавшую воду, сочившуюся из стыка между трубами. Утолив жажду, он немного отполз в сторону, и снова уснул, решив без посторонней помощи вторую важную задачу - не умереть от жажды. Наступил третий день, суливший самую главную задачу - поиска еды, чтобы не умереть от голода.

II

Проснувшись, и напившись снова, маленькое животное ощутило голод, который люто терзал его желудок. Эта проблема, оказалась совсем, сложной: - еды было взять неоткуда. Охотиться оно не умело, а надо было есть. Мама ушла, и кормить его никто не собирался. В глубине его только пробудившегося сознания появилась нечёткая мысль - надо искать. Он нашёл тёплую трубу

и не замёрз, и воду, чтобы утолить жажду. Но надо было добыть еду, поскольку силы уходили, и очень хотелось есть. Он медленно пополз вдоль трубы, и неожиданно ему стало очень холодно. Он сразу отполз от опасного места и остановился. Это стало новым ощущением его короткой жизни - леденящий холод, проникавший через маленькое окно подвала. Тепло не дало пищи и котёнок, который ничего не видел, понимал, что место, где он находился, предоставило ему только воду и согрело его. Но где искать еду?.. Что-то подсказывало ему, что там, где он находился, еды нет. Он уже получил тепло и воду. Требовать что-то ещё от места, где он нашёл две вещи, и третью, было бы слишком. Но в его жизни появилось новое ощущение - холод. Оно было опасным, поскольку в первый день своей жизни он старался его избежать. Это несло гибель - говорил ему инстинкт. Но только там, возможно, и была еда. У него просто не оставалось выбора - находиться в тепле и пить воду, в конце концов, теряя свои силы, или ринуться на этот страшный холод, в надежде найти что-нибудь съедобное. И маленькое трёхдневное создание решилось - оно с трудом взобралось на трубу и приблизилось к источнику наибольшей опасности. Ему стало совсем холодно и страшно. Но, преодолевая страх, и понимая, что отступать некуда, он ринулся в подвальное окошко и вывалился на снег. В снегу было гораздо теплее, и, зарывшись в него, ему стало немного лучше. Но еды не было. А стало быть, нужно выбираться из сугроба и идти вперёд. Он покинул сугроб, отряхнулся, и пополз по более ровному месту. Это была полоса асфальта, окаймлявшая дом, из подвала которого он столь героически вылез. Наконец, он оказался на почти ровной площадке. Это было место перед подъездом, откуда входили и выходили люди. И что только сейчас от них он может получить еду и кров, он не знал. Время предутренних сумерек и на улице ещё никого не было.

Котёнок свернулся, чтобы сохранить тепло, решив, что дальше он никуда не пойдёт.

III

Наступило утро и первыми, кто оказались на улице, были дворники, чистившие тротуар от насыпавшего за ночь снега. Обходивший свой участок сразу наткнулся на маленькое существо. Сначала он даже не мог понять, находясь на расстоянии нескольких метров, что это такое. Он решил, что это сорвавшийся со дна машины грязный кусок снега. Но подойдя поближе, и, рассмотрев, как следует, он понял, что это замерзающий маленький котёнок. Мгновенно подхватив его за пазуху, создание негодующе пискнуло на грубое обращение, но через несколько секунд ему стало очень мягко и тепло. Словно рядом с мамой и братьями. Его неудержимо бросило в сон, и он уснул.

IV

Он проснулся на небольшой мягкой подушке, укрытый одеялом. Конечно, котёнок ничего этого не видел. Но ему было тепло и уютно. Сразу же захотелось есть. Он немедленно пискнул, чтобы на него обратили внимание, и что он голоден.

- Посмотри, - сказал нежный женский голос, - сколько же ему?.. Даже глаза не прорезались. Так бы и замёрз на улице. Наверное, мать бросила.

- Да я даже сначала и не понял, что это такое, - ответил грубый мужской голос.

- Думал, просто грязный снег, оставленный машиной у подъезда. А потом пригляделся, оказалось, совсем ещё крошечный замерзающий котёнок.

- Ты спас его, - раздался женский голос, сопровождавшийся звонким поцелуем.

- Но его надо кормить. Блюдечко он не осилит. Придётся из пипетки тёплым молоком.

В пищащий рот внезапно обретённого любимца семьи сразу полилось тёплое молоко. Никогда в жизни маленькое создание не знало ничего вкуснее. Оно пило, и пило, не в состоянии остановиться. Наконец, его сморил сон, рот закрылся, и он опять уснул.

А потом?.. Наступив после беспросветного отчаяния и одиночества, счастье не нуждается в продолжении. Котёнок подрастал, прорезались глаза, он уже довольно быстро ползал по квартире, негодующе мяукая, если кто-то случайно наступал ему на хвост. Вечерами он устраивался на человеческих коленях, обладатель которых смотрел телевизор, и урчал от удовольствия. А наевшись, опять отправлялся спать. В лотерее, которой мы называем жизнью, он вытянул счастливый билет.

Но зависело это только от него самого. И удача пришла к нему на помощь.

Александр Летин

Рыжий

Рыжий появился на свет в яме в заброшенном сарае. Наверно, раньше там был погреб, который без ухода обвалился, и мать Рыжего выбрала это место для норы.

У него было еще два брата и сестра. Рыжий был последним и самым слабым.

Мать уходила, а щенята, чтобы согреться, прижимались друг к другу. Когда мать возвращалась, от нее пахло морозом и молоком. Она ложилась, и щенята с удовольствием всасывали такое теплое и вкусное молоко. Вскоре щенята подросли настолько, что смогли выбираться из ямы. Только Рыжий никак не мог вскарабкаться по крутой осыпающейся стенке и от обиды скулил.

Однажды мать не вернулась. Оголодавшие щенята вылезли из норы, пролезли в лаз, выкопанный матерью под стенкой, и оказались на заснеженной поляне. Белый снег, яркий свет солнца ослепили их. Потом мелькнула черная тень, и это было последнее, что они видели.

Дверь сарая открылась, кто-то большой вошел и фонариком посветил в нору. Рыжий от страха забился в дальний угол, и его не заметили. Потом дверь закрылась, и нора погрузилась в привычный полумрак.

Так Рыжий остался один.

Было страшно и холодно. Но чувство голода заставило его преодолеть страх. От отчаяния собрав последние силы, Рыжий сумел выбраться из ямы. Когда он вылез из лаза, на улице был поздний вечер. Мороз усилился, и Рыжий после тепла ямы мелко дрожал. Откуда-то пахнуло съедобным. Он медленно пошел, почти пополз, в сторону этого запаха.

В это время мимо него проходила девочка с мамой. Девочка заметила Рыжего и остановилась. Ей стало его жалко. Такой маленький, несчастный, на слабых, подгибающихся ножках.

– Мама, мамочка, посмотри, какой смешной, какой рыженький!

– Пойдем скорее, замерзнешь.

– Ну, мамочка, ты только посмотри.

– Пойдем, пойдем, хватит, налюбовалась.

– Мамочка, давай его возьмем. Он такой маленький, такой несчастный.

– Это я буду несчастной.

– Давай возьмем. Тебе, что, жалко?

– У нас есть уже Мурка. Еще только мне его не хватало. Да и кто с ним гулять будет?

– Мамочка, я с ним буду гулять. Честное слово, буду.

Мама подумала, что если оставить это жалкое, несчастное существо на улице, то оно, конечно, погибнет или с голоду, или бродячие псы загрызут, и сдалась.

– Ну, смотри. Не будешь с ним гулять, выкину этого щена.

Так Рыжему повезло во второй раз.

– Не бери его на руки. Он грязный.

Мама взяла его сама и несла на вытянутых руках, стараясь не прислонять его к себе. Рыжий затих, почувствовав через перчатки тепло человеческого тела.

Первым делом его вымыли. Он был настолько слаб, голоден, испуган, что даже не сопротивлялся. А когда его сушили феном, то от тепла даже заснул. Вымытый он оказался очень симпатичным с густой рыжей длинной шерстью, карими умными глазками и большими забавными ушами.

– Как ты его назовешь?

– Давай, мама, назовем его Рыжик.

– Хорошо. На Полкана он явно не тянет. Чем бы его покормить?

Рыжику налили молока в блюдце, и он жадно его вылакал. Брюшко у него раздулось, и Рыжик заснул тут же у блюдца.

Он оказался очень сообразительным. Быстро узнал не только свою кличку, но и то, что девочку зовут Аня, а женщину – мама. Кроме них в доме был мужчина, но на Рыжика он внимания не обращал. А еще была кошка Мурка – злющая и вредная, которая сразу не взлюбила Рыжика. Она подошла к спящему щенку, обнюхала его, фыркнула и пошла спать на кровать.

Рыжик проснулся среди ночи и залез под кровать к девочке. Так он выбрал для себя место. Оно напоминало ему нору, в которой

родился, и пах девочкой. А девочку он полюбил сразу, нутром поняв, что именно благодаря ей он оказался в тепле и сытости.

Во сне он вздыхал и поскуливал.

Утром девочка взяла его на руки и отнесла на улицу. Он так испугался, что не отходил от нее ни на шаг и от страха жалобно скулил.

Потом они вернулись домой. Вскоре все ушли. Рыжик боялся Мурки и снова забрался под кровать. Из своей норки он вышел, когда пришла девочка. Она снова с ним погуляла на улице. Рыжик понял, что его не выбрасывают, осмелел и даже немного побегал по снегу.

Так они и жили: Аня, мама, мужчина, Мурка и Рыжик. Аня с ним играла и гуляла. Мама кормила. Мурка ходила везде, где ей хотелось, изредка шипела на Рыжика и, если Аня не видела, отнимала у него еду. Когда Аня приходила, Рыжик бежал к ней, повизгивая от радости, и подпрыгивал, стараясь лизнуть ей лицо, но доставал только до коленок.

Дома Рыжик постоянно ходил следом за Аней. Мама над ним смеялась, а Мурка смотрела с презрением. А когда Аня готовила уроки, Рыжик терпеливо лежал у ее ног.

Однажды девочка ушла, забыв закрыть форточку. В доме стало холодно. Кошка, как обычно, спала на кровати. Рыжик замерз. Он с трудом вскарабкался на кровать и лег, прижавшись к Мурке так же, как он прижимался к братьям в норе. Мурка повернулась и неожиданно лизнула его в лоб.

С тех пор жизнь у Рыжика стала совсем домашней. Он бегал с кошкой по квартире, ел вместе с ней, а если заигрывался, то получал от Мурки такую оплеуху, что летел, кувыркаясь, в сторону. Дружба дружбой, но если Рыжик отвлекался во время еды, то Мурка по-прежнему быстро опустошала его миску.

Спал Рыжик всегда под кроватью у Ани и никого туда не пускал, даже Мурку.

Со временем он стал красивым псом, с длинной, вьющейся рыжей шерстью. А когда какие-то мальчишки стали бросаться в Аню снежками, Рыжик с такой яростью кинулся на них, что ребята разбежались. И больше никогда Аню не обижали.

Подруги Ани ей тихо завидовали, и она с удовольствием с ним гуляла. И даже мужчина изредка трепал его за холку.

Анатолий Скала

Берлога для ёжика

Прибежали раз мыши к Тимоне и ну приставать:

– Ты где нынче, Тимоня, зимой спать собираешься?

– Где… – замялся в ответ домовой. – Как обычно!

– Под печью! – смеются над ним серые мыши. – А умные звери, хоть тот же барсук, хоть медведь, те в берлогах спят! Ты видал, чтоб медведь и под печкой спал?

– Медведь – не домовой, – отвечал им резонно Тимоня.

– А ёжики, что в домах живут? Разве не домовые?

– Про ежей неизвестно, – сознался Тимоня.

А мыши не отстают:

– Наш хозяин вчера на тропинке ежа поймал, в сенцы выпустил. Так тот сразу берлогу из старых газет себе сделал, водички попил – да и спать собирается… Не как некоторые… – посмотрели насмешницы на домового, – что по зимам туда-сюда шастают, мышей честных пугают да сыру выпрашивают! – И ещё повторили:

– Тому, кто в берлоге, так милое дело: не меду, не сыру не надо. Водички попьют – да и спать, водички попьют – да и спать…

– Вот уж будет вам милое дело, – не выдержал домовой. – Как возьмутся ёж с кошкой за вас, так забудете, куда прятаться!

– Эки страсти ты нам говоришь, – запищали проказницы. – Этот ёжик у нас современный, он ци–ви-лизованный!..

Тут на кухню вбежала разведчица, ещё с вечера наблюдавшая за колючим жильцом, и крикнула:

– А ведь ёж–то больной!.. Его люди лечить собираются!

– Больной? – переспросили разведчицу в несколько голосов. – А мы думали…

И не стало мышей!

Домовой подождал: не вернутся ли? Проворчал:

– Сыру, видишь ли, пожалели! А ёж, что, сыр не кушает? Тоже кушает! Морковь эту же, молоко… Это что получается? – спохватился он вдруг. – Ёжик тоже, как я, – домовой?

Походил, походил он ещё вокруг печки, и думает: «Надо мне самому посмотреть на ежа. Лет уж двадцать, наверное, не видел я этих зверей! Может быть, и действительно сейчас стали другими ежи? Сейчас многие звери, птицы совсем по-другому, не как прежде, вести себя начали.

Дрозды тоже вот. Раньше лишь перед снегом их видели на рябинах. А нынче и летом от нас никуда не деваются: гнёзда вить над окошками приспособились. Никакого спасения от глупых птиц!»

Домовой подождал, пока кто-нибудь из людей выйдет из дому, и сам вышел в открытые двери в сенцы.

Здесь был беспорядок. Дурашливый пёс Барбос то визжал и подпрыгивал, и то лаял на потолок, то пытался залезть под кровать, где сейчас находился колючий жилец. И откуда, вдобавок, торчали хозяйские ноги. Там псу щёлкали по носу, он визжал и выпячивался из-под койки, вновь прыгал и пробовал ухватиться за ноги хозяина.

Наконец, и хозяин стал тоже выпячиваться. И чем больше выпячивался, тем во всё большее недоумение приходил домовой; точно так же и пёс Барбос приходил в недоумение; а кошка Мурка вообще вспрыгнула на окно и, прикрывши нос лапкой, зафыркала. И не зря – из коробки с колючим комочком, что хозяин достал из-под койки, пахло. И пахло нехорошо.

«Не совсем, видать, цивилизованный ёж, – рассудил домовой. – Воздух вроде немножко испортил!»

Наверное, точно так же подумали все присутствующие. И только хозяин как будто не чувствовал запаха и в десятый уж раз начал рассказывать:

– Иду, значит, я березняком. Темновато уж… Вдруг, смотрю, по тропинке как будто бы что-то движется… Это кто такой, думаю, мне навстречу бежит? Присмотрелся – да это ведь ёж!.. Ты куда, его спрашиваю, ёж, пошёл?..

У Тимони на это хозяйское спрашивание чуть не вырвалось: «Да тебе-то какое бы дело, куда ёж пошел?.. Мало, что ли, куда ежу надо пойти! А тут – стой! Куда, ёжик, пошёл?!»

– А он, видишь ли, к докторам! – завершил свое повествование хозяин. И уже другим голосом сказал:

– Ну, Ирина, давай-ка сюда те лекарства, что были у нас в «скорой помощи» приготовлены.

– Я сперва халат белый надену, и шапочку, – сказала Иринка и стала пристраивать на кудряшки красивую шапочку с красным крестиком. После этого положила на стул сумочку, тоже с крестиком, только беленьким, и тогда домовой догадался, что будет лечение, о котором ему говорила ещё мышь-разведчица.

– Ну, так вот, – вновь вернулся хозяин к ежу, – этот ёжик у нас как из песенки – тоже с дырочкой в правом боку. Это всё воронье проклятущее… Поселились негодники где-то невдалеке. Уж в который раз ловят кого-нибудь. Вот и ёжика раздолбили своими долотьями–клювами! Как ещё жив остался?..

– Ой, папа, смотри, – вдруг воскликнула девочка. – У него внутри ранки что-то шевелится!

– Ну, конечно же, – охнул следом за дочкой отец. – Наметались, проклятые, на жаре. Поищи мне, Ирина, пинцет… А я тут вокруг ранки иголки у ёжика выстригу.

Он пощёлкал с краёв ранки ножницами, а потом взял пинцет и начал вытаскивать из неё что-то беленькое. И от этого ёжик стал сильно дёргаться. И Тимоня, сам не замечая того, начал дёргаться, да причём столь старательно, что в конце концов чуть не шлепнулся на коробку с больным.

– Теперь всё, – произнёс отец девочки. – Теперь вату да бинт. Надо ёжика забинтовать для надежности!

Только ёжик не стал ждать, пока люди его забинтуют, а свернулся клубком и зафыркал.

– Спасибо, наверное, говорит, – рассмеялся Иринкин отец. – И ведь, знаешь что, дочка, мне кажется: этот ёж специально навстречу мне вышел! Почувствовал, что без помощи не обойтись!..

Тимоня задумался: ёж, конечно же, был неплохой, может даже и цивилизованный, но уж больно он что-то толст. «Неужели с водички?» – подумал Тимоня, припомнив мышиную болтовню.

Ближе к вечеру домовой подобрал в саду яблоко и отправился в гости к больному. Заглянув под кровать, крикнул:

– Ёж, ты жив?

– Жив, – послышалось из темноты.

– Не спишь?

– Нет, – ответила вновь темнота.

«Интересно, – подумал Тимоня. – Вот люди и птицы ночами спят, а ежи или эти же мыши – те наоборот! Совы тоже наоборот, – хотя совы и птицы. А ворон – тот спит? Или он, как и ёжики, бодрствует?»

– Тебе кто это бок расклевал? – спросил вновь домовой темноту.

– Так тот ворон и расклевал, – ответила темнота.

– А я, что, и о вороне уж успел спросить? – удивился Тимоня.

– Так я без вопросов уж знаю, о чём ты думаешь, – отвечала ему темнота.

– Ну, тогда… я не знаю, – совсем растерялся Тимоня. – Тогда можешь не отвечать. – Ему стало немножечко стыдно: ведь если ёж знает, о чём он тут думает, то, наверное, знает и то, как Тимоня сегодня мышей им пугал… И от этого ему стало совсем уже стыдно.

– Я тебе… это… яблоко, – поспешил он свести разговор на другое. – Сбоку, правда, чуть стукнуто… – и добавил:

– Ты, если тебе жить совсем сейчас негде, живи здесь у нас. Мне не жалко. Ты только мышей не лови. Скучно как-то, когда без мышей. Кошка есть, так она всё с хозяевами.

– Без мышей скукота, – согласилась опять темнота.

– Да, – сказал домовой и замолк. Размышлял, что имел в виду ёж, говоря про мышиную скукоту? Ежик тоже молчал. Наконец, домовой собрался уходить и хотел уж спросить, зажила ли у ёжика ранка? Но тот его снова опередил:

– Заживёт теперь ранка. Домой бы мне. Ребятишки голодные. Как бы не потеряли меня…

У Тимони и мысли, что были до этого в голове, сразу спутались:

– Так чего же ты, ёжик, молчишь? – Он забегал по сенцам, то пробуя заглянуть под кровать, то пытаясь придумать, чем можно помочь ёжику, и всё время твердил:

– Ребятишки голодные… Ну, конечно же, как я сразу-то не догадался? Так домой тебе надо! – Потом он схватил рукавицы и начал вытаскивать из-под койки коробку с больным. Еле-еле управившись, ухватился и за ежа.

– Ох, колючий ты, ёж! – восхитился он, прижимая ежа к груди. – И тяжёлый ёще…

Но ёж только молчал, зная, что на Тимонину болтовню можно не отвечать. Лишь когда домовой его вытащил на крыльцо, он вдруг начал дышать часто-часто. А сердце вдруг заколотилось с такой громкостью, что и через фуфаечку стук его долетел до такого же громкого и отзывчивого сердца маленького домового.

Растроганный домовой с осторожностью оттащил ежа в старую кроличью клетку. Налил в блюдце воды. А дверцу не стал закрывать – вдруг ёж вздумает к ребятишкам бежать? Хотя вряд ли – больной ещё!

А когда пришёл утром проверить приятеля, то его уже не было.

Погрустил, погрустил домовой, походил вокруг клеток, к берёзкам на краю участка сходил… А под тополь, что дальше, ещё за березками рос, не заглянул. А то сразу бы увидал, что отверстие меж корнями чернеется. И тропинка к нему кем-то протоптана…

Так и лето прошло. Потом осень. Уже по зиме вышел как-то Тимоня на улицу посмотреть, всё ли ладно в хозяйстве? Глядит: а у старого тополя забор на бок упал.

«Ну вот, – думает, – опять зайцы из лесу зимой прибегут и все яблони обгрызут! Надо будет хозяину подсказать!»

Подошёл, чтоб поближе взглянуть. Обошёл вокруг дерева. Сел в затишье: в последний раз на владенья взглянуть. А из норки, что между корней, как из печки, тепло идёт. На миг даже почудилось, что не в поле на стылом ветру, а в запечье сидит!

Догадался тогда домовой, где знакомый ёж жить устроился. Наклонившись к отверстию, прокричал в темноту:

– Ёж, ты спишь?

– Сплю, – ответила темнота.

Домовой озадаченно потоптался у дерева, вновь спросил:

– Ты живой?..

В этот раз темнота не ответила.

Домовой покрутил головой и подумал: «Наверно, почудилось! Если ёжик спит – кто бы мне отвечал, что он спит?.. Ну, а если не спит, то чего больше не разговаривает?»

С этой мыслью вернулся домой, а мышам про берлогу ежа говорить не стал. Чтоб не спорить о том, где и кому зимой лучше спать!

Уж под самое Рождество ещё раз сходил к тополю и ещё раз спросил темноту:

– Еж, ты спишь?

– Сплю! – вновь ответили из-под земли.

– Ну, тогда на тебе одно яблоко! – произнёс домовой и вкатил в нору яблоко.

После этого успокоился: если ёжик спит, то во сне еды много не требуется. Ну, а если не спит, то чего-нибудь сам найдёт. Сам Тимоня во сне не ел. Разговаривать тоже во сне не разговаривал – не умел. Но ежи – это все-таки не домовые! Может быть, у них все по-другому.

Всю долгую зиму Тимоня хоть изредка да вспоминал про ежа и берлогу, в которой тот спал. И от этого на душе у него становилось теплее…

Сам же он спал как обычно, как в прошлые зимы – под печью.

Маргарита Загородских

Матвей, для своих просто Мотя

Снова наступило хмурое серое утро, за окном моросил холодный дождь, сбивая каплями и ветром желтые листья с деревьев. Я сидел на подоконнике, наблюдая как люди бегут с хмурыми недовольными лицами на работу, морщась от холодного осеннего ветра, они поднимают воротники повыше, пытаясь обходить и перепрыгивать лужи, недовольно залезают в подошедший автобус, по-быстрому стряхнув воду с зонтов.

Мне же, как я сам считал, повезло гораздо больше, если б меня угораздило, родится человеком сейчас бы тоже бежал куда-нибудь на работу, а так я просто кот, с обычными кошачьими радостями в жизни, вкусной сосиской на обед, мягкой подстилкой у батареи, и моим личным подоконником. Если честно мне больше и не надо было, может от своей кошачьей натуры, а может и от природной лени-матушки, я был доволен своей жизнью, и проводя на подоконнике не один год и летом, и зимой убеждался в этом раз за разом.

Конечно не всегда у меня была такая беспечная жизнь, детство мое было куда менее радостнее, я родился в холодном мокром подвале, обычного девятиэтажного дома. У меня еще были брал с сестрой, но им повезло куда быстрее, ибо бабушка, живущая на втором этаже, почти сразу забрала их к себе, и больше я с ними не виделся, но я почти уверен, что свою сосиску в день они точно имеют. Я же по своей любопытной натуре постоянно выбирался на улицу, поэтому и остался один. Через какое-то время мама тоже пропала, просто перестала приходить. Один в многомиллионном городе. Без еды и крыши над головой. Добывать пищу я толком не умел. Да и какую пищу, мышей? Они в подвалах в два раза больше меня. Птиц? Разве может двухмесячный котенок поймать хотя бы воробья? Поэтому единственное что могло попасть в мой желудок объедки, выброшенные мимо мусорных баков.

Но видно родился я под счастливой звездой, ибо когда я сидел у дороги в поисках хоть какой-то еды, ко мне подошла молодая пара, рыжая девушка в ярко-красном пальто и молодой человек в синем пуховике с большим мехом на воротнике. Что-то бурно обсудив между собой, большие руки взяли меня с земли и засунули под пальто, там было тепло…тепло и сухо…с того дня у меня всегда тепло и сухо, мне дали имя, для обычного дворового кота это большая честь, между прочим. Зовут меня теперь Матвей, для самых близких просто Мотя.

С тех пор прошло уже около пяти лет, и я стал полноправным членом семьи. Могу сказать, определенно, что я счастливчик. Но как бы было хорошо если бы у каждого кота был свой угол и своя сосиска на обед. Мир конечно не изменится, если вы спасете одного кота, но для кота, мир изменится навсегда.

Валентина Астапенко

Малыш

Как-то летним вечером я возвращался домой от приятеля. Неожиданно за углом пятиэтажки раздался ужасающий визг. Внутри у меня всё оборвалось. Не помня себя, кинулся на этот зов.

Во дворе около кустов акации двое мальчишек натравливали взрослую собаку на щенка.

- Барон, фас его, фас!

- Санька, да не так же: голос должен быть жёстким, уверенным, а ты мямлишь, как слюнтяй!

У «дрессировщика» Саньки тряслись руки и дрожал голос. Его дружок обозлился и выхватил поводок:

- Смотри сюда и учись! Барон, кому сказал, фас его! Фас! Р-р-р! – и подтолкнул кобеля к жертве.

А малышка уже не визжал, а только жалобно поскуливал, сжавшись в комочек. Меня точно захлестнуло горячей волной:

- Эй, пацаны, вы что творите, а?!

- Не твоё дело, проваливай!

- Ах, не моё дело?! – взорвался я и пулей отскочил от них в надежде отыскать что-нибудь подходящее для атаки.

Недалеко валялась сломанная ветром тополиная ветка внушительных размеров. Я ураганом набросился на пса и мальчишек. Компания молниеносно испарилась.

А собачонок, оценив мою поддержку, вдруг осмелел и, смешно оскалив зубки и даже зарычав, помчался вдогонку за обидчиками. Впрочем, он очень быстро вернулся. Ноги у меня подкашивались, и, пытаясь успокоиться, я присел на скамейку. Пёсик приткнулся к моим ногам и взглянул снизу вверх умными глазками. Осторожно взяв его на руки, прижал к себе и почувствовал, как бьётся маленькое сердечко. И тут я с горечью осознал, что не смогу взять найдёныша с собой: родители ни за что бы не согласились: живём в тесноте, «прыгаем» друг через друга.

- Ну, шагай, глупышка, беги домой. Тебя, наверно, уже заждались.

Он замер на месте и не отводил от меня тревожного взгляда.

- Ладно, пошли, что-нибудь придумаем. Малыш, рядом!

Тот послушно выполнил команду.

- Ого, да тебя уже учили… Ах, ты мой хороший! Вперёд, Малыш!

У дверей подъезда я остановился. Придумать ничего так и не удалось, и щенок остался на улице. Было невероятно стыдно перед ним.

Дома я застал родителей перед экраном телевизора, прошёл в кухню, до-был кое-что съедобное для моего подопечного и вышел на улицу. Малыш терпеливо ждал меня на прежнем месте. Махом проглотив сосиску и кусок хлеба, лизнул мою руку. Я понял, что мы теперь друзья навсегда.

Вскоре домашние узнали о моей тайне.

Поздней осенью я сильно простудился и попал в больницу. Принимал процедуры, ел, спал, но мои мысли всегда возвращались к Малышу. Попросил ребят во дворе подкармливать его.

Однажды вечером в палате появились мои родители, и я в первую очередь нетерпеливо спросил:

- Как там Малыш?

- Ничего… бегает, - уклончиво ответила мама и переглянулась с отцом.

Я перехватил их взгляды и заподозрил что-то неладное:

- Что с ним?

- Да всё нормально, Серёга! – поспешил успокоить отец.

На следующий день меня пришёл навестить дружок и прямо в дверях, сделав большущие глаза, сообщил паническим голосом:

- Малыш исчез! Мы уже всё обыскали – нет его!

Я готов был тотчас же сбежать из больницы, но вовремя одумался: ведь уже завтра я буду дома!

Утром другого дня вошли в палату мои сияющие родители:

- Серёжа, у нас для тебя… - начала мама с загадочной улыбкой, и они хит-ренько переглянулись, - сюрприз! Мы, наконец-то, получили двухкомнатную квартиру! Сейчас поедем прямо туда.

Меня словно ударили по голове. Я всю дорогу уныло смотрел в окно автобуса и молчал.

Но главный сюрприз ожидал меня уже на пороге нового дома: за дверью с радостным лаем рвался в мои объятия … Малыш!

***

Прошло несколько лет. Я уже поступил в институт и стал подрабатывать сторожем в одной конторе. Моим неизменным спутником всегда был Малыш. За это время он превратился просто в красавца. Мощная широкая грудь. Крупные лапы. Превосходная осанка. Умные глаза, ревниво следившие за каждым моим движением. Мы с ним частенько захаживали в наш офис и днём по разным делам. Приятно было ловить восхищённые взгляды сотрудников, откровенно любовавшихся статной воспитанной овчаркой.

Мой питомец с первых же дней знакомства быстро нашёл с ними общий язык. Особенно ему приглянулся директор, у которого Малыш брал еду с ладони. Правда, вопреки строгим правилам дрессировки, пёс угощался втихую за моей спиной.

Случилось нам мимоходом заглянуть в нашу фирму. Там что-то бурно об-суждалось. Нас тотчас же обступили и подняли невразумительный галдёж.

- Слушай, - обратился ко мне мой сменщик, - я сегодня не смогу выйти на дежурство. Будь другом, подмени…

Но его уже перебили:

- Да кроме тебя больше и некому! Ты же днём сегодня отдыхаешь…

- У тебя – собака! С таким сторожем всю ночь дрыхнуть можно…

Я согласился. Под вечер мы с Малышом заступили в «ночное». Как только стемнело, я погасил свет и задремал на диванчике, доверившись своему помощнику. Разбудило меня непонятное чувство тревоги. Всё было тихо, но я ощутил какое-то движение за окном. Мой четвероногий охранник никаких звуков не подавал, но я всё же направился к чуть светлеющему проёму. В комнате был

густой мрак, однако за окном при слабом лунном свете кое-что можно было разглядеть. Я вплотную приблизился к раме и вдруг отпрянул, увидев приплюснутый к стеклу чей-то нос и чьи-то глаза. По моей спине пробежал неприятный холодок. Нос и глаза отлипли, и еле различаемая человеческая фигура двинулась к другому окну. А я всё стоял, не в силах шевельнуться. Наконец вспомнил о Малыше: «Где же он? Куда девался? Не мог же он так беззвучно…» Не соображая толком, что делаю, я метнулся к выключателю.

Первое, что увидел при свете, - это проплывающий мимо меня хвост моей собаки. Она совершенно спокойно, следом за злоумышленником по ту сторону стены передвигалась к соседнему окну. Я никак не мог объяснить себе это дружелюбное помахивание хвоста и растерянно смотрел на своего друга, который всегда казался таким верным...

Из оцепенения меня вывел стук в окно и громкий голос:

- Серёга, ты спишь, что ли? Давай ключ от гаража – мне выезжать надо!

Всё ещё на ватных ногах, я с трудом пришёл в себя. Впустил шефа и пошёл за ключом. Когда вернулся, тот не понятно чему улыбался, а Малыш вкусно облизывался и смотрел на меня невинными и как всегда преданными глаза-ми. Как же я мог усомниться в своём друге?!

***

Однако ещё не один раз мне довелось убедиться в верности Малыша, но при этом и крепко поволноваться. Обычно после работы мы любили погулять на природе. Однажды, забравшись в самый дальний уголок парка, я присел на скамейку в тенёк, заслуженно предоставив своему псу полную свободу действий. Он, по обыкновению уткнув нос в траву, с увлечением принялся вынюхивать и исследовать что-то известное всему собачьему миру.

Внезапно Малыш прекратил свою следопытскую работу и настороженно стал к чему-то прислушиваться, устремив взгляд в особенно густые заросли.

Там его что-то заинтересовало. Вдруг он встрепенулся и как-то весь подобрался, не по-доброму напрягся, шерсть на загривке начала дыбиться. Я сначала не мог понять, в чём дело, затем уловил непонятный шум. Сквозь густые ветви блеснули затемнённые стёкла очков на носу худощавого подростка. Тот за кем-то гнался. Слышно было только собачье повизгивание. Малыш напружинился, присел на передние лапы и стал ими нервно перебирать. И тут он ринулся по направлению к шоссе. Я еле-еле поспевал за ним и вскоре увидел малюсенького щеночка, который беззаботно семенил к дороге. Машины мчались сплошным потоком. Мой пёс выразительно посмотрел мне в глаза, словно ожидая разрешения, и ринулся к собачке, но та уже была почти на обочине. Какой-то лихач гнал свой автомобиль и, видимо, только что заметил щенка. Я просто остолбенел. Отвратительно завизжали тормоза, резанув тем самым меня, кажется, не столько по ушам, сколько по самому сердцу. Я непроизвольно зажмурился и затаил дыхание, представив жуткую картину… Но уже через мгновенье вытер пот со лба влажной ладонью и попытался сообразить, как прийти на выручку щенку. Проезд для транспорта не-медленно застопорился, и вразнобой раздались нетерпеливые гудки. Однако животные всё ещё продолжали мельтешить между колёсами. Наконец, изловчившись, Малыш схватил незадачливого хвостатого пешехода «за шкирку» и поспешил ко мне. Я обнял «спасателя» и от избытка чувств, не сдержавшись, поцеловал его.

А в это время подбежала молодая женщина, таща за руку плачущую девочку лет двух-двух с половиной. Мамаша, оставив её, быстро подняла на руки скулящий комочек и крепко прижала к груди.

- Какая прекрасная у Вас овчарка…- едва отдышавшись, обратилась ко мне мамочка, но, обернувшись туда, где только что стояла дочка, вдруг потеряла дар речи. Воспользовавшись моментом, девчушка подошла к Малышу с явным желанием погладить по голове «добрую собачку». У меня по спине пробежали мурашки: ручонка малышки была в его раскрытой пасти. Ещё до того, как я

собрался отдёрнуть девочку от пса, он уже лизнул её пухленькую ручку, а она ласково обняла его за шею.

Но то, что произошло дальше, просто повергло меня в шок, какого я не испытывал ещё никогда. Мой умнейший и добрейший Малыш вдруг пустился догонять преследователя, затем, опередив его, развернулся волчком и в стремительном прыжке бросился на юношу. От неожиданности тот опрокинулся навзничь, а пёс, опустившись рядом на задние лапы, передними упёрся в грудь поверженного и грозно зарычал. Я, охваченный ужасом, помчался к ним. Парень лежал неподвижно, но был в полном сознании. Очки отлетели далеко в сторону. К моему удивлению, его взгляд выражал не страх и не злость возмущения. Пострадавший смотрел… виновато. И мне показалось, что я уже где-то видел этого молодого человека раньше. О, вспомнил! Он ведь тот самый «собаковод», из рук которого мне пришлось года три назад вызволить Малыша. Парень, не мигая, смотрел на могучего мстителя, потом, заикаясь, проговорил:

- Нну, ввсё… ххорош… ххорош!

Альфира Ткаченко

Кабарга

Свет от солнца скользнул по листьям берёзы и затих. Ещё раз пошевелился и уже лежал спокойно на еле качающемся листке. Вот треснула ветка.

Тихо...

В такое раннее утро в лесу всегда тихо. Сегодня не было никакого ветра и поэтому звери спокойно спали: кто в своих норах, кто под крупными ветками деревьев.

Вдруг ветерок подул чуть сильнее. Облака над лесом стали собираться в большие сплошные грозовые тучи. Деревья забеспокоились и понемногу начал накрапывать дождь. Капля... Вторая... Вот дождь пошёл сильнее. И вдруг он разошёлся в ещё только что спокойном лесу. Сонные звери вылезли из-под веток деревьев и побежали искать себе место от дождя.

Кабарга, старая и мудрая, поднялась с хорошо насиженного места и, уткнувшись носом в голову своего детёныша, как бы показывая направление ему, куда надо идти, пошла, усиливая шаг в сторону горы. Они шли, ускоряя шаг. Дождь уже хлестал по бокам, шерсть намокала всё больше.

Она остановилась, услышав шум. Там, впереди, перед горами, сыпались камни со склона высокой скалы. Ещё вчера стадо кабарги жило спокойно. Было солнечное утро. Жужжали мелкие мушки, мешая спокойно ходить по тропам в лесу и искать сладкие корни. Птицы пели, летая высоко в небе, радуясь яркому солнцу и цветам на полянах. Всё в лесу располагало к спокойствию и поэтому звери совсем не ожидали не погоды. Дождь начался внезапно. Вначале капал по одной, две капли. Немного погодя подул сильный ветер и начался ливень. Такой ливень ещё никогда ничего хорошего не приносил. Ветер буквально клонил деревья к земле, которые были ещё слабые и не давал сопротивляться им стихии. Небольшие берёзки, росшие возле того места, где лежало стадо, лежали упавшие под натиском сильного ливня и ветра, перекрещенные, на поляне. Там, за поляной и сосновым лесом была высокая гора – Саяны.

Она возвышалась над лесом и когда кабарга шла в поисках корма на другую сторону, она висела над ними. Камни держались на покатых склонах и почти отвесных скалах. Казалось, что вот навалится сильный ветер, ураган, и все камни покатятся по склонам и завалят всю территорию. Но это только казалось кабарге, которая сейчас шла по полянам, наклоняя голову от сильного ветра и укрывая ею детёныша от дождя. Но спрятать голову от лившегося шумного дождя она не могла. Вся шерсть намокла. Её детёныш шёл за нею и слабо звал на помощь. Но кабарга переступала ногами, убыстряя ход, и лишь иногда останавливаясь для того, чтобы подождать его и опять шла вперёд. Им надо было как можно быстрее спрятаться под горой. Но они были далеко от того места, где в горе было ущелье.

Резкий гром заставил вздрогнуть её и прижаться к маленькой кабарге. Она испуганно смотрела на мать и молчала. Ещё один резкий и трескучий разрыв грома пронёсся над горами и они опять услышали шум падающих камней. Когда подошли к горе, то не узнали того места, где ещё недавно были поляны с цветами и небольшие сосны. Весь участок леса и небольшие луга перед горой были завалены падающими и скатывающимися валунами. Гора молчала в ответ под раскатами грома и сверканием молний и лишь отвечала шумом падающих камней с её склонов. Звери затихли. Они смотрели на то место, где должно было быть ущелье и ничего не могли сделать, чтобы остановить камнепад.

Ущелье полностью было завалено большими глыбами. Почти половина горы скатилось на огромную площадку леса и теперь она вся, возвышающаяся ещё вчера над зелёным пространством с цветами, напоминала скелет горного массива с камнями, торчащими из земли.

Детёныши прижались к своим матерям. Взрослые животные стояли и молчали. Что они могли сделать перед разбушевавшейся стихией? А гроза, разбрасывая огромные раскаты грома и сверкающую молнию, бушевала всё сильнее и сильнее.

Часть камней рухнуло с большой высоты и огромным комом покатилось вниз под гору. Звери испуганно смотрели на этот ком

и стояли, боясь шелохнуться. Они словно загипнотизированные чем-то или кем-то стояли под горой на камнях, которые упали ранее или скатились с неё. Вдруг камни начали падать рядом с ними. Кабарга подпрыгнула и побежала, забыв о своём детёныше. Маленькая кабарга ещё долго звала на помощь мать, но лишь шум в горах отдавался эхом в ответ на её зов. Её мать бежала от проклятого места, как и все животные, которые обезумев от грохота камнепада, сорвались, ломая всё на своём пути. Они были уже далеко от горы, а дождь хлестал по ним и заливал лес бушующим ливнем. Сверкали жёлто-белые молнии. Раскаты грома гремели вверху, ещё больше пугая зверей своим шумом. А кабарга и то, что осталось от стада, бежала по лесу, ломая ветки на деревьях. Они давно потеряли своих детёнышей. В таком ливне им казалось, что лучше всего только спрятаться где-нибудь от страшной грозы и камнепада.

Ветер, шумевший над ними, начал стихать. Молнии уже не сверкали, а дождь хоть и лил над лесом, но уже не с такой силой. Животные остановились и начали осматриваться вокруг. Стадо было сильно потрёпанно, но самое страшное, что почти все звери потеряли молодняк. Старая и мудрая кабарга заревела под утихающий шум дождя. Но поделать что-либо она уже не могла. Маленькой кабарги рядом с нею не было. Она осталась там, где камни летели с такой скоростью, что сбивали большие деревья и валили всё перед собою. Звери сгрудились в одну кучу. Они стояли и испуганно смотрели на лес, но тот отвечал им лишь каплями дождя. Капля... Вторая... Солнце светило над блестевшими листьями берёз и иголками сосен. Цветы на поляне опять расправили свои лепестки и уже радовались солнечным лучам, пробивавшимся сквозь листья деревьев.

Животные молчали. Они потеряли много молодых и сильных животных. Камнепад ещё долго будет напоминать им о том страшном дне: когда они лежали на полянах и, боясь рассвирепевшей грозы, бежали искать укрытия в ущелье, где всегда находили покой между камней старой горы. Они и сейчас бежали туда, но кам-

непад преградил им путь и маленькая кабарга и такие же, как она, слабые животные остались лежать на камнях, истекая кровью, и теперь только бешеные мушки летали над ними под яркими лучами солнца, которое выглянуло, как в насмешку над их угасающей жизнью после безумствующей стихии.

Гора, когда-то ещё бывшая высокой и величавой, теперь смотрела скелетами скальных пород из земли и разбросанными камнями по всей долине.

Животные ещё долго шли по лесу. Но куда они могли идти после такого горя? Они просто шли, не оглядываясь на место камнепада, где остались лежать детёныши и слабые боязливые самцы и самки. Ещё вчера они были рядом с ними и играли под яркими лучами солнца на полянах с цветами, а старые звери лежали и любовались их танцами и играми.

Гроза уже давно ушла далеко за горизонт. Облака плыли, но уже белые, по небу, такому яркому и голубому, что казалось, оно было таким ярко голубым им в отместку за их страх перед стихией и не правильно сделанный выбор места, где можно было укрыться от неё.

Солнце светило и разгоралось яркое - голубое, голубое небо над лесом.

Опять пели птицы над деревьями. Стадо ушло глубоко в лес, переживая боль о погибшем молодняке.

Валерий Лохов

Догхангеры

Над дверями длинного одноэтажного здания из бруса с крышей из красной черепицы укреплена большая вывеска с рисунком маленькой лопоухой собачонки. Витиеватыми буквами красного цвета, на желтом фоне, написано «Эльфа». Чуть ниже – расписание повседневной работы без выходных дней. Здесь расположился коммерческий приют и похоронное агентство для животных, которых оставляют или погребают состоятельные клиенты, уезжая в длительные рабочие командировки или в теплые края. Из-за отсутствия средств в бюджете захиревшего городишка, в борьбе с быстро плодящимися бездомными собаками сформирована группа «догхангеров», работающая от случая к случаю, по мере необходимости и по причине мизерной зарплаты. Автомашина системы «Газель», используемая ими в операциях по уничтожению «братьев меньших», имела конструкцию автобуса, без окон и цвет ягуара, с пятнами на боках.

У очень известного в городе предпринимателя – миллионера жила собачка Тина. И хотя она и жила в большом доме, окруженном высоким кирпичным забором, имела возможность выбежать на улицу, где водились обычные, бездомные дворняжки. Ютились они на крышках колодцев и крупных коллекторов, спасаясь в зимнее время, таким образом, от жестоких морозов.

В одном неприметном месте забора имелась небольшая дырочка, которая и стала лазом для Тины, когда она иногда убегала от хозяев, к своим сородичам. В эти счастливые минуты торжества свободы, она легко сдружилась со всей стаей, насчитывающей около десятка бедолаг. Они встречали ее как свою, радостно повизгивая и махая хвостами, облепленными у многих репеями. Если везло, то в зубах приносила вкусную косточку, за что бесхозные бедолаги были особо ей благодарны.

Заигрывались подолгу, не замечая быстротекущего времени. И лишь громкий и зычный окрик толстяка-хозяина заставлял ее возвращаться домой к ненавистному, жирному и ленивому коту

Ваське, с которым они постоянно дрались, только шерсть клочьями летела по сторонам.

И вот однажды, когда они резвились, гоняясь друг за другом, с веселым и заливистым лаем, они увидели незнакомую машину, похожую на странного лесного зверя. Прекратив беготню, они с любопытством уставились на невиданное чудовище. Вдруг из ее большой будки вышли двое незнакомых мужчин в зеленой, защитной форме. В руках у каждого были длинные палки, из которых вдруг с грохотом стал вырываться огонь. Вмиг стая кинулась врассыпную, лишь двое не смогли этого сделать, оставшись на снегу. Подойдя к своим жертвам, они за ноги уволокли их к машине и забросили в будку. Только два кровавых следа остались после их отъезда. Да страх, который поселился в собачьих душах, заставляющий вздрагивать при рычании проезжающих автомашин.

Хозяин, устав от дел праведных, решил съездить отдохнуть на Мальдивы. Перед самым отъездом отвез Тину в питомник и сдал ее на хранение. Та хорошо знала, что продлиться это целый месяц, а ей так не хотелось этого. Потекли скучные, однообразные дни, когда кроме еды и прогулок ничего не оставалось делать в этом элитном заведении. Одно радовало, можно гулять в открытом, большом вольере вместе с другими «отпускниками». Через сетку ограждения видно все, что твориться вокруг. Этой всей округой, в основном, была ограда учреждения с двумя гаражами для автомобилей.

Прошла неделя невыносимой каторги и ожидания окончания ее срока. Вот и в этот день, как обычно, их выпустили на прогулку. Каких только пород не было среди прогуливающихся, хозяева которых уехали встречать Новый год, куда подальше от захолустного городишка. Неожиданно Тина увидела, как из ворот большого гаража выезжает та самая ужасная машина, которая врезалась в ее память на всю оставшуюся жизнь. Ей стало страшно. Она заметалась по вольеру, скуля и порой протяжно завывая. В ее мозгу вновь появилась картина ужасного расстрела. Она, представив, как та снова подъедет к ее друзьям и как начнут с громом изрыгать

огонь и смерть из ужасного орудия, стала соображать о том, как бы им оказать помощь.

Наметанным глазом, как ей уже это приходилось делать в своем доме, она быстро обежала ограду из сетки, приколоченной к деревянным столбам. Сетка «рабица» в одном месте имела прорыв. Толкнув его, проволока приподнялась, и Тина мгновенно проскочила в образовавшийся проем. Увидев такое, следом за ней выскочила еще одна собачка и побежала вслед Тины, слепо надеясь на что-то. Забор вокруг учреждения был высоким, метра два высотой. Горемыка-спасительница заметалась подле него, не зная, что предпринять. Она понимала, что все решают минуты, даже секунды. «Ягуар» уже остановился у выездных дорог и сторож приступил открывать створки этих железных громадин. В порыве отчаяния, когда уже казалось, что ничего сделать нельзя, Тина разбежалась и, оттолкнувшись от спины выбежавшей вместе с нею собаки, перепрыгивает через ограждение. С визгом приземлившись, не теряя ни секунды, кинулась в сторону своего дома. Она хорошо понимала, что эти убийцы снова направляются на то место, которое давно облюбовали друзья Тины. Ее мысли работали лихорадочно, с математической точностью просчитывая путь убийц. Она хорошо знала дорогу. Запомнила, когда хозяин вез ее в своей машине. И хотя она пересекла две улицы, понимает, что может не успеть и ей необходимо что-то предпринять.

Собачонка резко останавливается и смотрит по сторонам. Ее взгляд притягивается к палисаднику дома, около которого она остановилась. Несколько крашеных штакетин было сломано со стороны угла. Не раздумывая дальше, она подбежала и, ухватив зубами, потянула ее, упиревшись всеми четырьмя лапами в мерзлую землю. Штакетина резко вырвалась, и Тина быстро выносит ее на проезжую часть дороги.

Она хорошо знает, что машина пройдет по этой дороге. Управившись с первой, вытягивает второй обломок штакетины, из которого как из первого, торчал большой гвоздь. Уложив второй «еж», она лапами закидала их снегом, насколько хватило его на

промерзшей дороге. В дальнем конце улицы показался «ягуар» и Тина опрометчиво кинулась дальше по своему намеченному пути. Пробежав, она остановилась и оглянулась. Грузовик затормозил посреди дороги. Водитель, толи заметил штакетины, толи не успел и проколол колеса. Но раздумывать о чем –либо уже не было ни мгновения. Что есть мочи, из последних сил, она подбегает к месту сбора стаи своих друзей. Те, ничего не подозревая, лежали на теплом месте, греясь от труб и неяркого солнца.

Еще не добежав до них, она отчаянно и громко залаяла, предупреждая друзей о грозящей опасности. Вся стая всполошилась и вскочила на ноги. Тина видит, как из-за поворота выезжает «ягуар». Она с громким лаем увлекает за собой всю эту разноцветную, грязную свору. Машина «Догхангеров» останавливается и из нее выходят эти жестокие охотники с ружьями в руках. На этот раз их трое. Но собачки уносятся, свернув за угол дома. В след раздаются выстрелы. Но было уже ПОЗДНО. Тина, зная проход в ограждении своего дома, повела за собой остальных собачек, которые через минуту исчезли за оградой. Подъехавшие к дому «Догхангеры» не нашли их и решили, что те скрылись где-то дальше в поселке. Стайка дрожащих от страха и холода собачек сидела на крыльце уехавшего отдыхать хозяина. Молчали, не издавая даже ни звука, понимая, что в этом их спасение. Они все с благодарностью смотрели на свою спасительницу Тину. Вожак, старый, облезлый кобель, подойдя к ней, лизнул языком в морду в знак благодарности от всей стаи.

Федя

– Дорогой мой Федор. Завтра мы с тобой идем на очень важное собрание, – говорил Сергей Михайлович своему уже престарелому четвероногому другу, который сидел рядом с ним и внимательно наблюдал за тем, как, а главное, чем, обедал его любимый хозяин. – Начало в четырнадцать часов.

В местной газете «Солегорские новости» он прочитал сообщение о том, что состоится последнее заседание городской Думы перед тем, как отправиться на летние каникулы. Дело в том, что в повестке рассматриваемых вопросов включен и такой, в котором депутатами рассматривается общегородская проблема с собаками и кошками. А самое главное в том, что придется принять архиважное, но альтернативное решение о строительстве в городе приюта для бездомных животных, или возведение пансионата для тех домашних зверюшек, хозяева которых уезжают в отпуск на Мальдивы или Канары. Сергей Михайлович не имел своего валютного счета в банке или оффшорных зонах. Он был просто хорошим рабочим человеком, живущим от получки до получки. Но по его понятиям он зарабатывал приличные деньги на безбедное проживание. Даже смог скопить немного денег и купить маленькую собачонку. Еще меньше, чем «йорктерьер» или «пинчер». При его появлении люди говорили; «Моська! Глядите, она меньше чем моя рукавичка». – И показывали пальцами. Особенно это нравилось детям, которые приходили в неописуемый восторг при виде этого чуда природы. Шерстка рыжая, коротенькая. На глаза нависает чубчик, а на затылке торчит повязанный красивой ленточкой бантик. Очень красив Федя, аж слов нет.

На следующий день отправился Сергей Михайлович на это важное мероприятие. Прибыл чуть ранее четырнадцати часов. На других посмотреть, себя показать. Пришли уважаемые в городе люди, общественники, активисты. И все для того, чтобы посмотреть на работу своей родной Думы. Почти не расставался хозяин с Федей. Вот и сегодня он с ним, не расстался. Во избежание

лишних проблем, усадил его хозяин в хозяйственную сумку и запер замком-молнией, оставив небольшую отдушину. Драгоценный багаж поставил рядом, у ног.

Ровно в назначенное время председатель-женщина, постучав пальцем по микрофону, открыла работу главного думающего органа в городе. Сергей Михайлович успел пересчитать прибывших депутатов. Всех их он прекрасно знал, кого лично, кого из прессы и экрана телевизора. Получилось, что присутствовал двадцать один депутат: девять из них от партии «Единая Россия», пятеро от КПРФ, трое от ЛДПР, и один от «Справедливой России». Кворум состоялся, и согласно Уставу, заседание началось. Поговорили об использовании бюджетных средств, о планах по ремонту дорог.

Настал черед и тому вопросу, ради которого Сергей Михайлович пришел в этот зал заседаний. Председательствующая, дородная тетка Ефремова, зачитала фабулу. Вопрос вызвал живой интерес, даже некоторые дремлющие депутаты оживились, зашептались промеж себя. начались довольно бурные дебаты. Мнения разделились полярно. Единороссы ратуют за пансионат, коммунисты встали стеной за приют для бездомных, либералы разделились во мнении. Депутат от «Справедливой России» воздержался. Сложилась ситуация «ни туда, ни сюда». Необходим всего один голос для перевеса, чтобы принять окончательное решение. И тут, совсем неожиданно для всех, свой голос подал Федя, притаившийся в сумке и прислушивающийся к происходящему процессу. Он почувствовал неладное, происходящее с хозяином, который напрягся, словно собрался помирать. Федя завыл так жалобно и тоскливо, что сердца присутствовавших дрогнули. И тут, воздержавшийся было депутат из партии «Справедливая Россия» не вынес такого, и мгновенно поднял руку. Когда провели окончательный подсчет голосов, на один одержали победу депутаты, ратующие за приют для бездомных животных.

«Молодчина Федя, поддержал, – подумал Сергей Михайлович, – будет тебе от меня сегодня замечательный ужин. Да и от лица всего народа спасибо».

Кот Василий

У богатой, но злой хозяйки Марфы имелся большой деревянный дом, в котором она проживала с собакой Шариком и двумя кошками – Васькой и Муркой. В одной половине дома жила владелица и кот, а в другой половине – ее дочь Маша с кошкой Муркой. Шарик сидел на цепи и бдительно охранял хозяйство, а кошки избавляли женщин от мышей и крыс, которые появлялись в доме неизвестно откуда. Так и жили, то с радостями, то с печалями. Всякое у женщин случается в такой непростой жизни. Своя жизнь была и у кошек. Конечно же, личная, а не та, что у всех на виду. Большей частью она протекает на чердаках и заборах в марте месяце.

Вот и Мурка в начале лета должна принести котят. Забеспокоился кот Василий, больше чем она. Как-никак, будущий отец. Была причина для беспокойства, да еще какая! Случилось это в прошлом году. Принесла Мурка трех котят, все серой масти, как у него. Но жестокая хозяйка Марфа решила не позволить мамашекошке растить их. Она принесла ведро с водой и поставила рядом с коробкой, в которой рожала кошка. С силой, бесцеремонно, она брала котенка, еще слепого и ничего не понимающего, кроме как поесть молока у мамы, и бросала в ведро. Через минуту дело было закончено. Без крика и шума. Закрыв его крышкой, она понесла ведро в коней огорода. Обе кошки с ужасом смотрели на происходящее, но, чтобы как-то защитить своих детенышей предпринять что-либо не могут. Не дано им это. Человек силен, и победить его невозможно. И это они с горечью понимали. Мурку покинули силы, она не могла даже идти. Кот сумел выскользнуть и пойти во след хозяйки, пытаясь быть незаметным. Марфа вынесла ведро на заднюю грядку огорода, заросшую густой травой и репьями, и, поставив его, удалилась домой. Она решила прийти вновь за орудием преступления, когда все будет кончено. Как только она ушла, Васька решил спасти свое наследство. Они так были похожи на него, такие же серые красавцы. Подцепив лапой одного, он вытащил котенка из воды. А затем и двух других. Все трое не

подавали признаков жизни. С большой горечью осознал Васька, что они мертвы и не замяукают. Вернувшись к Мурке, взглянул в ее ждущие зеленые глаза, в которых стоял немой вопрос. С тоской промяукал Васька, и подруга осознала, что ее дети мертвы.

Шло время и наступило следующее лето. Мурка вновь затяжелела и у нее стал быстро расти живот. Видя недобрый взгляд хозяйки на Мурку, кот догадался, что все повторится вновь. Как ему этого не хотелось, но кто поймет его горе? Разве что соседка Мурка. Ей тоже будет плохо, если он опоздает. Он убедил подругу спрятаться подальше, чтобы хозяйка не обнаружила.

Кошки спрятались в густых кустах малины и стали ждать наследников. Ждали недолго. На следующий день Мурка принесла на белый свет троих котят. Васька удивился – все трое различной масти: рыжий, черный и серый. Смотрит Василий на них и у него рождаются подозрения. Подошел он к Мурке и лапой дважды ударил по ее удивленной мордашке. Не стала Мурка сопротивляться и давать сдачи. Поняла, в чем ее вина. Ну что тут поделать, факты налицо, видны в потомках.

Живут-поживают беглецы. Васька мышек ловит для Мурки, та котяток кормит. Но вот они стали попискивать и Васька понял, что хозяйка услышит и придет со своим ужасным ведром. Хотя и не был Васька учёным котом, тут на его ум пришла идея. Помурлыкав, чтобы Мурка не обиделась, он ухватил рыжего котенка зубами за загривок и направился к щели в заборе. Затем перешел дорогу и нырнул в подворотню соседнего дома. Жил там здоровенный рыжий кот, постоянный соперник Васьки в мартовские дни. Не однажды дрались с ним, только клочья летели, а их устрашающее мяуканье слышала вся округа. Подозревал Васька, что этот рыжий детеныш – его сынок. «Любите кататься, любите и саночки», – думал он. «Рыжую масть любят и твои хозяева. Бог даст, не выбросят за забор своего сынка». Вернувшись, взял в зубы черного, несмотря на то, что Мурка угрожающе забурчала на него. Отнес Васька чернявого к тому коту, которого по-соседски тоже хорошо знал по схваткам. Оставив пищащего котенка, с тяжелым сердцем

вернулся за третьим. Спасать, так спасать всех. Тот присосался к мамке и старался за троих. Мурка охватила его лапой и ласково мурлыкала, охваченная материнскими, хотя и пошатнувшимися, чувствами. «Что делать? – думает Васька. – Просто так не отдаст, драться с ней не станешь. Как быть?» Но тут случилось непредвиденное. Потерявшая своих кошек Марфа, спохватившись, пошла их искать. И конечно, нашла их в зарослях. Поставив ведро, протянула руку к котенку, и, ухватив его за загривок, оторвала от кошки. Принялась разглядывать, поворачивая из стороны в сторону. Несчастные кошки замерли в ожидании, смотря округлившимися от страха глазами на хозяйку. На этот раз все прошло совсем по-иному.

– Этот будет наш, – произнесла она и вернула котенка на место. – Идите домой, не прячьтесь.

Взяв ведро, она вылила приготовленную воду на землю и, чему-то улыбаясь, пошла к дому.

Вильям Тертер

Сказка Про кота Барона и его не очень ответственного хозяина

Часть 1

Давным-давно. А может быть не очень. В оном маленьком городе. Или большом. Хммм… А кто ж мне это рассказывал то? Не помню. Но, в общем-то, наверное, и не важно-то. Ах да! Это было лето. Нет, весна! Или осень. Ну, точно тепло было. Хотя…

Да! Вот что! Расскажу ка я вам историю про кота. Один мой старый знакомый друг, Василий. Рассказывал мне как-то про своего замечательного кота, Барона. Это был по истине шикарный, огромный, пушистой породы кот. С зелеными прекрасными глазами. Жил кот очень хорошо. Хозяева его любили очень. Баловали. Часто баловали. Поэтому он был весьма избалован. И вот как-то раз, от скуки наблюдая за пришедшим с работы хозяином, кот увидел… Это была невероятнейшая вещь! И она пролетела мимо него. Ему даже не дали попробовать!

Мой друг Василий в тот день купил курочку гриль. Так-то он вообще на них как-то не обращал внимание. А тут почему-то вдруг, он взял эту курочку. А вы знаете, курочка гриль, она так отлично пахнет, что кот этого не мог не оценить! И вот кот Барон, понимая, что курочки то ему и не досталось. Хозяева её всю съели и даже косточки не дали коту. Барон обиделся:

- Как это так! Я такой вот, важный кот, не получил курочку. Хммм…

- и тут Барон начал думать. Что ж ему придумать-то такого, вот чтоб проучить своих хозяев? – А вообще, как-то довольно скучно. Надо что-то такое придумать, чтобы и скуш-шно после этого не было.

Задумавшись, Барон решил:

- А проучу ка я своих хозяев так, я якобы заболею. Все начнут вокруг меня бегать, лечить, давать всякие вкусняшки. Но ведь

чем еще лечут котов? Дают что-нибудь вкусненькое и коты выздоравливают. Ну да. Точно! Так простудиться не получится. Сейчас тепло. Хммм… Может нажраться чего-нибудь? Ох, точно! Моя знакомая соседка Нюся, кошка-то она отличная, как-то она мне рассказывала, что она наелась собственной шерсти и ей было так плохо. Но зато, потом 2 месяца хозяева её кормили красной рыбой, чтобы больше Нюся не болела. А как же это я сразу не додумался точно так же и с делать-то? Хм… Так надо собрать шерсть.

И вот Барон, собрав приличный комок шерсти, его проглотил. Для того чтобы эффект был больше, он постарался собрать ещё маленький кусочек шерсти и его тоже проглотил. Вкус был отвратительный, поэтому Барон решил его чем-нибудь заесть. И тут он придумал ещё, интереснейшую вещь! Точно-точно, он конечно же видел, знал и помнил, и конечно же достал этот отвратительнейший, заплесневелый кусочек хлеба.

- Ммм да, вкус у него, конечно, то же так себе. Но для общего дела пойдет!

Барон его съел. Запил водичкой. И тут ему стало так плохо: и вырвать-то не может, и дышать нечем, и кашляет, и катается. И побежал кот Барон, к моему другу, своему хозяину. И говорит ему Барон, не человеческим голосом:

- Вася! Васяяя! Спасай! Спасай, мне плохо! Вася, помоги!

Ну а Вася, конечно, что? Что он мог услышать-то?

- Мяу! Мяяяуу! Мяяя…

Перепугался Вася:

- Ох, бедный котик мой погибает! Точно! Позвоню-ка я сейчас родне. О! Коля. Коля работает в ветклинике. Ох, только в другом городе. Ну, глядишь, да и чего-нибудь подскажет. Ало-ало Коля? Коль привет! Я знаю, что ты занят. У меня тут кот помирает. Прямо плохо ему, совсем! Да, глаза вот смотри зеленые… Вот видишь, он по полу катается, ему совсем плохо! Он тут, толи кашляет, толи не знаю… толи рвет его. И непонятное с ним происходит что-то, то растягивается, то скручивается. Не знаю… Что делать с ним? Чем он заболел-то?

- Вась, вот как я тебе по телефону…

- Коль, да ты не этот самый… Я тебе вот показываю, ты же видишь. Ну скажи, что у кота-то произошло? Чем он заболеть-то мог?

- Ну жарко сейчас. Глядишь под кондиционером каким простыл. Ты там не тащи его к ветеринару. Дорого, наверное, будет. Просто сходи, выпиши рецептик. Пусть витамины ему пропишут.

- А! Так он простыл! Всего-то! Ладно-ладно, сейчас схожу к ветеринару.

- Вася! Ты куда, Вася! Мяууу! – стонал Барон, глядя на уходящего хозяина.

Василий вышел и направился, в 100 метрах, может чуть больше, ветеринарную клинику. Пришел он в клинику. Народу что-то там, очень много…

- Я, – говорит, - без очереди. Мне осмотр нужен.

- Мужчина, – забастовала бабушка первая в очереди. – Вы же не животное.

- Ну и что? У меня кот, умирает! Нужно врача спросить, «что делать»?

- Ладно-ладно. Заходите без очереди. Ох, молодежь…

В кабинете, Василий рассказывает доктору:

- Доктор, вы представляете, у меня кот простыл!

- Подождите. Где кот?

- Дома.

- А то, что он простыл, Вы в этом уверенны?

- Да. У меня друг Коля, он ветеринар. Я ему позвонил и он сказал, что кот простыл. Мне нужны витамины для кота чтобы он быстрее выздоровел.

- Ну, раз вы уверены, хорошо. Но вот кота бы, не плохо, было бы осмотреть.

- Нет. Коля сказал, что его нельзя нести в ветеринарную клинику, а то он помрёт.

- Ой, да ну вас… - пробормотал себе под нос врач. – Ладно! Вот, держите рецепт. На выходе там вот ветаптека. Возьмете, спросите, там вам всё расскажут: как поить, кормить и что дальше с ним делать. А меня настоящие пациенты ждут. Всё, до свидания!

Вася вышел, купил какие-то таблетки. Ему никто ничего не рассказал, как давать, что делать-то. Пришел Вася домой, высыпал эти таблетки коту в миску и говорит:

- Вот, тут витамины. Попьёшь и легче станет.

- Вася! Вася, ты чё?! Чевой, кого попьёшь? Я жрать… ай… эээ… жрать не могу. Ай, ёёё… Мне же плохо! Они ж ещё и воняют! Вася! Вася, ой ё, я же помираю. Мяу, мяу, мяу.

Вася, глядя на мяукающего кота… посмотрел и пошел дальше читать газету. А кот всё мяучит и мяучит. И тут Барон запрыгнул к нему на руки и… вырвал прямо на штаны Василию. Ох! Как Вася перепугался! Ужасть-то какой!.. Да уж. Не легко, на белых брюках увидеть зеленое пятно от рвоты кота. Ну, Барон-то как раз вырвал тот самый кусочек прожеванного зеленого, заплесневевшего хлеба. С плесенью хлеб, такой зелененький, страшненький оказался. Ой, даже вспоминать не хочется!

Так вот. Рванул Василий к ветеринару. Забегает к доктору и буквально кричит:

- А! Караул! Коту от ваших таблеток совсем плохо стало и он вырвал! Да ему совсем плохо стало! Да у него прям… прям, такая пена изо рта! Вся зеленая. И вообще, глаза такие бешеные у него теперь!

Ну, ещё бы. Конечно. Барон сам не на шутку перепугался, когда его вырвало. А уж тем более, потому что он запрыгнул на хозяина. И вырвало его на хозяина. Он то, думал, что его сейчас убьют. И глаза от страха, такие здоровые стали. Вот только хозяин, понял это иначе.

- Да Вы что!? - отвечал доктор Василию. – Ваш же кот, бешенством заболел! Такого кота в доме держать нельзя! Его… Мужчина Вы куда?!

Василий прибежал домой. Схватил кота за шиворот и выскочив с котом на улицу, выкинул его в ближайшие кусты.

- Фух! Ну, кто же знал, что коты такой опасной болезнью болеют? Ой, много я слышал по радио про бешенство это. Страшное дело, нельзя такого кота в доме держать! Мда, надо таких котов да собак, сразу выбрасывать - и довольный тем, что сделал, пошел обратно.

Кот Барон, которому легче так и не стало, оказался в совершенно незнакомом месте. Но ему было так плохо, что ему хотелось, что бы кто-нибудь… ну, хотя бы кто-нибудь, приласкал его. И хоть как-нибудь, ему помог.

Мимо проходила девочка Оля. Она шла по дорожке, спокойным шагом. Она была ученица 4 класса всего. Училась хорошо, прилежно. Её папа работал в ветеринарной клинике и девочка очень любила животных. И тут ей попадается на глаза Барон. Он сидел неподалеку от дорожки и кашлял. Девочка пожалела кота. Видя насколько ему плохо, девочка аккуратно его подняла. Погладила и ласковым голосом начала его успокаивать:

- Тише, тише котик. Всё хорошо. Я тебе помогу. У меня папа все болезни умеет лечить. Сейчас мы к нему пойдем, он тебя осмотрит. Я тебя лечить буду, если нужно. А пока не переживай. Пойдем. Всё хорошо будет.

Барон оказался у того самого доктора ветеринара, к которому ходил консультироваться каждый день… сегодня? Да, сегодня! Это всё произошло в один день, сегодня его хозяин Василий был здесь не однократно и спрашивал за своего кота. Но Барон-то об этом, конечно, не знал. Доктор аккуратно осмотрев Барона, просто придавил резко ему на живот. Барону резко стало плохо и он вырвал свой комочек шерсти. Даже оба сразу. Как Барону полегчало. Как стало хорошо!

- Ох, эти хозяева, да они ещё лучше. С ними ни какие болезни не страшны. – думал барон.

Он с благодарностью начал ластиться и мурлыкать от всей души вокруг Оли. Которая, помогла ему, нашла и привела сюда.

- Хм. А знатный ведь котик, - задумчиво произнес доктор, глядя на кота. - Это породистый кот. К тому же ухоженный. Хм, странно, почему это его выбросили.

- Папа, может его не выбросили, – со всей серьезностью, возразила Оля.

- Ну, кто знает… Надобно, наверное, ему прививочки сделать.

- Не торопись папа. Мы объявления сделаем, что нашелся кот.

И сначала узнаем, нет ли у него хозяина. Если кот действительно домашний, у него наверняка, есть все прививки. А если каких прививок и нет, то об этом знает только хозяин.

- Да, да. Верно Оленька. Ты права, нельзя торопиться в выводах. Нужно всё, делать постепенно. Правильно ты у меня говоришь, правильно.

Оля взяла кота и пошла с ним в ближайшую типографию. Там девочка попросила напечатать несколько объявлений, которые она уже написала от руки, и вышла с ним во двор. Во дворе присела на лавочку вместе с котом. Она гладила Барона и думала:

- Да, красивый котик. Как же тебя потеряли-то? Не уж то и правда, выбросили?

Василий вышедший за хлебом, вдруг обнаружил, что это его кот, сидит на коленях у маленькой девочки. А кот ведь Васи, болен опасной болезнью! И он поспешил предупредить девочку. Подбежал и говорит:

- Девочка, ты что?! Он опасен! Это животное нельзя держать дома! Он болеет бешенством! Выброси его немедленно! – командным тоном заявил Василий, уверенный в своих знаниях.

- Дяденька, Вы в школе учились? – настолько спокойно, уверенно и сарказмом это произнесла Оля, что Васе стало даже обидно и неудобно.

Так что он постарался выправить плечи и с гордостью взрослого человека произнес:

- Да. А что?

- Так вот, Бешенство, – со вздохом начала поучать Оля, странного незнакомца, - Болезнь конечно страшная. Но её определяют доктора. Я подобрала этого кота на улице и мы только что, были с ним у доктора. Доктор его осмотрел. Никакого бешенства у кота нет.

- Ж…б…д… Подожди. Как нет? Его ж рвало. Он сидел. Ему прямо плохо было, чуть ли пена со рта не шла.

- Да он просто шерсти наелся. У котов так бывает.

- А… о… а?.. – недоумевал Василий. Как же его так обманули ветврачи? Ладно, в клинике-то. Но ведь Коля-то, кота осмотрел.

- Я вот сейчас объявления расклею и найду, кто потерял этого котика.

- Это мой кот! – спешно заявил Вася. – Да, я его потерял. Он у меня случайно убежал… Ну, ему было плохо…

- Ох, дяденька. Не хорошо врать.

- Да я не вру. Что же ты мне рассказываешь? Я что своего кота, не узнаю что ли? Плохо ему было. Мне вот бабка сказала, может ему магический приворот сделали, что ему так плохо стало. Ну не важно! Это мой кот! Отдавай его!

Девочке Оле, конечно очень не хотелось отдавать кота, ведь хозяин не казался человеком ответственным. Тогда она сказала:

- Как Вас зовут, дяденька?

- А? Меня Вася.

- Дядя Вася, Вы, если что, обращайтесь ко мне. Мне котик ваш понравился. Я бы его, если что, навещала. Если Вы не знаете, чем ваш котик заболел, то отнесите его, пожалуйста, к ветеринару. Мой папа, как раз, работает в ветеринарной клинике неподалеку.

- Да, хорошо.

Василий схватил кота за шкирку и как какой-то непонятный мешок, потащил кота домой. Барону было больно и обидно, его спасительница отдала Барона обратно в жестокие руки его хозяина.

И вот я думаю. Кто же, всё-таки, виноват в этой истории?

Ведь бедный Барон, бедный кот, чуть не остался на улице. Больше всего, как мне кажется, виноват его хозяин. Но и сам кот провинился. И хорошо виноват, в этой истории. Конечно, кот так делать больше не будет. Всё-таки, Барон понял, что не подбери его эта девочка, он бы всю жизнь прожил на улице. И хорошо бы если его не убили случайно или не сбила машина. Но почему его хозяин, не разобравшись в ситуации, доверился звонку? Почему человек, которому он позвонил, не объяснил ему, что это лишь догадка? Почему ветеринар ближайшей ветклиники, не потребовал осмотреть животное?

Из всех, только девочка Оля, повела себя абсолютно правильно. Но ведь таких хозяев, как мой друг Василий, не мало. И многие

из них так и не задумывались, испугавшись, что животное просто заболело, выкидывают своих животных на улицу. Боятся ли они ответственности? Или не знают, что делать? Я не знаю…

Всё же, как думаете Вы? Кто в этой истории неправ?
Мне Ваше мнение очень важно!
Аудио версию рассказа, где Вы сможете оставить свои комментарии:

Часть 2

Было воскресенье. Нет, суббота. Ну, точно выходной день. Барон, пушистой породы кот, который давно уже привык к своему хозяину Василию, сегодня хотел прогуляться к своей излюбленной маленькой девочке по имени Оля. Которая, в отличии от его хозяев, бесценно ласково и приятно гладила его по шерстке.

Василий вчера пришел с работы злой. И сегодня целый день… Ну, как день, в общем-то, с самого утра засел за компьютер, надел наушники и в таком состоянии, Барон наблюдал его, уже пару часов. Но вот Барон решил уже, что пора точно идти к Оле. Он уже изрядно подготовился: помыл себя, умылся, поел, причесался – можно так сказать. Конечно, умылся лапой, вымыл себя языком. Ну, и причесался примерно так же языком и лапами.

Вот стоит теперь Барон у двери и говорит не человеческим голосом:

- Мя-я-яу! Ва-а-ася, выпускай меня! Я к Оле хочу. Ты меня слышишь Вася?! Мяу. Мя-я-яу-у!!! К Оле хочу, говорю Вася! Алё, алё-алё! Вася! Вась, ты чё? Не слышишь что ли? – Барон подошёл к Василию, - Блин, ну, что ж на него не прыгать-то, разозлится ж, не пустит. Ладно! Мур, му-ур, вот об ножку, я видишь, мурлыкаюсь. Хочу, мол на улицу, типа в туалет. Давай выпускай меня! Мур, мур… Ни фига себе!!! – Барон был так удивлен. Вася просто пнул его в сторону. – Слышь… Слышь... Слышь Вася, ты чё!? Вообще что ли?! Я кот! Кот пушистой породы! Видишь, какая шёрстка вот у меня? Да я целый день умывался, причесывался, а ты меня пнул... Ты чё Вася? Вася!!!

Вася сидел в наушниках и абсолютно никого не слышал. Наоборот, сделал музыку ещё погромче, чтобы ничего совершенно не слышать. Хозяйка сегодня ушла на рынок. Бабушка вместе с ней. Никого дома не было, кроме Васи. Ох, как Барон пожалел, что он сегодня не встал пораньше, не привёл себя в порядок и не вышел с Татьяной, супругой Васи. А теперь до Василия не достучаться. Да и вообще, Барону совершенно не понятно, почему Таня, не отодрала от компьютера Василия?

- Ой, Вася, что ж с тобой делать-то? А Вася? Я кот пушистой породы и я хочу к Оле! Ты понимаешь, что я… обо мне же-шь подумать надо! О-о-ох... Ладно. Попробуем ещё раз. Залезть на колени? Да, залезу! Чего?! Не пускаешь. А я… Не пускаешь. А я… не пускаешь и от сюда. Эх Вася… Ах, ты ж!... Ты чего? Ты чего в меня швыряешьси?! Эй, я так не пойду. Ах, так ты Вася? Ну, ладно-ладно… Чё, может в тапки нассать? О, или вообще: насрать? Блин. Щас я тут нагажу… Ах… ох-х… хорошо… Вот, тебе Вася, сюрприз в тапочке! Ах, ещё не реагируешь? Запах не услышал. Ну-ну, сейчас. Так-так-так… Что тут есть ещё? А, ну конечно, Вася, телефон твой! Да, как раз кто-то звонит. Ну, сейчас-сейчас я отвечу. Ой! Ха-ха! Упал. Я не чаяно Вася. Вася, а Вася, может ты меня выпустишь? Не будешь доводить бедного несчастного котика? Ты не видишь в каком я болезненном состоянии? Меня сегодня никто не ласкал, никто не гладил по шерстке, не чесал мою нежную шейку-у-у. А-а-ар-р-р-р!.. Вася. Эх!..

А Вася сидел в наушниках и ничего не слышал.

- Ладно, Вася, ну ты сам напросился. Раз мне всё можно, делай, что хочешь, говоришь? Хорошо. Агась, сервиз. Ой, ой, ой, ой, кажется, что-то упало и разбилось. Ха-ха-ха! Ш-ш-ш, нет, не слышишь? Да что ж это такое-то? Тогда, да буду, драть диван!

Барон драл диван минут 10, пока не разодрал в клочья тот кусок, на котором он остановился.

- Вася. Вася, ты что? Ты вообще, что ли не слышишь?! Ох, влетит тебе Вася. Так, что бы еще такого подрать? Блин, уже лапы болят, постёр. Ох, диваны неудобные шьют. О, так а смотри-ка! Ага,

это ж Васина куртка. Так, так, опа! – х-р-р-р, раздался характерный звук рвущейся ткани, - Ой, перестарался малёк, хе-хе. Ну, это я нечаянно… Что бы ещё-то сделать? О, смотри-ка! Ай на столе, да оставить сосиски. Ой-ёй-ёй, да ещё и колбаса. Ну Вася, тебе оставили поесть. Сейчас я тут покушаю.

Барон взобрался на стол, но он был не особо голоден. Поэтому он всё понадкусывал, а потом старательно сбросил колбасу, сосиски на пол, скинул тарелку с фруктами, перевернул стоящую с цветами вазу.

- Вася, ты меня так и не заметил. Ну, вот и ладно. Ладно. Ладно! Ладно!!! Л-л-ла-а-у-мяу-у-у… Хух… Точно! Ха-ха-ха! Ну Вася, ты сам напросился!

Барон, вскарабкался, исцарапав шкаф. Забрался на самую верхушку, где стояла копилка доверху набитая монетами. Копилка была совершенно недалеко от Васи.

- Ну, хозяин… лови ядро! – тудуф-ф-ф! Бам, дзынь, дзынь, дзын-н-нь! – Ой-ёй-ёй… Вася. Вась, ты живой? Вася?!

Вася, сидел и пялился в игру. И что-то он совершенно не отвлекался-то! Барон задумался.

- О, соседи звонят. Ха-ха! Вася, Вася слишь? Соседи звонят. Дверь открой, я выйду. Дверь, дверь открой Вася. Да что ж это такое-то?! Ну и ладно! А-а-а-а-а-а!!!

- А-а-а-а-а-а!!! – Вася подскочил из-за того, что на него резко спрыгнул кот. Вонзил в него свои когти и тут же спрыгнул. Скинув наушники, он заругался: - Ах ты ж…! – «Дзы-ы-ы-нь!» – Сосе…ди… что за?

Вася оглянулся и увидел такой кавардак. «Дзы-ы-ынь!»

- Да, иду, иду! Ой ё-ё-ё-о, мои тапочки… Барон! Подлец! Я тебя...! - «Дзы-ы-ы-нь!»

- А ну, откройте двери! Это что же та такое! Вы что так шумите?!

Вася приоткрыл дверь в недоумении:

- Кто шумит? Я за компьютером сидел и никого не трогал. Ах, ты ж!

Барон проскользнул и уматал, быстро-быстро, пока ему не досталось. Вася ещё долго, наверное, оправдывался перед соседями. Но Барона это не волновало.

Теперь он лежал и наслаждался на ручках у Оли, которая нежно гладила его по мягкой шерстке. Иногда чесала ему шейку, иногда чесала за ушком. Барон наслаждался. Оля, конечно, не знала, что Барон натворил, чтобы попасть к ней. Она сидела и делала спокойно домашнее задание иногда поглаживая Барона.

А вот мне интересно, прав ли был Барон? Стоило ли делать столько пакостей, что бы его заметили? Мне кажется, Барону крепко достанется. И возможно, что его ещё долго никуда не выпустят, а надолго накажут сидеть дома за его проделки. Василию, как его хозяину, влетит ещё и от жены, и от мамы, за кучу разбитой посуды, за то, что не уследил за котом…

А кто виноват-то?! Вот скажите, кто же всё таки виноват: Барон или Вася?

Вот такая вот, маленькая, интересная история. Как мне, кажется. До встречи!

Серафима Иванова

Фазан

Солнце ещё только вставало над лесом. Просыпались умытые росой цветы, а маленькие птички уже заканчивали свою утреннюю песню. Было свежо и весело. Она сидела на своем любимом месте, осматривая лужайку сквозь редкую листву наклонившейся над ней ветки дерева. По её подсчетам, Он должен был подойти с минуты на минуту. Крисолофус забавляла эта игра. Сейчас он будет её ловить, а она, как принято правилами этой древней игры – убегать. Или делать вид. В своей победе она была убеждена.

Иван шел по тропинке, вглядываясь в листву и вдыхая аромат леса. Запахи были еще очень молодыми и едва угадывались. Ещё пара метров и он увидит, как уже яркое, но пока ласковое солнце гладит её по золотой головке. Это было поистине восхитительное зрелище. Косые лучи как бы невзначай касались её перьев, зажигая их и делая птицу похожей на огненный шар. Настоящая Жар Птица. Подойдя поближе, он как всегда положил возле дерева её любимые лакомства, специально для неё покупаемые им в городе молодые побеги бамбука. Затем отошел, сел на поваленное дерево и стал смотреть. Крисолофус аккуратно слетела с дерева и неторопливо принялась за еду. Она делала человеку одолжение, принимая его подарки. Если бы Ивану Петровичу сказали, что он хочет поймать эту волшебную птицу, он бы очень удивился. Зачем? Ему нравилось приходить сюда в её дом и любоваться ею.

Там, за опушкой леса, у него был большой дом и красивый парк. В его пруду плавали изящные, похожие на древних богинь Эллады белые лебеди и яркие смешные утки, по аллеям неторопливо несли свои царственные хвосты, переливающиеся всеми цветами павлины, похожие на чинно расхаживающих, увешанных драгоценностями, светских дам. Были у него и борзые собаки, и грациозные лошади. Но эта птица… она была из сказки. Сколько еще продлится их дружба и что будет дальше, он не знал. Завтра будет завтра, а сегодня он сидел и смотрел на птицу. Кто знает, может быть так будет всегда.

Иван никогда никому из домашних не говорил, куда и зачем уходит утром. Да никто и не интересовался. Шли дни, приближалась осень, а в их жизни ничего не менялось. Кроме вчерашнего вечера. Вчера поздно ночью в гостевой дом приехали его друзья. Они всегда приезжали к нему в это время года. Начинался сезон охоты. Уже укладываясь спать, он вдруг почувствовал, как похолодело у него внутри… Крисолофус! Как он мог не подумать, что она в опасности! Она же такая яркая! Никогда в своей жизни он не бегал с такой скоростью. Выскочив из дома перед рассветом, он мчался к их лужайке сквозь кусты, не разбирая дороги. Успеть! Уже почти добежав, он услышал выстрелы. Один, другой… на заветном дереве её не было. Где-то залаяли собаки. Он кинулся на звук. Подбежал к охотникам и стал спрашивать о птице. Никто её не видел. Тогда он рванулся обратно и стал осматривать окрестности. Никаких следов. И тут неподалеку от края лужайки он увидел, как в пожухлой траве что-то сверкнуло. Всего одно перо.

Иногда Иван Петрович достает из тайника ключ от стальной ячейки в своем банке, открывает её и долго держит в руках перышко Жар-птицы. Кусочек его несбывшегося счастья. Затем кладет обратно, тщательно запирает ячейку и уходит домой.

Жемчужина

Дно было усеяно осколками древних амфор. Песок постепенно оседал на дно и вода становилась все более и более прозрачной. Нужно было оглянуться и найти место получше, возможно, что там, где он сейчас находится не безопасно. Но пока песок не осядет окончательно, об этом нечего даже и думать. Нужно просто полежать и успокоиться.

Что же это все-таки было? Ведь ничто не указывало на такие перемены. Обычная тихая жизнь устойчивого сообщества. Еды было много, никто не жаловался, соседи вполне доброжелательно относились друг к другу, свято соблюдая законы общежития. И вдруг… Собственно все, что он мог сейчас вспомнить, это какой-то дикий вихрь, сорвавший его с места. Его бешено крутило и бросало из стороны в сторону. Давление воды увеличивалось, грозя раздавить и смять. Было очень важно не дать мышцам ослабнуть. Главное – не открыть рот, иначе конец. Потом его куда-то швырнуло, внезапно все успокоилось и он оказался здесь. Теперь просто ждать. Интересно, сколько метров воды отделяет его от солнца?

Там где он родился, всегда было тепло и очень солнечно. Здесь тоже тепло, но солнца гораздо меньше, он чувствовал это даже с закрытыми глазами. Все-таки нужно рискнуть. Он постепенно ослабил мускул и приоткрыл рот. В рот тут же попал малюсенький камушек и забился внутрь. Проклятие! Он всегда этого опасался. Что теперь делать? Он напряг тело, пытаясь вывернуться наизнанку, высовывая то одну, то другую часть из раковины. Бесполезно, камушек только забивался еще дальше. Утомившись от этой бессмысленной борьбы, Дрессейн медленно закрыл створки раковины и перевел дух. Ладно, придется с этим жить. Слава Создателю, камушек оказался почти круглым и не очень большим. Значит на то, чтобы затянуть его слоем защитного вещества уйдет не так много сил и времени. Он опять приоткрыл створку и осторожно втянул внутрь немного воды. Вкус был приятным. Оглядевшись по сторонам, Дрессейн заметил кусок какой-то мраморной

статуи, вполне приличной по размерам и форме для своего нового дома и надежно прикрепился к самому выгодному участку. Глубина составляла более тридцати метров. Немного необычно, но зато более безопасно. В общем, можно было считать, что ему повезло.

Никто уже не помнил, сколько времени прошло с того злополучного тайфуна. Жизнь за эти десятилетия давно наладилась и вошла в свою привычную колею. Единственным сильным переживанием Дрессейна за все это время была смертельная схватка с Морской Звездой. Но и тут все окончилось вполне благополучно. Все это время в его теле росла замечательная жемчужина. Он научился разговаривать с ней, слушать и слышать ее тихий голос. Голос его Души. Она была поистине прекрасна. Очень крупная, совершенной формы, редкого голубого цвета, который мог меняться, принимая то сероватый, то зеленоватый оттенки, в зависимости от настроения Перла. Она была нежной и твердой. Он знал, что такой нет больше ни у кого. Раковины-соседки, рискуя быть съеденными, время от времени подползали поближе к нему, предлагая помощь в продолжении рода. В принципе, он был не против. Иногда, длинными темными ночами он думал о них… Нет, нет, этого нельзя допустить, ведь для этого придется приоткрыть створки чуть шире, чем обычно, а тогда кто-нибудь может узнать о том, что у него есть жемчужина.

Он берег ее ото всех, боясь, что однажды чьи-то грубые руки могут попытаться достать ее, просверлить в ней отверстие, или зажать в золотых тисках, только для того, чтобы выставить на всеобщее обозрение. И тогда он уже никогда больше не сможет ее слышать. Даже его собственная дальнейшая судьба, связанная с попаданием на берег, его не беспокоила. Для чего же нужна такая жизнь, если у тебя больше нет твоей Жемчужины? Его волновала только ее благополучие. Ну что же, думал он, пока я еще могу держаться за свой родной осколок мрамора, у моей Жемчужины есть жизнь. Вот и прекрасно. Будем наслаждаться ею столько, сколько сможем. А там будет видно.

Анна Брянцевская

Поночка

Бродяга был испещренный царапинами, словно кто-то упорно его черкал. Отваливающаяся подошва на левом ботинке ритмично чавкала. В руках он держал картонный стаканчик, где бренчала мелочь: мерно, в унисон с чавканьем. Ещё он что-то бормотал, как будто пытался ухватить, наконец, прыткую мысль за хвост, но она каждый раз ускользала, оставляя только следы. Такая неудачная охота его явно расстраивала.

У клетчатых же сумок сидела собака. Она водила носом туда-сюда, туда-сюда, следя внимательно за хозяином. Не скулила. Не мычала. Просто смирно сидела, как сидят покладистые ученики за первыми партами. В ней было от разных пород по чуть-чуть: уши и хвост от овчарки, морда от терьера, лапы от дога. Расцветки она была тоже загадочной – орехово-ржаной в крапинку.

Когда бродяга остановился, собака встала в идеальную стойку, которой позавидовали бы выставочные экземпляры. Он помахал ей в ответ, как бы говоря: «Не тревожься! Сядь! Сядь!» – и она обратно уселась, водя носом-маятником вновь туда-сюда, туда-сюда. Осанка у неё была, словно у итонского выпускника – со стальным стержнем, будто архитектурная конструкция внутри, а не позвоночник.

– Хорошая? А? – вдруг спросил он. Расцвеченное веснушками лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Бродяга не мигал, а по-детски вопросительно смотрел, приоткрыв заворожённо рот.

– Хорошая. Очень хорошая. Ваша?

– Она? Нет, она мятежная. Но пока со мной…

Над нами по рельсам пронёсся поезд. Сваи задребезжали. Грохот пронёсся пупырчатыми мурашками по коже. Собака подбежала к бродяге и уткнулась затёртым носом в коленки.

– Чего? Боишься? Боишься! Мятежная и немного трусиха, – подмигнув незаметно, сказал бродяга. Большой, кирпично-красной, свободной от чашки рукой он гладил собаку по голове. Она поглядывала то на него, то вверх, откуда доносился эхом шум дороги.

Бумажку, нервно скомканную веером, я кинула ему в стаканчик. Бродяга кивнул и подпрыгнул. Потом подпрыгнул ещё и ещё. За ним запрыгала и собака.

– Поэтому мне нравится мелочь… Да, Поночка? Она приятно звучит. Звонко! Звонко хрустит! Звонко мурлычет!

Поночка в знак согласия радостно прыгала с хозяином и слегка при приземлении хрустела когтями по бетону. И пока я удалялась дальше и дальше, в ушах раздавался этот приятный цокот, его прокручивал ум на пластинке, что царапала игла памяти.

Поночка бегала вокруг станции метро. Она водила головой, обнюхивала прохожих, которые брезгливо либо отгоняли её, либо старались увернуться от её носа, пыталась лаять, но выходило только подобие кашля с хрипом. Хвост издалека напоминал жало, которое она приготовила, если встретит обидчика.

– Поночка! Поночка! Куда?

Я бежала за собакой, фокусировалась на бурых пятнах, когда почти теряла её из виду. Она уже сделала два круга и шла на третий. Вскоре её заметили полицейские, что весьма неодобрительно поглядывали на животное, которое «тревожило» население, дружно шагавшее домой. На повороте мне удалось ухватить Поночку. Она сначала дёрнулась, но потом узнала меня и остановилась.

– Где твой хозяин? М? Ты сбежала? Или потерялась? – допытывалась я у собаки, пока к нам подходил бравый полицейский.

– Здравствуйте! Ваша собачка? – спросил он.

– Вообще… нет… Но я знаю чья… – ответила я, с трудом удерживая рвущуюся на поиски Поночку.

– Ошейника нет. Намордника тоже не вижу. Владелец знает о правилах выгула животных в общественных местах?

– Скорее всего… Он просто сегодня забыл…

– Забыл и собака сбежала. Теперь носится здесь, мешает общественному порядку и транспортному движению. А если укусит кого-нибудь? Или задавят её? Кто виноват будет?

Поночка

Поночка на всю напрягла мышцы и была горячая, как кипящий котёл. Она уже задыхалась от тревоги, тщетно принюхивалась, не обращая внимания на всё, что творилось вокруг. Чёрные глаза налились масляным блеском и казалось, что она вот-вот расплачется.

– Сначала заводят, а потом никакой ответственности. Штраф будет.

– Кому?

– Вам!

– Разве не хозяину это нужно?

– Может вы и есть хозяин, а мне здесь мозги дурите, что не вы?

– Если бы моя собака была, то так не убегала.

– Откуда знаете? Напугали животное? Обидели? Документы есть?

– Собачьи?

– Причём здесь её документы? Вы же несёте ответственность. Как с детьми…

Поночка настороженно, почти по-кошачьи вошла в квартиру. Подушечки шуршали по замусоленному паркету в прихожей, а затем по ковру в спальне. Она прошла из комнаты в комнату, используя нос как радар и металлоискатель. Уши вертелись, словно антенны допотопных телевизоров.

– Волну ловишь? В углу у холодильника лучший Wi-fi. Кстати, благодаря тебе я получила первый в жизни штраф. Что скажешь?

Поночка удостоила меня полувзглядом, пока изучала пирамиду из книг, книжные подпорки для кровати, книги под столом, оперлась на стул, чтобы «проштудировать» и книги на столе. Закончив с литературой, принялась за одежду, что свисала отовсюду и придавала комнате вид джунглей. Она обнюхивала каждую вещь, каждый лоскуток. По усам, которые то вытягивались иглами, то опадали, можно было понять её вердикт. И он был неутешительный.

Она начала лаять. Лаяла громко и на меня. Лаяла так, будто ругала за что-то. И пока она лаяла, я пятилась назад в испуге. Её белые зубы мелькали, глаза зондировали. В итоге Поночка загнала меня на стул и не отпускала до полуночи.

Потом раздался стук соседки снизу, что больно ударил по нервам. Поночка испугалась, замерла, поскулила, проходя по комнате, напоминая собой те задумчивые расхаживания бродяги, и улеглась, свернувшись калачиком.

– Может есть хочешь? – спросила я, оставаясь в безопасной позиции на стуле. Поночка то ли фыркнула, то ли шмыгнула носом, но внимательный взгляд навела на меня. Угодить ей, правда, тоже оказалось далеко не легко. Она отвергла овощи, отвергла корм, который мы купили по дороге, консервы, каши. Согласилась только на фрукты.

– Знаешь… для мятежной бездомной собаки ты слишком разборчивая.

Поночка одновременно иронично и высокомерно глянула на меня снизу вверх, жуя яблоко и закусывая его виноградом. Её мало волновало чужое мнение.

Мы долго блуждали по Москве: проходили под каждым мостом, стараясь ускользнуть от громких звуков, так как Поночка сразу цепенела, обходили каждый куст в парке, наведывались в скверы и на площадки. Когда возвращались домой, то Поночка ещё ходила из угла в угол, как будто навёрстывая непрошедшие километры. При этом на улице она иногда наводила уши, видимо почуяв знакомые места, и лихорадочно наматывала круги, высматривая и высматривая прежнего хозяина. Однажды она приметила похожую клетчатую сумку и буквально прыгнула в неё с головой, но внутри не нашла ничего родного.

Смирившись с пропажей, Поночка разрешила отвести себя к ветеринару. Доктор тщательно «изучил» её, словно автомобиль на техосмотре, сделал необходимые уколы, взял анализы, прописал диету, а также отметил, что для собаки «такой невиданной сборки», она на удивление здоровая.

– Она как будто отобрала все сильные характеристики у разных пород. Со временем, возможно, только с глазами будут трудности…

Поночка смотрела на доктора с таким выражением морды: «Ты говоришь всё то, что я и так знаю. Зачем мы теряем здесь время?» – и рвалась гордо прочь. Единственное, что Поночка оценила в клинике – антиаллергенные угощения. Но даже они не смогли стать достаточной причиной, чтобы Поночка изъявила желание вернуться для следующих профилактических обследований.

На кухне пришлось расчистить подоконник от растений, так как она теперь засиживалась часами у окна, разглядывала происходящее и тыкала тщетно носом в стекло, завидев прохожего. Если же я забывала какой-нибудь горшок, то она то ли нервно, то ли задумчиво его обкусывала, принимая за своеобразный попкорн. Так денежное дерево было благополучно обглодано за неделю, а я приняла это за знак, что повышения можно не ждать.

Поночка установила свои порядки не только на кухне. В спальне пришлось расчистить завалы одежды, рассортировать обувь всех сезонов, валявшуюся пирамидами, так как было лень убирать по коробкам, упорядочить книги и убрать лишние в шкаф, так как она любила расхаживать перед сном, как бы погрузившись в свои мысли. Не знаю о чём она размышляла. О непривычно маленьких размерах квартиры, которые не могут сравниться с тем, когда весь мегаполис – твой дом. О моей безалаберности, так как купленный мной шампунь оказался кошачьим, и Поночка с трудом переносила такое унижение. Наверное, шампунь для хомячков её даже меньше бы расстроил. О работе, что позволяла нам вместе много гулять, но по ночам ей сильно мешал яркий экран компьютера, поэтому она туго заворачивалась в одеяло с головой.

Поночка оказалась куда более аккуратной и дисциплинированной, чем я. Она не входила в квартиру, пока ей не вытрешь ноги. Сухо на улице или мокро – не имело значения. Хорошие манеры не обуславливаются и не диктуются погодой. Она приходила и клала мне лапы на колени, как бы говоря: «Пора стричь ногти». И когда я стригла, сидела не дёргаясь и бдительно следя за моими движениями. Мы ели по часам, а не перебивались перекусами.

Мы бегали, так как в Поночке точно были гены и от гончей, судя по её заряду энергии и скорости. Мы не пользовались лифтом, поднимались и спускались по лестнице на мой седьмой этаж. Скорее всего Поночка боялась скрежета дверей и тряски в кабине, но, возможно, просто хотела сделать меня более спортивной.

Однако на групповых занятиях с кинологами Поночка не сильно рвалась выполнять команды. Беготня за угощение, сидение и лежание по отмашке, маршировка у ноги и другие прелести, целью который сделать тебя верной и послушной собакой, её не прельщали. Почти демонстративно медленно иногда она выполняла задания, а иногда прикидывалась уставшей и ничего не делала. На поводок она была не согласна категорически. Стоило хоть задуматься на секундочку о том, чтобы зацепить её крюком карабина за ошейник, как Поночка тут же превращалась в спринтера. Остановить её можно было только подняв руки вверх в знак капитуляции. В итоге пришлось купить те ниточки для маленьких собак, чтобы создать видимость. Танцы в перерывах и обучение трюкам также ей не нравились. С цирком, наверное, она свою жизнь связывать не собиралась.

Другие хозяева не очень были довольны тем, что в их рядах затесался бунтарь. Хотя их собаки были более чем лояльны и тоже не упускали возможности изредка увильнуть от обязанности «быть хорошей собакой» и пуститься слегка «во все тяжкие».

– Какая она у вас… герцогиня… – произнёс как-то кинолог, отмечая Поночку, безразлично смотревшую в сторону, – Дома тоже своенравна?

– Держит в ежовых рукавицах и бывает капризничает.

– У собак характеры, как у людей. Кто-то терпеливый стоик. Кто-то шебутной и компанейский. Порода, конечно, породой, но всё исключительно индивидуально, – сказал он, опасливо поворачиваясь в сторону других тренеров на площадке, – Это даже не всегда зависит от хозяина, скажу вам по секрету. Душу ведь не перевоспитать.

Через какое-то время мы бросили занятия и ушли без сертификата о прохождении курса, утешая себя тем, что на «неполное высшее» Поночка уже благополучно отучилась. Всё равно жизнь – это не теория…

Собачники нашего района оказались либеральней, чем собачники из школы для собак. В карманах у них всегда валялось что-нибудь вкусное, но не очень полезное, а поводки чаще свисали с поясов, давая собакам возможность побегать вдоволь. Практически у всех них были либо питомцы, которых они тоже взяли с улицы, либо те, которых спасли от жестокого обращения. У одной была алабай по кличке Шуня.

Мы повстречали их поздно вечером, когда Шуня: чёрная со сверкающими белыми лапами – радостно неслась нам навстречу, а хозяйка спешила за ней с криками: «Не бойтесь! Она – щенок! Она – щенок!». Шуню она вытащила чуть ли не с бойни, но так и не смогла призвать к ответственности обидчиков.

– Сказали, что материалов недостаточно для дела. Недостаточно фотографий, заключений ветеринаров, очевидцев. Их больше волновало то, что порода опасная. То есть собака по-ихнему виновата в таком обращени, как я поняла из их сложносочинённых объяснений. Вот родись она лабрадором…

Со стороны донёсся крик: «Ватсон!» – и из подъезда дома с хлопком рвался гуталино-чёрный лабрадор, с гуляющей под шерстью мышцой. Хрупкая хозяйка держала поводок двумя руками, голову опустив, а ноги расставив ножницами, упираясь пятками в землю и стараясь чуть-чуть сбавить скорость. Она была похожа на неумелого лыжника, впервые спускающегося со склона. Ватсон же, гонимый желанием поиграть, только набирал обороты, пыхтя, словно паровоз. От них оставались даже борозды в асфальте.

– О! Вот где жестокое обращение! С такой прыткой собакой и не каждый мужик справится! Настя, у вас всё в порядке?

Хозяйка Ватсона отцепилась одной рукой от поводка, чтобы помахать, но решение было неверным. Она тут же повалилась на

землю и Ватсон потащил её за собой, даже не заметив якоря. Собаки тут же подпрыгнули к Ватсону, как будто в желании его остановить и закончить мучения хозяйки. Другие собачники помогли ей встать и со всех сторон отряхивали, пока Ватсон был занят тем, что здоровался с друзьями по двору.

– Вы видели старое видео из интернета, где лабрадор гонит стаю оленей в парке, а за ним бежит хозяин и выкрикивает всё громче: «Фентон!»? Начинаю разделять его боль, – сказала хозяйка Ватсона, оттирая влажной салфеткой грязь с лица.

– Ну, зато можете ремейк сделать! – ответила хозяйка Шуни и посмотрела на своего питомца. Шуня тихо и застенчиво стояла в стороне от гурьбы собак, - Моя же прямо толстая девочка в классе. Безобидная, но слишком большая. И даже если они все соберутся в кучу, всё равно будет большая. Шуня, поиграй!

Шуня посмотрела на хозяйку, попереминалась с лапы на лапу, но так и не подошла ближе.

– Они у нас интроверты, – отметила хозяйка Шуни, кивнув на Поночку.

– Не знаю. Мне кажется, что Поночка просто считает себя сверхсобакой...

– Цыганская царица?

– Не меньше!

– Это и не плохо. Нужно знать себе цену. В моей вот умирает трепетная балерина…

Шуня всё переминалась на цыпочках, когда из-за угла вышел Персик и его хозяин. К хозяину тут же сбежались все собаки, так как он сыпал щедро вокруг шоколадными конфетами. Персика он тоже нашёл на улице. И тогда, по рассказам собачников, Персик был тощий до того, что можно было рассмотреть все органы, пересчитать кости и сыграть на них заунывный блюз. Но теперь он оправдывал своё гордое имя. Персик и правда был розово-оранжевого цвета с красными бочками, что делало его похожим на фрукт на ножках. Да и на ощупь он был мягкий, словно персик. Хозяин шутил, что это всё правильная диета из сырков в

шоколаде. Персик добродушно «катил» рядом с хозяином, никогда не лаял, всегда слушался.

– Персик ваш только спеет! – говорили собачники, поглаживая по очереди Персика, который обычно удобно усаживался и улыбался такой улыбкой, что свойственна только Будде: блаженно радостной и безмятежной. Человек так улыбается, только когда ест спелую сахарную хурму.

Поночка сбежала также неожиданно, как появилась. Растворилась буквально в тумане. Здесь даже слово «сбежала» не совсем подходит. Просто в раз испарилась одним непогожим летним днём, похожим скорее на осенний. Нитка поводка становилась тяжелее от воды, пока я пыталась найти её, тоже теряясь в хитросплетениях улиц. Сумерки накатывали на город. Фонари вспыхивали один за другим. Прохожие поднимали от холода воротники и безучастно проходили мимо, когда я пыталась спросить у них о том, видели ли они собаку. Вымокшая одежда давила. И почему-то именно на лёгкие. К горлу подступал ком, который не удавалось проглотить, а на ресницах кажется уже начала кристаллизоваться соль.

На прогулки вышли поздние собачники, вернувшиеся с работы и старающиеся поторопить своих питомцев с делами, не желая долго задерживаться на улице под проливным дождём. Они бросали косые взгляды, когда из последних сил я проходила мимо, ничего не спрашивая, а из рукава тянулась красная нитка поводка, в темноте казавшаяся растянутой резинкой без варежки. Наверное, я и была похожа на ту девочку из кукольного мультфильма.

Через пять часов поиска у меня слипались глаза, а ноги отваливались. В позвоночнике искрило от боли. В бреду я добралась до дома, в бреду добралась до квартиры, поднявшись по лестнице, в бреду упала на кровать в мокрой одежде и зажатым поводком в руке… На утро простуда не заставила себя ждать. Меня атаковал жар и озноб. В ушах будто застряла вата. Но я переоделась и вновь пошла на поиски.

Дождь всё лил. Дороги превращались в реки. К двум дня я оклеила все столбы фотографией с Поночкой и бросила клич в

социальных сетях. Хозяйка Шуни поймала меня, когда я уже шла в сторону дома.

– Господи! Прямо утопленница! Ты чего? Чего такое?

Я показала «пустой» поводок. Хозяйка посмотрела на Шуню, которая тревожно обнюхивала мои руки.

– Так! Ладно! Что это? Листовки? А на странице написала о пропаже? Хорошо. Ты пойдёшь поспишь. Мы же с другими доклеим листовки. Устроим поисковую операцию.

– Мне нельзя спать.

– Ничего не знаю, – ответила хозяйка Шуни, набирая номер на старом кнопочном телефоне, – Аллё, Таня? Таня, неси своего Крузенштерна. Нужно след взять…

Из окна, сидя точно на том месте, где обычно сидела Поночка, я видела как собачники разделили листовки и с собаками разбрелись в разные стороны. Носом я тыкала в стекло, стараясь подтолкнуть их вперёд.

Поздно вечером пришёл хозяин Персика. Он принёс мне целый мешок сырков в шоколаде.

– Это от простуды… – застенчиво сказал он. А за ним сидел безмятежно улыбающийся Персик.

Поночку не нашли. Несколько дней листовки вешали, они тлели и разбухали от воды, их меняли и по-новой. Иногда я кидалась к собакам, замечая похожие уши или хвост, но всегда было мимо. Мне бросали адреса, где её предположительно видели, но там я никого не находила. Квартира приходила в прежний вид, зарастая одеждой, обувью, немытой посудой. Растения заняли свои прежние места на подоконнике и мерно чахли, так как моя забывчивость вновь вернулась. Работа по ночам возобновилась, ведь на утро приходился сон, а на день – очень медленный разгон.

Но в какой-то момент я решила не представлять ничего плохого. Я начала верить в то, что Поночка нашла ещё одну бедолагу, которой требовалась помощь с режимом и самодисциплиной. В уме я видела её в качестве Мэри Поппинс из собачьего мира,

которая появляется там, где нужна, и учит всему необходимому для счастливой жизни, или смеси Генри Хиггинса и Элизы Дулиттл из «Пигмалиона». Наверное, где-то она также водила ушами и наэлектризовывала недовольно усы, как и у меня в квартире, учила хорошим манерам и тренировала вкус тех, кто от рождения был обделён ими. Собака-волшебница в своём особом роде. И, возможно, тогда она и не потеряла бродягу вовсе… И сама не потерялась…

Чем больше я так думала, тем легче было приводить себя в порядок и надеяться на то, что другие «хозяева» будут прилежными учениками и сделают попытку превзойти мастера.

А порог моего дома через несколько месяцев опасливо перешагнул Дональд, у которого хвост был от маламута, а остальное тело – от бордер-колли. Перед тем, как разрешить войти, я протёрла ему лапы. Хотя, наконец, и наступила сухая весна…

Галина Хруцкая

Клай

Рассказать вам историю? Эта история о чудесном мальчике, его зовут Клай. Когда он был маленьким щенком, на его долю выпало немало испытаний, но спустя годы он не только выжил, не потерял веру в людей, но и обрел новую счастливую жизнь в любящей семье. Да, теперь это уже история. Эта история о собаке, о людях и многом другом.

История одного предательства

«Он начал жизнь в трущобах городских...». Именно так и надо начинать рассказ о Клае, как во всем известной песне.

И это, действительно, так. Нашли его на помойке где-то в районе Купчино на окраине Санкт-Петербурга. Маленький худенький, на длинных тоненьких лапках, с висящими ушками. Кстати, одно ушко у него так и висит, но это добавляет ему только еще больше очарования и безграничной милоты.

Когда он родился, как оказался в этом месте - неизвестно. Есть ли у него братья-сестры? Родился он на улице или у кого-нибудь собака ощенилась, а «добрые» люди выкинули его? Увы, такое нередко бывает.

Сейчас это уже не важно. Главное, что этот малыш обрел себе дом, хозяйку и имя. Назвали его Клайф Оуэн! В честь знаменитого актера. Ну, вы помните. Только, имя оказалось слишком длинным, да, и выговаривать его было трудно. И стал он сначала просто Клайф, а вскоре и буква «ф» куда-то убежала. И теперь уже просто Клай радовался жизни и был счастлив. Но мог ли он подумать, что это не навсегда.

Знаете, как бывает. Ребенок вырос и ему уже не интересны игрушки, у него появляются новые интересы, увлечения и …, да, новые игрушки. Вот, так произошло и с Клаем. Выросла его хозяйка, у нее появились новые интересы. Вырос и сам Клай. И стал он просто никому не нужен.

Отец хозяйки отвез его на дачу. Сначала только на лето, зимой все-таки его забирали в город. Правда, условия были та-

кими, что, у меня до сих пор слезы на глазах. На 7 этаже, на открытом балконе, сделанной непонятно из чего будке. Разве, это жизнь? Пару раз он сбегал из «заключения», его находили в мясном отделе магазина. Наверное, был голодный.

А в какой-то момент, в самом начале весны, его опять отвезли на дачу. Только уже навсегда. Клая бросили на произвол судьбы.

Долгая дорога к счастью

Еще несколько лет он жил в подвешенном состоянии – есть у него дом или нет, нужен он кому-то или нет. Его, то забирали домой, то опять выбрасывали. Он оказался на улице и скитался по садоводствам Ленинградской области недалеко от поселка Рощино.

А тем временем мы с мужем жили обыденной такой, ничем не примечательной жизнью – работа-дом-выходные. Абсолютно однообразно и без видимых перспектив что-либо изменить.

Пока не встретили его. Он выбрал нас сам: стал провожать на электричку, приходил и стоял у забора. Наша дача как раз напротив дачи этих горе-хозяев. Так, мы с ним и познакомились.

А, когда наступила осень, а за ней и зима, мы через день ездили на дачу с полными сумками еды, кормили и отогревали Клая. «Почему не забирали себе?» – спросите вы. Так, вроде бы хозяин окончательно от него не отказался. Он говорил, что дочка потом Клая заберет, считал, что на природе ему жить лучше, а еда – ну, кто-нибудь покормит.

Мы проводили большую часть своего свободного времени в тот период в электричках Удельная-73 км. Но, даже мысли не возникало все бросить и не ехать. И было совсем не важно, сколько градусов ниже нуля, осенний противный ледяной дождь, усугубленный еще и порывами северного ветра, снег, метель – неважно – там Клай, его надо накормить. Пусть он поспит у обогревателя, а когда разогреется камин, переберется к огню. Его надо, в конце концов, просто погладить, поговорить с ним. Ведь Клай так любит, когда с ним разговаривают.

Летом Клаю стало жить чуть-чуть полегче. Людей в садоводстве прибавилось, мест, где можно подкрепиться стало гораздо больше, да и спать можно прямо на улице. Но он все-равно приходил к нам, все так же провожал на электричку. Я махала ему рукой. Он стоял и смотрел. И только наши сердца обливались слезами.

Заслуженное счастье

Не знаю, как бы все было дальше, но вмешался в этот неразрешенный вопрос «господин случай». Клая покусали осы. Пошло раздражение, вплоть до мокнущей экземы. Мы с мужем отвезли его в ветеринарную клинику, нам назначили лечение. Но, согласитесь, глупо, давать лекарства и обрабатывать ранки через день. И мы решились в один момент: «Давай….» - только сказала я. «… заберем Клая» - продолжил мой муж. Все решение принято!

Ни секунды не раздумывая, не блуждая в сомнениях, не взвешивая за и против. Просто взяли и все. Самое ужасное, что хозяину, как оказалось, вообще было все равно.

Так в августе 2017 года в нашей семье стало плюс один! Клай стал самым настоящим, я бы сказала самым главным, членом семьи! Именно с этого момента и начались чудеса! В жизни появилось много новых, интересных людей. В жизни стали происходить огромные перемены, появились новые идеи и цели.

Клай полностью изменил нашу жизнь, добавил в нее краски и принес море радости. Мы с мужем дарим ему всю нашу безграничную любовь. И, хочется верить, что Клай счастлив!

Вот, и подошла к финалу эта история. В ней было все - предательство, обман, голодные времена, страх и одиночество. Но Клай справился со всеми трудностями на своем пути. И, самое удивительное, он не потерял веру в людей. Его огромная душа открыта для каждого. В его сердце живет любовь. Он делится с миром своей добротой, дарит свое тепло и ласку.

Клай научил нас быть добрее к животным, к другим людям, к

миру, к жизни! И это истинное счастье! Клай – ангел, посланный нам судьбой. Ангел, облаченный в облик собаки. Да-да, именно ангел. Он послан на землю, чтобы жить среди людей и зажигать в их душах и сердцах любовь и доброту.

Хочется верить, что в мире станет больше открытых и добрых людей. И люди поймут, что у животных тоже есть чувства, есть разум и есть права.

Будьте добрее и человечнее! Не бойтесь брать бездомных животных. Это не страшно. Страшно, когда без помощи они погибают на улице. Чувствовать рядом спасенную жизнь – огромное счастье!

Александр Малахов

Ангелы

Речка Масловка осторожно перекатывала золотистые свои воды, негромко бубнила у берега, когда появлялись от внезапного порыва ветра морщинки на ее глади, и ветер тут же спешил спрятать их в худосочных стеблях прошлогодних камышей, скрывая, как истинный кавалер, настоящий возраст своей давней подружки.

В камышах в большом количестве водились утки-чирки, и Микола, когда выпадало свободное от хозяйства время, подкарауливал их со своим короткоствольным карабином, но подстреливал редко и всегда не более двух штук.

Гораздо больше ему нравилось наблюдать, как поднимается серой тучкой стайка уток и, ухнув по воздуху своими короткострелыми крыльями, тут же ныряет в соседнее камышовое полесье.

Жена с ухмылкой принимала дичь из рук добытчика - мужа; только на обед ее и хватало, но она всегда делала это без причитаний и упреков, которыми ежедневно изобиловали "переговоры" соседа Петра со своей Настасьей. Но Микола по-доброму завидовал шумливым своим соседям. С раннего утра и до позднего вечера трое их детей, мал-мала-меньше, гомонили во дворе, иногда дрались, пока их возню не нарушал непререкаемо звонкий голос матери:" Домой!"

Соседские дети незаметно, как цветы, выросли и перебрались в город, оставив во дворе только кучу почерневшего в песочнице песка, расколотые пластмассовые детские ведерки и ржавую раму велосипеда. Но даже вид этого заброшенного детского озорства радовал душу Миколы, потому что своих детей у него не было. Аленка его, когда они только поженились, мягко предложила пожить пока без детей, для себя. Микола не стал возражать и настаивать, видя искрящиеся лукавством и радостью бездонные зеленоватые Аленкины глаза, да и чего было ерепениться и раньше времени укореняться детьми в вымирающей и пустеющей деревне, ведь вся жизнь впереди, а за его крепкими плечами уже остались армия и сельхозтехникум. Теперь можно и отстраивать свое безоблачное будущее.

Но время шло, Микола терпеливо ждал, когда же Аленка порадует его увеличением семейства. А Аленка на вопросительные взгляды мужа только улыбалась, обнимала его своими худенькими бархатными руками и уходила стряпать на кухню, а Микола, понурив голову, шел отделываться по хозяйству. Одно время Микола по весне затосковал; как-то жутко вдруг стало ему оттого, что может исчезнуть с лица земли его звучная русская фамилия Соловьев. Он с завистью наблюдал за построившимся рядом семейством Петра, у которого в первый же год совместной семейной жизни звонко и требовательно завопил в доме крохотный Андрейка. Потом народились Светлана и Мишутка.

И к Миколе как-то сама собой из глубин подсознания явилась идея вырастить большой сад. Миколе так понравилась и въедливо запала в душу эта идея, сто он незамедлительно принялся за ее осуществление: съездил в соседний район за саженцами, и уже на следующий год сбоку огорода потянулись к солнцу крохотными листочками восемь саженцев.

Все свободные минуты Микола отдавал теперь своим так неожиданно, но так желанно родившимся детям. Он исхудал, забывая вовремя обедать и ужинать: щеки впали, нос заострился, а глаза, и без того широко распахнутые миру, теперь стали возвышаться над бледной холодностью лица двумя лучезарными наливными яблочками. В дом заходил иногда заполночь, и чтобы не тревожить спящую жену, перебрался спать в другую комнату. Аленка на это переселение ничего не сказала; она было заволновавшаяся по поводу смурно-го настроения мужа, теперь видя его жизнерадостным и часто без причины улыбающимся, успокоилась; только изредка Микола ловил на себе ее странные недоумевающие взгляды.

Микола знал каждый листочек на еще тонких и хрупких веточках своих спокойных детей. И они тянулись и льнули к нему, когда он осторожно гладил узорчатые росистые листочки, согревая их теплом своей наполненной до краев любовью души в туманные зябкие дни. Когда они заболевали, покрываясь плеснявкой или

паутиной, он настойчиво лечил их раствором медного купороса, золой и другими препаратами, купленными им специально в райцентровской "Сельхозхимии".

Вернулась к нему молодецкая радость. Но не мог он рассказать о своей любви к детям глупой супруге, не потому, что не хотел, а потому, что не было в Миколкиной голове подходящих слов для описания этого райского чувства; он чувствовал эту любовь всем своим телом, всем своим существом, и потому при каждой встрече и расставании со своими взрослеющими, настойчиво тянущимися к свету, мужающими детьми, он крестил каждое Божье создание, желая здравия и процветания...

Снег стаял быстро, в два дня, чего на Миколкином веку еще не было. Кругом резко запахло сыростью прошлогодних листьев и кое-где уже проглядывали крохотные ярко-зеленые крапинки свежей молодой травки.

Через несколько дней, подогреваемая ослепительно ярким и жарким солнцем, травка подтянулась, слилась в сплошной изумрудный ковер, пряча у самых своих корней бледность и серость прошлой холодной сырой осени.

Каждое утро теперь, когда солнце только показывало из-за посеревшего соснового леса свои округлые богатырские плечи, еще не сбрасывая мутного ночного покрывала, Микола ковырялся в саду: повторно перекапывая грядки, рыхлил землю около молоденьких саженцев-двухлеток, которые в этом году должны будут крепко пойти в рост. Микола поможет им набрать силу, подкормив щепоткой удобрений, прекрасно зная, что тут кашу маслом можно подпортить. Потом будет обход богатого хозяйства: коровы с теленком, поросят, кроликов, кур и уток.

К половине восьмого Микола облачался в промасленную робу и шел на мехбазу готовить к выезду не посевную свой давно уже списанный "Беларус" и только благодаря его тихому нескоростному с ним "общению" еще работавший сутками в поле.

Раннюю весну приветствовали и птицы, хотя такое быстрое потепление могло быть обманчиво. Но журавли уже протянули по

просветленному небосводу свои говорливые мосты на Родину, расчеркивая небесную гавань настрого ровные геометрические фигуры. Как только Микола ловил своим чутким ухом приветливое курлыканье над головой, слышимое им даже сквозь стук ровно, хотя и натужно работающего мотора, он тут же останавливал трактор, глушил мотор, выпрыгивал из кабины и приветливо махал поднятыми к небу руками. Он чувствовал на своем лице плавное движение воздуха, текущего от широких, ритмично работающих крыльев изможденных долгим перелетом птиц.

Иногда прыгающего посреди поля Миколу заставал бригадир, но не отчитывал его за простой, потому что знал, что слегка пришибленный природой тракторист всегда выполнит и даже перевыполнит суточную норму. Каждый год в Миколкином саду появлялись-рождались новые дети. Микола отчетливо и явственно осознал, что все в природе должно идти своим чередом — не галопом и не кое-как, и поэтому крепла в душе его вера в незряшность своей бесхитростной жизни, коли после его телесного исчезновения останутся на земле, даруя первозданной чистоты воздух всей деревенской округе, его дети-деревья; и, как и было задумано Творцом, переживут они его - их отца и кормильца. С каждой весной он воочию видел, как наливаются живительной силой стволы-тела, как мускулятся, напоенные земным нектаром ветки-руки, теребя то прохладный, то жаркий воздух бесчисленным множеством листьев-пальцев.

Этой весной Микола решил выкопать на опушке леса, у самой речки, уже крепкий отгонок дикой груши. Миколу привлекал невысокий ствол дичков и их поразительная устойчивость к морозам. А потом, когда пересаженец приживется среди его теперь уже многочисленных детей в саду, он привьет к нему редкие сорта крупноплодных груш и получится первый в его саду букет блезняшек, различимых только по именам.

Солнце уже взошло над дальними холмами, где разлеглось черно-бурыми пятнашками, старательно пережевывая сочную молоденькую травку, стадо дворовых коров; умылась чуть теплым

утренним светом гладь реки и на ней стали появляться первые улыбчивые барашки волн: это ветерок пришел поболтать со своей давней подружкой.

Деревенская ребятня в это прекрасное воскресное утро не лупила по мячу деревянной битой - ручкой от лопаты, а сгрудилась, о чем-то споря и галдя, у самой воды, когда Микола выбрался к ним из заросшей бурьяном лощины. Мальчишки стали беспорядочно швырять по воде земляными комьями, соревнуясь, видимо, на дальность булькающего броска, когда Микола вдруг увидел, как над толпой детворы, размахивая огромными крыльями, поднялись в воздух четыре белоснежные птицы, вытянув длинные шеи. "Это же лебеди", - екнуло у Миколы внутри.

- Вы что делаете, шпана! - закричал он не своим голосом, подняв над головой, сам не зная зачем, лопату.

Детвора, завидев обозлившегося дядьку с лопатой в руках, бросилась врассыпную. А лебеди, сделав плавный крут над крохотным островком посреди неглубокой речки Масловки, набрали высоту, жалобно, протяжно курлыкнули и растворились за холмом.

Микола выронил из рук лопату. Об этих божественных птицах он читал в "краеведении" местного учителя биологии, так живописно описавшего их красоту, что Микола сразу же воссоединил их в своем мозгу с Божьими ангелами. И вот теперь, когда он мог вдоволь налюбоваться этими чудесными созданиями, ангелы улетели, обиженные бестолковыми мальчишками.

Уже вечерело. Микола заглянул в сад, пожаловался своим детям на злобных деревенских мальчишек, которые с самого детства начинают признавать не власть красоты, а всевластие силы. Дети его покачали кудрявыми головами, сочувствуя раздосадованному отцу, и дремота незаметно унесла их в волшебную страну нескончаемого света и тепла. Микола же, перекрестив их всех, как обычно, на ночь, прихватил буханку хлеба и побежал к реке, надеясь, что лебеди простят непутевых мальчишек и вернутся.

И он не ошибся.

Ангелы вернулись, но только не все: вернулась одна пара, осматривая территорию вокруг островка.

Микола тихонько подобрался к воде и стал щипать и осторожно бросать прямо у берега хлеб, чтобы лебеди поняли, что их больше не будут здесь обижать. Он искрошил всю буханку, отошел подальше, лег на траву и стал наблюдать, как отнесутся к его гостеприимству такие дорогие гости.

Но лебеди так и не подплыли к берегу: они или не видели и потому не поняли, что Микола хотел их приветить вкусным свежим хлебом, или еще были обижены недавним холодным приемом...

Вернувшись домой, Микола уже на пороге почувствовал сильную внутреннюю тревогу, беспокойство; понял, что что-то в его доме изменилось: как-то по-особенному глухо хлопнули двери и не замычала в сарае корова, всегда чувствовавшая возвращение хозяина.

Микола прошел на кухню и зажег свет. На столе стояла большая фарфоровая тарелка уже остывших, покрытых корочкой масла пельменей, а под его любимой чашкой лежала записка: "Ушла к матери. Навсегда".

Микола повертел в руках клочок бумаги и опустил его на прежнее место.

Он не испытал ни злости, ни горечи на свою половину, что она не собралась с духом и не сказала ему этих слов прямо в лицо. Может быть побоялась увидеть в его глазах еще тлеющий огонек надежды, но не любви, которой между ними уже давно не было.

Он вошел в опустевшую спальню. На него пахнуло неживой свежестью чисто выстиранного постельного белья и давно забытым теплом близкого родного человека. Какая-то минутная обида не соединившихся воедино надежд, мечтаний и желаний взбудоражила его тело, он сорвал со стены карабин и швырнул его за диван. На этом гнев его иссяк, но ком в горле еще мешал свободно дышать, и Микола распахнул окно.

Из-за взъерошенного напыжившегося леса тихонько выбирается на дорогу небосклона огромная бордовая луна. И... она улыба-

ется! Да, именно улыбается! Нос вздернут кверху, как у задиристой девчонки, и туда же устремлены смеющиеся, лукаво прищуренные глаза. Но взобравшись на самую вершину, вдруг запечалится. Посмотрит на нас, горемычных, и запечалится: уголки рта опускаются вниз, тускнеют глаза, и хочется думать о чем-то тихом и вечном.

Думал о тихом и вечном и Микола, всматриваясь в мерцающие огоньки звезд на черной небесной вуали, вслушиваясь в спокойное дыхание травы и вытянувшихся под окном бледно-зеленых стрелок ландышей. Случилось то, что должно было случиться. Исчезла невидимая преграда, отделявшая его существо телесным притяжением человеческой страсти, неудовлетворенности; свалилась с его плеч неразделенная ноша семейного одиночества и растворилась, как туманная дымка, безликая любовь когда-то дорогого ему человека.

Впервые за многие годы Микола испытал неземное успокоение мятущейся души своей, не думая о сне, разделся и, не закрывая окна, залез под одеяло...

Прохладная ночь, навеянная с севера неуступчивым скользким течением холодных воздушных масс, вдохнула в комнату через открытое окно туманную сырость спокойного нежно-розового утра. Воздух вздрогнул, осаждая на бурых, с бахромой отставшей огрубевшей кожицы стеблях малины и приплюснутых к земле широких рыжих лапах клубники мельчайшие бусинки влаги.

Микола вздрогнул от неожиданно-резкой свежести, которая, как в прошлом году, может еще и морозцем нежданно-негаданно пристукнуть уже набравшую силу растительность, но не стал закрывать окна, словно боясь, что проплывет мимо него, улетучится взродившаяся красота, живительный дар природы и кончится не его улице праздник.

Несколько минут он лежит с открытыми глазами, слушая как горланит бройлерский петух на насесте, начиная сольную партию ранних деревенских запевал.

Сосед еще не проснулся: не слыхать бряцанья ведер, с которыми он каждое утро в одно и то же время, разбуженный внутрен-

ним будильником, кряхти и хрипло откашливаясь, идет кормить поросят, размеренно шлепая безразмерными калошами по узкой бетонированной дорожке.

Наконец Микола рывком сбрасывает в сторону одеяло, почти подбегает босиком к окну и высовывается наружу; утро ободряюще обжигает его сухое жилистое тело; от терпкой свежести перехватывает дыхание, начинает ломить в носу, и на глазах сами собой выступают слезы, — слезы радости.

Как велика Природа! Сколько бы мы не брали у нее красот она не становится беднее. Не скудеет Природа красками и нарядами и пока еще держит нас в своих невидимых объятиях.

Миколе хочется крикнуть на всю округу: не оскудеть и бы нам душевной теплотой и щедростью...

И он, неверное, крикнул бы, если б мимо дома не пробряцал на телеге Васятка-молоковоз. Сегодня он проехал мимо дома Миколы, даже не посмотрев в его сторону: без коровы семья - не семья, мужик - не мужик, - таков был его жизненный расклад. А Микола лишился коровы одновременно с женой; увела ее жинка с собой, может быть на память. Весть эта облетела всю деревенскую округу быстрее пушечного ядра, и кое-кто уже за глаза жалел обиженного судьбой работягу мужика.

Остановился Васятка у дома соседа, кликнул хозяина. Тот нехотя вынес двенадцатилитровое ведро молока, пришлепывая ладонью не закрывающийся от дремоты рот. Васятка привычным движением перелил его содержимое в бидон, щелкнул крышкой, поставил галочку в своей потрепанной тетрадке и, присвистнув, покатил дальше. Сосед протер глаза и побрел отделываться по хозяйству.

Так было вчера, так было сегодня и так будет завтра, и, может быть, также будет всегда, но только не для Миколы. Полегчало и даже как-то посветлело на душе у Миколы. И захотелось ему, ну прямо невтерпеж, поделиться с кем-то своей неожиданной радостью, своим вторым рождением. Он наспех оделся и, на ходу застегиваясь, засеменил до Петра.

Сосед наводил поросятам мешанку, когда в дверях вырос взъерошенный Микола, горячо заговоривший прямо с порога:

- Ты знаешь!.. на речке лебеди поселились. Микола перевел дыхание и глаза его по-детски загорелись неописуемой радостью.

Петро как-то сочувственно поглядел не него, вытер пот со лба и проговорил с укоризной:

- Ты бы напился что ль лучше с горя, или уже крыша съехала, что с птичками стал любиться. От тебя ведь не кусок грязи отвалился - жена ушла. Видал я, как она вчерась с узелком со двора уходила... Рубахи со штанами кто теперь постирает и залатает? Али ты как чукча по полгода мыться не будешь?! - сосед хмыкнул и показал свои железные передние зубы. - Моя вот Настасья пальто решила себе новое приобресть. Говорит, годами я моложе Пугачевой, а одеваюсь хуже нищенки. Обхаживать бабу надо, башка твоя садовая, аль ты зачах как крапива под забором? — сосед молодецки подмигнул правым глазом и, толкнув Миколу в бок, загоготал во все горло, откинув голову назад. Дыхание у него перехватило, он поперхнулся и, выпучив глаза, начал безудержно кашлять, брызгая слюной.

Микола понял, что разговор окончен, вышел не улицу, но домой не пошел, а быстро зашагал прямиком через огород на другой конец села к дому на высоком фундаменте, обнесенному выкрашенным в голубую краску забором с крупной табличкой с написанными не ней красной краской через трафарет предостерегающими словами: "Осторожно! Злая собака".

Микола, не обращая внимания на смоляную, как ворон, овчарку, норовившуюся оттяпать ему уж если не кусок его ноги, то хотя бы укоротить штаны, проследовал прямиком в прихожую, где хозяин, учитель биологии с самым высоким разрядом, как слышал Микола от односельчан, беззаботно раскладывал остатки черствого хлеба на крышке газового отопительного котла.

- Михалыч... - только и вырвалось у Миколы от волнения.

Учитель от неожиданности выронил кусок хлеба и отпрянул от нежданного гостя как от чайника с кипятком. Увидев, что до смерти напугал хозяина, Микола тут же исправил положение:

- Да ты не пужайся, Михалыч, не пожар и никто не помер, я... по делу заглянул к тебе...

- По делу, говоришь? - пробурчал хозяин. - С таким "делом" инфаркт или кандрашка могут хватить... Ну да... в твоем теперешнем положении... слышал, -вздохнул он, успокаиваясь. — Выкладывай свое дело.

- Ты ведь писал в своем "краеведении", что лебеди к нам уже лет сто не залетали.

- Неужто читал! - удивленно вскинул брови учитель, поднимая с пола упавший хлеб.

- Да было дело, слегка смутился Микола и, вперив пронзительный взгляд прямо в глаза хозяина, продолжил:

- Так вот ведь, лебеди вернулись! Одна пара на Масловке поселилась; было две, да одну ребятишки камнями прогнали. Ты бы видел только, как они плавают вместе и головами кивают, точно кланяются, и...

- Фу ты, невидаль какая! - разочарованно прервал Миколу учитель. - Я и не такую дохлятину видел. А лебедь - он ведь гусь натуральный, только чуть покультурнее будет.

- Да к ты же писал, что...

- Ну писал, и что?! Эка честь - гуси-лебеди сказочные залетели в глухомань деревенскую. Ты короны случаем у них не заметил? - съязвил хозяин. - Меня вот спина-лихоманка замучила: ни сидеть, ни лежать - неделю отойти не могу.

- Но ты же о природе детям рассказываешь, о животных, как же...

- Как я детям о флоре и фауне рассказываю? - закончил учитель Миколкин недоумевающий вопрос. - Да очень просто: природа, она ведь, дорогой мой, была, есть и будет; весна, лето, осень, зима - всегда одно и то же. А вот мы с тобой должны побеспокоиться о зоровьице своем, иначе подохнем раньше сроку.

- Какого сроку? - не понял Микола.

- А такого!.. Богом всем нам отмеренному. А ежели я при виде каждой залетной птички запрыгаю как молодой козлик, то работать за меня некому будет. Вот так-то! - развел он широко руки...

Домой Микола плелся, не разбирая дороги.

- Ну как же это, как же? - только и повторял он негромко, взъерошивая руками волосы.

Старухи истово крестились ему во след и кивали головами, относя его полоумный блуждающий взгляд и несвязную речь к переживаниям по поводу ухода супруги.

Дом свой Микола обошел дважды, порываясь пойти то в одну, то в другую сторону, отыскивая в памяти человека, с которым он мог бы поделиться своей безмерной радостью. Он снова вспомнил равнодушное лицо учителя, которого до сих пор считал умнейшим и добрейшим человеком на свете, и решил, наконец, оставить свою радость при себе.

Через четверть часа Микола уже сидел на берегу реки, ломая хлеб на маленькие ломтики и осторожно бросая их в воду. Сильно размахиваться он не решался, чтобы не спугнуть птиц, которые по-прежнему плавали вместе.

Солнце округлилось, побагровело и коснулось вершин дальних холмов, когда у Миколы закончился хлеб.

Он развел руками, дескать, простите, больше нет, и вернулся в опустевший, безмолвный свой дом. Там плюхнулся на диван и включил телевизор, чтобы хоть чем-то отвлечься и успокоиться. Шел индийский фильм. Микола однажды уже его видел. Фильм был о слонах, которых отлавливали и приучали работать, таская различные тяжести. И в этом фильме, как и во всех его собратьях, был трагический сюжет. Но этот фильм особенно нравился Миколе, потому что он рассказывал об умных терпеливых животных. И когда умирал маленький слоненок, Микола заплакал, впервые в жизни заплакал. Он, мужик, дважды слетавший с двухэтажного воза сена и ушибавший позвоночник о тракторную серьгу. Но то была боль физическая, со временем излечимая; а эта боль, разгоравшаяся внутри он самого сердца невидимым пламенем, мешала думать и страдать, словно его обухом шибанули по голове и в ней теперь звенело и бухало, так что он явственно слышал перезвон колоколов на далеком Спасо-Преображенском храме. Микола почувствовал, что проваливается в темную бездонную пропасть...

Умчалось за горизонт лето, помахав журавлиными крыльями и прокурлыкав негромкую песню о возвращении.

Торопятся куда-то облака, накатываясь и обгоняя друг дружку. И солнце, изредка, выскальзывая из серого мрака вспыхивает, как только что разгоревшийся костер. И начинает вертеться все быстрее и быстрее, раскручиваемое невесомыми полупрозрачными облаками. И если присмотреться, то, кажется, что не небе появилась вторая планета Земля, только не такая пестрая и нарядная, а серая и унылая.

Поблескивает на продрогшей земле снежная пудра. Поджимают хвосты собаки в подворотнях, да куры трясут головами при каждом порыве ветра.

А на опушке леса - березки. Трепещут, развеваются на ветру листочки, словно тысячи желтых бабочек присели передохнуть от долгого утомительного перелета.

Солнце выкатывается из-за тучки и тут же стремительно бросает луч в глубь леса. Вспышка света выхватывает из общего серого фона ярко-красные глаза боярышника, торчащие, совершенно нагие, высушенные годами осины и кучи, кучи хвороста. Сколько же лет здесь не ступала нога человека? Трудно ответить? Да, ответить трудно: гораздо легче спрашивать...

Все это Микола не видел; да и мог ли он видеть одновременно глубь леса, покосившиеся деревенские заборы, из-под полусгнивших досок которых подбрехивали собаки. Все это природное естество протекало сквозь него: оно брало начало в его голове и вытекало из его ног, словно он лежал посреди широкого ручья и прохладная его вода, журча, нашептывала ему на ухо все происходящее и творящееся вокруг и уносила дальше, кому-то еще. Он, как губка, впитывал в себя остатки тепла мелькавшего в мутном небе солнца, бестелесно брел, спотыкаясь сквозь бурелом леса, когда-то пестреющего с ранней весны васильками и пышноголовыми голубыми пирамидками, именуемыми в народе индюшками, отыскивая еще теплящиеся живительными огоньками пуговицы глаз боярышника.

Холодает. Но Миколе совсем не холодно. Он сидит на берегу речки, спокойная зеркальная поверхность которой отражает белоснежно-белый его костюм и брюки. Микола чувствует терпкий запах ландышей. Как же давно он не чувствовал этого запаха! Он мучительно соображает, откуда взялся этот пьянящий аромат раннего лета и вдруг чувствует плечом легкое нежное прикосновение. Он поворачивает голову. Рядом с ним, окутанная с ног до головы невесомым облаком завитушек фаты с сияющим от счастья лицом сидит его Аленка, да, теперь его... Микола нежно гладит ее бархатные загорелые руки, но она по-прежнему смотрит мимо него. Брови ее вскинуты, рот полуоткрыт, и Микола понимает, что она чем-то удивлена. Он следит за ее взглядом и...О, чудо! Прямо у берега плавают лебеди. Они внимательно смотрят на молодых, одобрительно покачивают точеными головами, прижимаясь друг к дружке, потом вытягивают шеи и плавно и нежно свивают их в неразрывный жгут, словно показывая людям, что и они умеют так же беззаветно и преданно любить.

- Почему они не улетают, ведь уже осень? - почти шепотом, боясь нарушить неожиданным своим голосом любовную игру птиц, спрашивает Аленка. Микола пожимает плечами, а потом так же шепотом, наклонясь к самому ее уху, спрятанному в душистых снежинках фаты, предполагает:

- Они хотят остаться с нами, навсегда…

Молодых венчает высокий худой протоиерей с польской фамилией, от которого сильно разит водкой. Старушки гнусавят за батюшкой молитву.

Плавно раскачиваются от жаркого дыхания огоньки свечей в руках, плавится воск, набухает и медленно катится на пальцы. Микола не чувствует его запаха; батюшка отходит, унося с собой запах вчерашнего празднества, и он по прежнему чувствует только дурманящий аромат ландышей. Голова слегка кружится, перед глазами начинают медленно плыть иконы, свечи, постные лица старух; потом и они сами, прижавшись друг к другу, увлекаемые батюшкой, включаются в священное таинство венчания.

- Приснул, милок,- теребит Миколу еще моложавая матушка и всовываетв его онемевшую от напряжения руку свитые в тугой жгут разноцветные венчальные свечи. Аккуратно заворачивает их в платочек и сжимает вместе с рукой Миколы, глядя прямо в недоумевающие его глаза.

- Береги, это твое счастье,- улыбаясь, нараспев говорит она и трижды крестит молодых...

"Счастье" эхом отзывается в отяжелевшей голове Миколы и он открывает глаза.

Телевизор по-прежнему работал, но показывал только мельтешащих черно-белых мушек и противно шипел. Микола протянул руку и нажал на пульте кнопку: экран медленно гас, погружая комнату и одиноко неподвижно лежащего человека в кромешную темноту. - Мое счастье,.. - пролепетал Микола.- Но где же оно - счастье?.. А ведь она так ни разу и не сказала, что любит меня, и перед Богом стояли, и... матушка свечками скрутила наши судьбы на всю жизнь...

"Твое счастье"... снова выплыло из памяти, и, прогоняя остатки сна, Микола резко встал, нашарил в темноте шкаф и стал вышвыривать из него вещи, отыскивая заветный сверток.

Сверток лежал в самом углу на верхней полке, куда его припрятали в самый день венчания. Микола поднес его к столу, развернул и чиркнул спичкой. Свечки затрещали, брызгая слепящими глаза вспышками, словно негодуя на человека за то, что он нарушил уже совершенное священное действо. Комната окутывалась золотистым туманом, выделяя при каждом шумном вздохе свечей лик Николая Угодника в углу. Микола подплавил свечки снизу и прилепил их к столу: пламя дрогнуло, свечи шумно вздохнули. "Вот оно - счастье, догорает",- подумал Микола, опуская голову на руки, прищурив глаза, внимательно рассматривая укоризненно покачивающиеся и соединенные еще воедино как обручальные кольца, радужные кольцеобразные пучки небесного венчания...

Когда Микола проснулся снова, свечей на столе уже не было. От них осталась только застывшая лужица непонятного цвета воска.

Весь день Микола метался по деревне, сбывая со двора живность. Откормленных его животных односельчане брали охотно, хотя некоторые и покручивали пальцем у виска, тем более, что отдавал Микола свою живность почти что задарма. К соседу свиней перегнал. Тот не преминул пожаловаться, что силов больше нету со скотиной топтаться, но поросят взял и еще поллитру предложил "раздавить" за Миколкино облегчение жизни. Но Микола пить отказался и ушел домой.

В комнате он повытаскивал из всех карманов смятые бумажки, расправил их, пересчитал, сложил в стопку и завернул в тот самый платок, в который так долго было запеленовано его "счастье". Потом, засунув сверток в карман, отправился на речку кормить лебедей.

Дважды по Миколкину душу приходил бригадир и, не застав его дома, решил выделить добросовестному работнику небольшой отпуск для успокоения души, чтобы смог он без посторонних глаз пережить и заглушить в сердце своем неожиданное горе…

Почти целую неделю Микола с утра до вечера просиживал на берегу, и Божественные ангелы перестали его бояться, так что он теперь больше не отходил в сторону и не подбирался крадучись к воде. Мальчишки на этом месте и носа не показывали после того, как их шуганул Микола...

Рано утром в дверь соседа настойчиво постучали. Открыла Настасья.

- Чего тебе ни свет ни заря? - недовольно пробурчала она.

- Мне бы Петра,- тихо и виновато проговорил Микола.

- Иди, птичник явился! - донесся из спальни ее недовольный голос. Петро вышел заспанный, слегка опухший, на ходу протирая глаза.

- Ну ты что, совсем ошалел, людей...- он на полуслове запнулся. Перед ним стоял совсем другой Микола: гладко выбритый, причесанный, в свадебном костюме-тройке. Петро чуть язык не проглотил от изумления. Опомнившись, он воскликнул, хлопнув в ладоши:

- Ба-а, да ты никак свататься надумал?.. Вот это молодец, одобряю. А то смотреть на тебя больно было. Состариться-то мы всегда успеем.

- Ты вот что,- натянуто улыбнувшись, начал Микола,- прибереги пока у себя... Он вынул из кармана сверток и вложил его в руку соседа.

- Это что еще за бандероль такая? — удивился тот.

- Это деньги... пять тысяч, припрячь у себя...

- А сам ты чего?.. Ага-а, приданое боишься потерять, когда примешь за любовь,- он хохотнул и звонко щелкнул по шее. - Понимаю, сохраню, как в банке. На молодуху-то пригласи хоть одним глазком поглядеть! - уже вдогонку уходящему Миколе прокричал Петро.

Микола от соседа вернулся домой, выгреб остатки хлеба из хлебницы, достал из-за дивана карабин, на пороге трижды перекрестился и, не оглядываясь, пошел к реке...

Деревня еще не очнулась от тягучего дурмана снов и забытья ночи, когда за оврагом, у речки, разорвали тишину почти один за другим три выстрела.

Вздрогнули возмужавшие Миколкины дети в саду, и речка Масловка вобрала в себя всю зародившуюся и всю залетную красоту еще лет на сто, а быть может, и до скончания века.

Леона Романова

Листик

Изнурительно-жаркий август неожиданно перерос в дождливый сентябрь. А в октябре наступило долгожданное бабье лето. Деревья тонули в золотой листве и довольно жмурились на неярком, но приветливом солнышке. В лесу из-под земли, словно сказочные гномы, повыскакивали осенние грибы.

В выходные дни Даша с мамой и папой поехали к бабушке в деревню. Пока родители, вооружившись палками, ворошили пожухлую траву и заглядывали под каждый лесной куст, Даша пыталась новеньким айфоном поймать Вай Фай. Интернета не было. Девочка присела на поросший мхом черный пенек. Выходной был явно испорчен. Она вздохнула и стала носком серого резинового сапога пинать разноцветную кучу листьев.

Внезапно куча зашевелилась, оттуда молнией сверкнула чья-то рыжая спина и исчезла в кустах бузины.

- Ой, смотрите! - Даша вскочила с места, - лиса!

- Да что ты! - не поверила бабушка. - Тут уже давно лисы не водятся.

- Нет, лиса, - заупрямилась девочка. – Я ее вижу. Вон она за кустом.

Родители Даши бросили палки и окружили бузину.

Из-за куста раздалось шипение.

- Это же кот! – ахнула мама. – Кто-то специально привез его в лес.

- Вот ведь люди! – возмутился папа. Заведут животное, а потом им что-нибудь не понравится и его выбрасывают.

Даша заглянула под куст и увидела тощего полугодовалого котика. Рыжая шерстка спуталась, на хвосте висел репейник. Один глаз был залеплен гноем, а из другого сочилась жидкость. Животное испуганно прижималось к земле, но при этом отчаянно шипело.

- Бедный, он плачет! - расстроилась девочка.

Котик, услышав ее голос, вдруг перестал шипеть и пополз к Даше.

- Осторожно, не трогай его, - заволновался папа. – Кот одичал и может укусить!

Котик, словно понял, что речь о нем, развернулся к папе и захныкал как ребенок.

- Решено, - постановила мама. – Возьмем его с собой, покажем ветеринару, а там посмотрим.

Бабушка сняла с плеч теплую клетчатую шаль, завернула туда котика, и они все вместе пошли домой.

На следующий день его отвезли в город в ветеринарную клинику. Пожилой доктор огорченно покачал головой:

– Ну что за народ пошел?! После окончания дачного сезона столько бывшедомашних животных гибнет, что сердце разрывается.

- А что с нашим котиком? Он серьезно болен? – испугалась Даша.

- Да, нет, – улыбнулся в седые усы ветеринар. – Вы вовремя его привезли. Проколем курс антибиотиков с витаминами, и он будет как новенький.

***

- Ну, и сколько грибов набрали? – встретила семью любопытная соседка Мария Ивановна.

- Да вот мы вместо грибов кого в листьях нашли. - Даша показала переноску в глубине, которой притаился котик. - Это Листик.

- Странные какие-то, - пробормотал им вслед Мария Ивановна. – И зачем им кот? Он же столько времени отнимет да и мебель когтями попортит!

Котик быстро пошел на поправку. Через месяц из худого невзрачного кота Листик превратился в пушистого рыжего красавца. Днем он сидел на окне и ждал Дашу из школы. А ночью забирался к ней в кровать, тыкался в ухо розовым носом и сладко мурчал, навевая девочке волшебные сны.

Ким Ярушко

Не выдуманная история

Сегодня рано утром я проснулся от заливистого лая собак во дворе. Посмотрев в окно, я увидел следующую картину: несколько бродячих собак беззлобно «брехали» на какого-то человека, который слегка покачиваясь (видно уже принял на грудь) громко кричал, размахивая деревянной палкой. Он видимо, случайно зашёл на их территорию, расположенную вдали от детской площадки и подъездов.

И я подумал: «Почему люди относятся к нашим младшим братьям не как к другу, а как к собаке?»…

Кстати, по жизни отдельные личности ведут себя даже хуже собак, не замечая этого недостатка в себе.

В любой стране собаки говорят (лают) на одном языке независимо от породы, и быстро находят общий язык между собою. А у людей почему-то возникают проблемы. Почему?

Ведь надо понять главное: собака более беззащитна, но является верным другом и часто показывает нам пример верности.

Нам она нужна не только для охоты, охраны, но и для души, особенно когда человек в жизни остаётся один.

Так почему же люди так бессердечны и часто бросают верных друзей — собак на произвол судьбы?..

Шёл 1947 послевоенный год. После почти годовой оккупации родного города Миллерово, немцы, итальянцы, венгры, румыны плотно заминировали город, многие мирные жители погибали от этих «подарков» фашистов и в послевоенное время.

Своё «дошкольное» детство я провёл в хуторе у дедушки Тихонова Радиона Ивановича. Он был лесником части Фоминского леса и небольшого лесочка, основой которого была дубовая роща, притулившаяся в конце хутора.

Вокруг рыскали стаи голодных волков, наносили большой ущерб хуторянам и станичникам, делая набеги на домашних животных, по пути загрызая собак, которых становилось всё меньше.

Правда, было много и бездомных собак, которые тоже пытались собраться в группы, но волки были сильнее и сплочённее, потому сила была на их стороне.

На волков была объявлена охота, жителям разрешалось иметь ружья и одноствольные винтовки старого образца для защиты своего колхозного хозяйства. За каждого убитого волка платили небольшую сумму денег.

Однажды к Радиону Ивановичу пришёл его давний знакомый Пётр из нашего хутора, они сначала погутарили, а потом вышли во двор.

- «Радион Иванович, вот на том небольшом кургане я постоянно замечаю какого-то большого волка, который на Ваше надворье «положил глаз». Думаю надо быть готовым к принятию «гостя»». - сказал односельчанин.

Дед поблагодарил его за информацию и в уме принял какое-то решение.

На другой день, с утра, дедушка почистил ружьё, зарядил его двумя патронами крупной дробью и направился к волку, который выделялся своей мощной фигурой на фоне небольшого кургана и спокойно ждал приближающегося к нему незнакомца.

Уже издалека Радион Иванович понял, что перед ним совсем не волк, а какая-то породистая большая русская собака, которую всегда называли «волкодавом».

Опыт обращения лесника с собаками подсказывал, что такого пса, который не испугался человека с ружьём и, видимо, ему надоело охотиться одному, можно взять в семью.

Перед ним сидел настоящий «волкодав», с такими породистыми собаками ему приходилось встречаться ещё в молодости.

Бесстрашный вид, мускулистая шея, мощные челюсти и лапы устрашили бы, кого угодно, но только не бывалого охотника, каким был мой дед.

Не доходя до пса, в метрах двадцати, он положил ружьё на землю и, спокойно улыбаясь, подошёл к этому славному, красивому животному. Надо добавить, что дедушка мой владел некоторыми

приёмами Казачьего Спаса, не только в поединке с людьми (при необходимости), но и с собаками.

Когда он подошёл к волкодаву, тот слегка зарычал, насторожил уши, слегка покачивая сильной, красивой головой, вероятно, раздумывая уйти ему в степь или подружиться с этим смелым человеком.

Пёс припомнил своё возмужание, дружбу с человеком, который был его хозяином, как дрался с волками за его жизнь, как его любили. Видимо, его развитый разум пересилил все сомнения, ему надоело быть одному, - и он уже принял решение, когда дед протянул ему кусок мяса, а другой рукой погладил по холке, которая слегка дрожала от человеческой ласки.

Волкодав мгновенно, как волшебник, не затронув ладони охотника бросил в пасть подарок и своими мощными челюстями прихватил левую руку деда. Но он её не кусал, а мягко, но крепко зажав клыками руку повыше кисти, держал её, испытывая незнакомца на его дальнейшие действия.

Однако, опытный лесник и мудрый человек не стал вырываться, а просто немного посильнее погладил этого звероподобного пса между ушей, одновременно разговаривая с ним на только одному ему известному языке.

Тогда бродячая долгое время, степная собака, когда-то подчиняющаяся хозяину своему, вдруг почувствовала небывалый прилив нежности к человеку. Она отпустила челюстями его руку и лизнула языком, одновременно слегка пошевелила хвостом и несколько раз благодушно и легко пролаяла.

Дедушка, не снимая своей руки со спины собаки, ловко щёлкнул карабином за мягкий ошейник, который был у неё на шее.

По дороге к дому, охотник подобрал ружьё, забросил его за спину, вместе с новым членом семьи они вошли в надворье, где вся семья ждала их с нетерпением.

А пёс действительно был хорош: короткая, чистая с тёмными подпалами шерсть, самоуверенная голова, пропорциональная туловищу, уши посажены высоко…

Конечно, не сразу она отнеслась доброжелательно ко всем членам семьи, еду сначала принимала только от дедушки Радиона, была посажена на цепь, хотя не очень этого хотела, пыталась снять ошейник. Первое время дедушка одел на неё другой, более жёсткий ошейник, к которому собака не сразу привыкла. Зато у неё был прекрасный новый дом — будка, свободная и тёплая, защита от холода, дождя, снега.

Постепенно она привыкла ко всему, а я был один из первых её друзей, - собака безошибочно чувствовала во мне младшего, а не хозяина. Часто мы с ней боролись, своими сильными лапами собака сбивала меня с ног, часто легко покусывала, оставляя синяки на теле. Дедушка предупреждал меня, что долго играть с ней нельзя, она может войти незаметно для себя в агрессию и серьёзно укусить, не ведая, что причиняет боль.

Дед предложил сразу семье, что хочет назвать собаку «Полкан», как память об одной из тех, которых он помнил с детства и любил. С ним мы все согласились и вскоре на эту кличку наш волкодав стал отзываться.

Наступила зима, с продуктами было трудно, бабушка сама пекла хлеб, добавляя туда какие-то лечебные травы, иногда из города привозили «макуху» (скорлупа подсолнечных семечек с остатками (небольшими) зёрен). Выручал дедушка: частенько в лесу добывал то зайца, то утку, часто брал Полкана с собой, которому тоже что-то доставалась, - ведь ему надо быть всегда в боевой форме, чтобы оправдать звание волкодава.

Вскоре он показал свои способности бойца на деле. Волки зимой особенно голодные и часто в это время наведываются в гости к людям, чтобы задрать скотину, на крайний случай сторожевых собак у хуторян, которые не представляли для них проблем. У деда было небольшое хозяйство: две овцы, куры, да немолодая кобыла, выданная ему властью, как леснику.

Наша семья ощущала сложную обстановку в хуторе, - ведь и к нам волки неоднократно пытались прорваться. Услышав ночью лай Полкана, хозяин или его три сына, которым было 13-16

лет выбегали во двор с ружьём и делали один — два выстрела, - и волки уходили.

Интересно, что Радион Иванович ввёл в семье чёткую регламентацию для аналогичных случаев. Был составлен график дежурств между сыновьями, которые при лае собаки выбегали с заряженным ружьём и при необходимости стреляли в воздух. Ну, прямо как в сказках!

На ночь лесник выпускал Полкана, тот чувствовал себя на свободе, но из надворья редко уходил. В тот день дедушка приехал из леса рано, но уставший, да и лошадка притомилась. Он распряг её из саней, почистил, дал немного овса, сена и предложил всем лечь спать чуть пораньше. Мы, ребята, тоже набегались за день, целый день чистили двор от снега, - его выпало так много, что мы прокладывали тропинки во все хозяйственные пристройки, к колодезю и на улицу.

Однако, долго спать нам в тот день не пришлось.

Где-то к середине ночи раздался такой лай собак во всём хуторе, что если бы даже наш пёс не брехал, мы бы всё равно проснулись. Наш волкодав тоже яростно лаял, оглушая тихую морозную ночь злобным рычанием.

Как оказалось, волки совершали в тот день налёт на многие казачьи дворы, - они просто объявили хутору войну. В отдельных надворьях уже раздавались выстрелы, скулили собаки хуторские, видимо с нанесёнными ранами от волков.

Дедушка велел всем оставаться в доме, быстро оделся, схватил ружьё, сунул в карман несколько патронов и выбежал во двор.

Луна освещала надворье и все хозяйственные пристройки, на белом снегу были чётко видны три волка и стоящего на их пути Полкана. Они рычали и никак не решались напасть на стоящего перед ними мощного, сильного гиганта, который выставив свои смертоносные челюсти готовился на кого-то из них броситься.

Пока дед прицеливался (стоящий к нему спиной Полкан заграживал волков), волкодав бросился на самого крупного зверя и захлопнул у него на шее свои большие челюсти. Развернувшись к другому врагу, своей страшной когтистой лапой Полкан разодрал

ему нос, видимо зацепил и глаза, так как волк закрутился на месте, завывая и катаясь по снегу.

Третий волк, обескураженный непонятной для него ситуацией, всё же решился напасть и сразиться с этой грозной, впервые встречающейся им собакой, и бросился на неё сзади, чтобы добраться до шеи.

Но тут Радион Иванович спустил курок своего ружья и голова волка была пробита крупной дробью, а тело распласталось на снегу большой тёмной тенью. Битва была закончена, Полкан ещё поворчал и устало улёгся у ног хозяина. На правой стороне в его боку была небольшая рваная рана.

Видно, в порыве битвы кто-то из волчар его немного подранил.

- «Ничего, до свадьбы заживёт!» - автоматически, как человеку, по доброму успокоил его дед Радион. Мы все высыпали во двор.

Бабушка, осмотрев рану, ушла в дом и вернулась с какой-то лечебной мазью, наложила Полкану повязку и отвела его в будку.

Утром к деду пришли хуторяне и попросили его организовать общую охоту на волков, так как лучше лесника никто не знал, где кочует стая и как добраться до их логова.

Два дня казаки охотились на волков грамотно и серьёзно. Было убито семь волчьих особей, не считая дедушкину добычу, честно заработанную вместе с верным Полканом.

Все были довольны, а волки больше не осмеливались беззастенчиво наносить беды хутору.

А один казак в шутку по этому случаю сказал: «Хоть жизнь вещь не всегда понятная, да и сложная, не совсем щедрая, да и бантиком удачи не подвязана, всё равно через горе, которое мы переносили от нашествия волков, она принесла нам подарок.»

А жизнь продолжалась, быстро пролетела весна, настало лето, преобразились поля, зашумел ковыль в степи, запах разнотравья волшебно распространялся по хутору, который располагался между двумя лесами и просторами необозримых полей, курганов, степных речушек и прудов. Мы часто забываем, что жизнь даётся человеку, да и нашим младшим братьям собакам,

кошкам только один раз. И не каждый, кто уходит от нас всегда понимает это.

А ведь жизнь тогда хороша, когда мы её замечаем. Для меня то далёкое, непростое детство до сих пор снится. До сих пор я рвусь туда, в родные места, - многое изменилось, но сама земля привораживает к себе. Я думаю, что это настоящая любовь к родному краю…

Мы с дедушкой часто ездили в лес, - он выполнял свои обязанности лесника, я любовался прелестями лесной природы и с Полканом гоняли по полянам наперегонки. Однажды дед взял меня с собою на покос травы, ведь надо было чем-то кормить зимой лошадку, бурёнушку, да овец, которых спас волкодав.

Я как мог, помогал ему: вилами разгребал скошенную траву, чтобы быстрее высохла; подносил холодной водицы из ручья, да брусок для регулярной наточки косы.

Мы работали с раннего утра, ведь дедушка знал неписанное правило «Коси коса, пока роса», потому к обеду осталась нескошенной только небольшая полоска на полянке. Дед это понимал, но решил, что надобно немного перекусить «чем Бог послал», а потом закончить работу. Он планировал в этот день заглянуть в администрацию лесхоза сдать какие-то отчёты и погутарить кое с кем.

Мы расположились под берёзкой вместе с Полканом, который от предвкушения еды прыгал, лизал деда языком, весело лаял. Как только мы «покончили» с обедом, дед набросал горку скошенной травы и велел мне немного отдохнуть, пока он завершит покос.

Как только моя голова коснулась волшебной травки, видимо от усталости, я тут же «отключился», оставив своего верного пса рядом с собою. Не помню сколько я спал, но проснулся от того, что почувствовал, - Полкан тащит меня за штанину. Спросонья я не понял где я нахожусь и что здесь в лесу делаю, - так сон затуманил моё сознание. А может быть чистый воздух, душистая поляна в озонном лесу сделали своё дело.

Наш волкодав вдруг залаял, да так громко, что дедушка подбежал к нам, - ведь Полкан зря никогда не шумел. Я развернулся к своей любимой собаке и мы с дедушкой увидели не очень при-

ятную картину: рядом со мною лежала большущая змея, которой Полкан своей мощной лапой уже размозжил голову.

Дедушка молча подхватил вилы, взял змею и унёс к дикому шиповнику, закопал эту тварь в землю и вернулся к нам. Я даже не успел испугаться. Он, как настоящий мужчина меня не успокаивал, ничего не говорил, потом произнёс: «Что бы в жизни не случилось, никогда не падай духом и думай, что кому-то может быть и хуже, чем тебе.»

Мы решили никому об этом случае не рассказывать, чтобы лишний раз не расстраивать близких людей. Наша верная и преданная собака подтвердила своё бесстрашие и неведомый для других собак разум. Остальную часть обеда мы отдали ей, дед долгое время поглаживал его голову, холку, говорил добрые слова, гребешком почистил его гладкую шерсть. В ответ Полкан поднялся на задние лапы и лизнул хозяина в щёку, от чего дедушка совсем расчувствовался.

Этот благородный и героический поступок нашей собаки я оценил по-настоящему значительно позже, когда моего друга в поле укусила гадюка. Неприятностей и бед тогда было и у нас, мальчишек, и у его родителей «выше крыши».

Но в тот раз, когда мы вернулись с покоса, я отдал моему другу и телохранителю свой обед и добавил в еду несколько сырых яиц. Конечно, он заслуживал большего, теперь я это понимаю, но тогда было другое время…

Подошла незаметно осень, для меня она была началом новой жизни, - я шёл в первый класс.

Я и сейчас придерживаюсь мнения, что к ребятам моего возраста, особенно прошедших немецкую оккупацию, взросление приходит значительно раньше, чем у других. Это потом нас назовут «Дети войны».

В школе было интересно, хотя учились писать палочки — крючочки на газетах, с бумагой писчей были перебои. У меня появилась сестрёнка маленькая, родители работали, детских садов пока в городе не было, мне приходилось её няньчить.

Однажды со мною был каверзный случай: я качал сестрёнку в люльке, прикреплённой к потолку, над кроватью, было воскресенье,

мы были вдвоём. Я устал её качать и решил попробывать крепость подвесной люльки, так как она была довольно большая. Однако, крепление оборвалось, сестрёнка заплакала, а я был наказан.

И вот наступила зима и, о чудо, первые зимние каникулы, которых я очень ждал: рвался к дедушке и бабушке на хутор, соскучился по своему спасителю — Полкану. О нём я рассказывал ребятам из класса, они нашу жизнь с волкодавом мало понимали, так как в частных домах были небольшие, чаще всего беспородные собачки.

Мама посадила меня на рейсовый автобус, и вот я уже подхожу к хутору, который совсем не узнаю. До этого шёл сильный снегопад и все дома были, как одно поле. Только видны были клубы дыма, уходящие в морозный воздух от хат, в которых топились печки.

Я подошёл к дедушкиному двору, никого не было, даже собачья будка Полкана была вся в снегу. Я сел на лавочку, отряхнулся от снега, который падал большими редкими хлопьями, - мне было грустно. Я подумал, что моя любимая собака куда-то отправилась сопровождать дедушку.

Но только я встал, на плечи мои налегло что-то тяжёлое, обернувшись, я увидел, что это Полкан. Стоя на задних лапах, он положил мне передние на плечи, шутливо рыча. Я бросил сумку, которую держал в руках, мы с собакой стали бороться, падая на мягкий пушистый снег.

Удивительная и трогательная вещь — дружба человека с собакой. Ведь издавна было обязательным правило древних: «Любишь меня — люби и мою собаку». - Жаль, что в современной жизни люди забыли об этом…

Через два дня Радион Иванович отправлялся в лес на целый день с ночёвкой в его лесной избушке. Бабушка никак не хотела меня отпускать, но я её сумел уговорить.

Удивительное поведение Полкана повергло всех в недоумение: впервые он был категорически против этой поездки. Сначала он долго не выходил из своей будки, несмотря на приказы хозяина. А когда мы собрали всё необходимое для поездки и уже запрягли лошадь в сани, то он лёг на снег и громко залаял в сторону Фоминского леса.

Но дедушка был непреклонен, ведь волкодав всегда его сопровождал в таких выездах в лес. Это нужно было в первую очередь самой собаке, чтобы она чувствовала свободу, набиралась сил, привыкала к лесной жизни дикой природы.

Почему Полкан не хотел сопровождать нас, мы так и не поняли.

Сани долго колесили по лесным дорогам и тропинкам, дед что-то записывал в тетрадку, намечая план вырубки, покоса полян, отмечал рельефы местности, места, где живут лисы, волки, зайцы…

Внезапно он остановил лошадь, так как Полкан голосисто залаял, глядя на заросли дикого шиповника, на котором было много не сорванных ярко-красных ягод. Лесник — дед схватил ружьё и выстрелил в ту сторону. Группа крупных зайцев, мелькая на белом чистом снегу рванула в разные стороны, но одного дедушка всё же подстрелил.

Похвалив собаку и дав ей какое-то лакомство, он сел в сани и мы направились в сторону сторожки, дорогу к ней знал только дед.

День близился к вечеру, пора было подумать и о ночлеге. Подъезжая к озеру, на берегу которого стояла избушка, дедушка показал на столетний дуб из под корней которого много веков текла в любое время года отличная, лечебная вода. Она никогда не замерзала, потому и образовывала достаточно большое озеро, к которому добраться было чужому непросто, вокруг него были заболоченные места.

Конечно, для дичи это место было заповедное, ведь озеро замерзало только в очень сильные морозы. Правда, волки, лисы и прочее зверьё сюда наведывались частенько, это было заметно по следам на берегах озера.

Дедушка распряг лошадь, затопил печку, пока мы с любимой собакой прогуливались возле избушки. Однако, Полкан, что-то предчувствуя, вёл себя не очень весело, не как всегда.

Небо потемнело, посыпал небольшой снежок, подступали вечерние сумерки. Ужин уже был готов и мы покушали свежую, сочную похлёбку, а потом и сваренного зайца.

Волкодав никогда в дом не входил и ждал у дверей, когда покормят его. Кусочками зайчатины и костью сырой и варёной, что осталась от зайца, он был в полне доволен.

Кстати, Радион Иванович замечал часто, что Полкан иногда по ночам куда-то исчезал, к утру появлялся сытый и довольный, но иногда с мелкими ранами и царапинами.

Наш верный боевой пёс был отпущен на ночь в «свободную охоту», а мы с хозяином леса легли спать, вскоре послышался привычный мне нежный храп деда. Заснул и я.

Мы проснулись среди ночи от громких звуков дерущихся животных, среди которых выделялся злобный лай нашей собаки, визги и рычание волков. Дедушка быстро оделся, схватил ружьё и патроны, выбежал из избушки. Я тоже вышел за порог и увидел деда, который вглядывался в даль озера, оно не замерзло, но было как бы в белом тумане.

Дедушка дважды выстрелил, шум борьбы переселился в глубину леса.

- «Если Полкан жив, он обязательно вернётся домой» - сказал он и мы зашли в избушку. Конечно нам было уже не до сна.

Утром Полкан не вернулся, дед запряг лошадь и мы направились в хутор. По дороге он был сумрачен, расстроен, что не послушал своего верного пса. Ведь он предчувствовал какую-то беду, потому не хотел этого выезда в лес. Дедушка вспомнил случай, когда перед дождём, бурей и другими природными катаклизмами, наша умная собака вела себя по особенному: скулила, часто забегала в будку, лаяла на хозяина…

Прошёл ещё день, однако наш любимый волкодав так и не появился. Тогда дедушка одел охотничьи широкие лыжи, взял ружьё с запасом патронов и отправился на поиски друга.

К вечеру Радион Иванович вернулся уставший, расстроенный и поведал нам историю пропавшего Полкана.

В ту ночь, когда мы были в сторожке лесника, наш пёс отправился вокруг озера погонять уток, по возможности и поохотиться. По пути он встретил двух волков, которые делили пойманного ими

большого зайца. Полкан, не раздумывая, сразу бросился на одного из них, перекусив ему горло. С другим волком завязалась нешуточная борьба, в результате которой пострадали оба зверя. Однако, матёрый волк не стал дожидаться конца схватки и стал убегать по направлению к своей стае. Его уловка удалась, стая уже была готова к приёму своего сородича и собаки.

Там и произошла схватка, которая была трагической для Полкана. Он задушил двух волков, но получил много ранений, лапы были повреждены.

Однако, волки почему-то не стали добивать своего врага, издали наблюдали за ним. Когда дедушка на лыжах подъехал к месту боя Волкодава с волками, Полкан был ещё жив. Почему волки не добили его, так и осталось загадкой.

Выстрелами из ружья дед разогнал волков (он не стал их убивать, хотя патронов было в достатке) и подошёл к Полкану, взял его голову, погладил. Из глаз собаки текли слёзы, - это были слёзы радости встречи с близким и любимым человеком.

Суровый, но добрый охотник тоже не выдержал, смахнул слезу. Ему показалось, что этим взглядом собака говорила ему: «Мы оба дети, одной матери — природы. Мы понимаем друг друга без слов, я уверен, что и ты понимаешь меня. Мы — братья, в нашей семье, в мире, я младший. Если бы я снова смог оберегать тебя и твою семью, вы никогда бы не знали опасности. Мы никогда с тобою больше не встретимся. Прощай!»

Хозяин леса и верной собаки взял её на руки, отнёс поближе к ручью, завернул в накидку, вырыл небольшую ямку и похоронил Полкана, как человека.

Мы все будем держать на том свете ответ за свои поступки неправедные, совершаемые в миру. А может быть спросят нас, как грех большой, за брошенную собаку, которая на земле верна была, приносила радость, счастье, душевное спокойствие и удачу?

А может мы встретимся там со своими любимцами и будем рады друг другу, потому что любили и дружили с ними на земле?

Подумайте об этом, люди...

Алексей Мильков

Мы крысам не даем плодиться

(отрывок из романа “Как, вы ещё в своем теле”)

Всё больше землян понимают, что обмен органами – это уже тупик. На планете Мингала реализуется идея обменов телами. Туда с приобретением опыта направляется Дмитрий Сорокопятов, 25-ти лет, врач.

Императрица Мингалы Госден и Дмитрий подошли к одному из лифтов, который опустил их вниз, а эскалатор перенес в другую часть подвала.

– Ваше Величество, куда и зачем? – спросил он.

– Сначала хочу показать вам свою лабораторию.

– Лабораторию? – удивленно спросил Дмитрий.

Госден рассмеялась и ничего не ответила.

– Прошу! – сказала она, указывая рукой на тяжелую герметичную дверь. Она подняла глаза, и он заглянул в них. Они напомнили Дмитрию рассеянную в чёрном мраке светлую галактику, через одну из которых он в последний раз пронесся.

– Вот тут я работаю, – пояснила она, отпирая внутренний замок и распахивая дверь. Они вошли в крысятник, иначе помещение по-другому не назовешь. В несколько ярусов протянулись клетки с крысами. Здесь были и чёрные, и белые, и даже розовые, зеленые, синие крысы, различающиеся также разной степенью форм, размеров, шерстистости и усатости, в том числе совершенно голые. Все с какими-то самодовольными мордочками.

Госден облачилась в рабочий светло-голубой халат, в колпак, закрывающий волосы. Крысы, завидев её, дружелюбно задвигали хвостами, и Дмитрию даже показалось, активно кивали ей головами, когда она обходила длинные ряды клеток.

Императрица приветствовала крыс как родных:

– Привет, привет, дорогие мои! Добрый день! Да-а, добрый день, как ваши дела, мои любимчики, мои красавчики, какие проблемы?

– Чем вы занимаетесь в этой лаборатории? – с любопытством спросил Дмитрий.

– Я ухожу сюда, когда нужно остаться одной, чтобы встретиться с моими друзьями, – ответила императрица. – Дмитрий, вы только посмотрите – это же настоящие произведения искусства. В мире нет животных, красивее и интеллигентнее крыс.

Дмитрий с интересом разглядывал их, вызывающих омерзительность, все крысы были похожи друг на друга: темно-коричневого или серо-грязного с пятнами цвета, или розового и другого оттенка, но у всех бусинками сияли выразительные золотистые глаза.

Госден предвосхитила его отвращение.

– На самом деле крысы очень симпатичные хвостатые животные. Кто бы видел – едят они, как мы, и морковку берут в маленькие ручки, как мы. Только незначительное отличие – ручки у них с четырьмя пальчиками.

Лицо Дмитрия вытянулось в недоумении.

– Не вижу крысоловок!

Императрица тут же осадила его, предупредив:

– Внимание! Не советую быть с ними жестокими. На Мингале запрещается бить крыс бейсбольными битами, как у вас на Земле, под угрозой штрафа в тысячу мингалей.

Он был удивлен драконовским законом, но больше его занимал вопрос:

– Где вы взяли столько крыс?

– Большая часть этой коллекции, – Госден обвела рукой лабораторию, – была передана мне Вирусным фондом. А теперь я расширяю её. Люди, зная мою страсть, постоянно присылают пойманных на городских мостовых, в подвалах, чердаках, коллекторах, санузлах. Первое время они жили у меня в обувных коробках.

– Кто финансирует лабораторию?

– Я сама финансирую этот проект. Мы не то что подружились, но заключили подобие мирного договора: они радуют меня, я – их.

– Ну и злые морды у этих!

– Совсем не так! Эти зубастые, неуклюже передвигающиеся на двух задних лапах и при этом опирающиеся на длинные шипастые хвосты, на самом деле самые добродушные существа. Хотите обняться с ними?

– Нет уж! Вы сами! – Дмитрия чуть не взяла кондрашка. – А белые крысы откуда? – перевел он разговор.

– В крысах-альбиносах я уважаю длинные хвосты, рубиновые глаза навыкате и белые мундиры. Эти экземпляры из Южной провинции, а те – северные.

– А черные?

– Я сама ходила в экспедиции и отлавливала их, где только можно. – Тощая фигура Госден переместилась к противоположной стороне. – А эти красавцы из восточных областей. А эти с виду самые отвратительные – вентиляционные, а огромные – канализационные. Эти поджарые особи из пустыни…

Дмитрий был сбит с толку.

– Пустыня? Но крысы не живут в раскаленном песке, они живут в лучшем случае в воде.

– Плохо о них думаете. Они осваивают безжизненные пространства лучше людей, к тому же крысы очень быстро поддаются мутациям. Такие иногда попадаются особи, вы не поверите! С кошку. Или без шерсти совсем. Лысые. Рано или поздно крысы вытеснят людей с планеты и захватят мировое господство…

– В лучшем случае отъедят нам носы и уши! – Дмитрий не поверил и посмотрел в загадочные зеленые глаза Госден.

– Я верю, что они знают, что такое этика и дипломатия в отношении с людьми! – Госден была неподражаема в своей непосредственности.

И Дмитрий с иронией сказал:

– Милсдарыня, чтобы наслаждаться их видом, достаточно иметь всего несколько штук, да и то будет многовато.

– Они здесь не для этого.

– А на большее они бесполезны.

Она сердито прикусила губу.

– Вы это зря! В научных целях мы вынуждаем их заниматься обменом телами.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Дмитрий. – У вас здесь не лаборатория, чтобы наблюдать за жизнью крыс, а виварий для использования их в экспериментах.

– Да, да, признаюсь, эта необычная коллекция переросла в лабораторию, а потом в виварий! – сказала императрица.

– Почему именно крысы?

– А кто же, если взять во внимание, что крысы самые загадочные, самые умные, наблюдательные, обладающие абстрактным мышлением, я бы сказала – разумные существа. Ложь, что они злые и мстительные животные. Это одно из глубоких заблуждений. Они кусают лишь в случае крайней опасности и когда голодные…

Дмитрий добавил:

– Когда их лишают половых партнеров, когда нарушают их ареал, когда…

– Неправда, – в свою очередь перебила императрица, – крысы – нежные, добрые, беззащитные, ласковые животные. Я вообще не понимаю, как можно их обидеть. Одновременно проверяется теория, что люди, возможно, произошли какой-то ветвью от них, доказательством служит то, что крысы общественные животные. Они создают семейные группы, и, если кто-то решит потревожить хотя бы ее члена, все остальные приходят к нему на помощь и встают на защиту.

– Ну и как успехи у ваших подопечных?

– Как ни странно, в отличие от людей, с ними хлопот меньше. Люди – высокоинтеллектуальные существа, но беспокойные. Человека можно организовать, убедить, увлечь оригинальной идеей, и он всё поставит на карту во имя её достижения, отказывая себе во всем, но результат, тем не менее, может оказаться отрицательным, и люди ломают себе руки от горя, от недостижимости задуманного. А эти красавцы не тщатся, не дергаются, не суетятся, без комплексов, ближе к природе. Единственная проблема – ощущают сильное половое влечение, приходится им притормаживать функцию, толкая к строго определенной безбрачной цели.

– А это зачем?

– Слишком много секса с их стороны ещё в ранней стадии жизни задерживает их целенаправленное развитие и отвлекает от обмена телами?

– С человеком происходит то же самое, – сказал Дмитрий.

– По существу природа сама учится у себя, – подтвердила Госден.

– Хотите сказать, что если подавить половое развитие крыс, то само собой им не останется ничего другого, как только обмениваться телами.

– Воистину, Дмитрий, вы правы. Ещё мы прививаем им рассеянный склероз. Ни о чём не подозревающие крысы получают этот недуг путем искусственного нарушения иммунитета. Сначала их заражают, а потом выводят на нужный уровень, меняя дозировки препаратов, отрабатывая новые приемы и методики.

– А рассеянный склероз зачем?

– Новое в методологии и парадигмы полового влечения. Вытравливание памяти – одна из прогрессивных методик. Человечеству бы не помешало в некоторых случаях кое-что перенять отсюда. Даже целиком вооружиться.

Большая рыжевато-коричневая крыса уставилась на Дмитрия прямо человеческими глазами с томным взглядом.

– Самкам отказано в материнстве, а самцам в отцовстве? – спросил он. – Благополучие они находят в том, что не хотят заводить семьи, предпочтя обмен телами?

– Взгляд в корень. Игры в обмен телами заменили им любовные приставания.

– Ну-у… – задумался Дмитрий. – А не лучше их предварительно кастрировать и стерилизовать?

– Нет, если кастрировать и стерилизовать по всем правилам, во-первых, они будут значительно мельче, то вдруг неожиданно будут становиться крупнее, малоподвижными, чего нежелательно. Также это приводит к их ожирению и облысению. Во-вторых, крысы в это время меняют характеры, и становятся флегматичными и

упрямыми. Когда исчезают бодрость и живость, замечается склонность к депрессивным состояниям и меланхолии. В-третьих, у них начинается апатия ко всему и уменьшаются мотивации к жизни. Ваша точка зрения, Дмитрий, имеет право на жизнь, но я сделала вывод о невозможности этих процедур. Я склоняюсь к тому, что приближенность к естественным природным условиям всё же лучше, и надо это использовать, чем искать хирургические побочные пути, потому что отправная идея должна быть иная. Вот я и ищу лучшие варианты, но не отказываюсь от прочих предложений.

– Милсдарыня, по каким признакам вы определяете, что произошел обмен телами?

– Как я обозначила, мы крысам не даем плодиться, чтобы они не передавали свои признаки естественным половым путем, но они, тем не менее, меняются цветом и формами. У каждой крысы своё спальное место, и вдруг обнаруживается, что белая крыса спит на месте чёрной, а чёрная – на месте белой. Человек ведь ни с того ни с сего не спит в чужой постели, а животные – тем более. Каждый случай модификации фиксируется нашими лаборантами в журнале. Трансформируются характеры. Это говорит о том, факт налицо, что крысам ничего человеческое не чуждо.

Проходя мимо очередной клетки, Дмитрий спросил:

– Но зачем крысам обмен телами?

– Это в очередной раз доказывает их феноменальность. Все рекорды принадлежат им. Для них не существует преград. Приспособляемость в природе – их конек. Уникумы могут проскакивать сквозь отверстие размером с монету. Мы создаем им идеальные условия, задаем направление. Чем лучше условия, тем больше предпосылок для нормального вектора. Мы их, можно сказать, провоцируем на множественность нужных нам решений. Крысы стадные животные с большим индивидуализмом. Разрывать родовые связи и затем соединять их в нужном сочетании – вот наша задача. Своего рода выработка в их мозгу доминанты “зажглась лампочка – слюна потекла – извольте заняться обменом телами”.

– Милсдарыня, оказывается, до сих пор я плохо знал крыс, – признался Дмитрий.

– Результаты повторных серий опытов подтверждают наши первоначальные выводы.

– Вот теперь я точно уверен, что крысам надо ставить памятники, как собакам и коровам.

– От благодарной Мингалы и всего человечества! – поддержала идею Госден.

– Но ради чего всё это?

– Здоровье – это сила, жизнеутверждение и оптимизм. Нечто большее, чем просто отсутствие болезни. Оптимальный обмен телами ещё не означает однозначно, что вы достигнете так сразу бессмертия или обретете вечное счастье. Скорее всего, вы их даже не заметите, как мы не замечаем здоровье, пока оно у нас есть. Обмен телами – это лишь способ противостоять стрессам и дисфункциям без серьезных нарушений со стороны, например, кровяного давления или пищеварения, или других жизненных процессов.

– Это не причуда – обмен телами?

– Как можно так думать! – воскликнула Госден.

– Какая-нибудь посудомойка желает его больше, чем жена императора? – съязвил Дмитрий, но императрица ответила сдержанно:

– Любая женщина, как ни странно, ведет себя как принцесса, а инстинкты реализует, как простая колхозница. Я твердо убеждена, что человек, будь он прачка или император, всегда жаждет обмена телами. Это его потребность, естественное состояние души.

– Очень интересно! Это ваша оригинальная трактовка теории?

– Вовсе нет! Общепринятая. Всё, чего хочет добиться человек, это своё совершенство. Творец, безусловно, дал тело человеку. Это великий дар. Но он не дал власти над телом. Самое замечательное, и вы, земляне, и мы на этой планете сегодня знаем, как достичь этой власти, в любое время, когда захотим.

– Насколько я знаю, власть – это победа над чужими мыслями, над своими страхами.

– Конечно, если в наших мыслях присутствует страх, мы чувствуем дискомфорт и ощущаем себя мелкой тварью.

– Этот дискомфорт толкает всё живое к обмену телами?

– Конечно, даже крысы не хотят быть ею!

Госден показала на кипу лабораторных журналов, произнеся:

– Дмитрий, эта идея проскальзывает ещё у Довестона, нашего Гиппократа, но дальше мысли в то время она не продвинулась. Все главным образом вспоминают предупреждение – “не напакости”. Если ваше от Гиппократа “не навреди” двинуло медицинскую науку вперед, то наше от Довестона “не напакости” в свое время отбросило её далеко назад. И только сейчас…

– Что сейчас?

– Дмитрий, промедление смерти подобно! Тогда человеческое сознание не постигло его подлинного смысла. Мы нагоняем упущенное время.

– Теперь вижу, результат вашей деятельности налицо. Я бы сказал, что это успехи и достижения! – подтвердил Дмитрий.

Госден потянула его за руку.

– И настало время, что сегодня можно в полной мере восхищаться жизнью вокруг нас и нами самими, благодаря обмену телами... и крысам, – добавила она.

– Куда мы идем? – спросил он.

– В мои покои, в восточную башню.

Галина Хабибуллина

Кьяра, отзовись!

- Бабуля! – окликнул меня муж с кухни.

- Посмотри, внуки приехали!

Костя и Марина вытаскивали из багажника машины тяжёлые сумки, пакеты – это одежда для дачи, и конечно, угощение и подарки для нас с дедом. А внук и внучка уже бежали к двери в парадную дома. Впереди них мчалась Кьяра. Стоило только на звонок открыть дверь в квартиру, живём мы на первом этаже, как Кьяра, опередив ребят, как всегда, когда они приезжают, идёт ко мне на задних лапках, подогнув передние - для приветствия.

Кьяра – это Перуанская борзая. У неё гладкая короткая шерстка, коричневый окрас, блестящие карие глаза, обрамлённые чёрными ресницами. Все части небольшого тела будто выточены искусным скульптором.

Я слегка пожала протянутую ею лапку, погладила головку и спинку. Довольная, всеобщая любимица семьи побежала на кухню, где в мисочке, как обычно, её ждали кусочки пережаренного мяса. Конечно, это не шашлык, который потом на даче будет готовить «папа Костя, но всё равно очень вкусная еда. Насытившись, Кьяра побежала здороваться с дедушкой Марсом, села возле него на диван, потом перебралась на колени и прижалась головой к его телу, требуя ласки. Позднее она явно с интересом наблюдала, сидя на диванчике у кухонного стола за тем, как ужинали дорогие её сердцу добрые люди. Как всегда она, свернувшись калачиком, заснула поверх одеяла в ногах у «папы» Кости.

Рано утром Кьяра направилась с ним на прогулку вокруг дома, а потом в небольшой скверик, он буквально за домом. Здесь можно порезвиться, поноситься вокруг качелей, горки, скамеечек и прочего инвентаря – в сквере находится дворовая детская площадка. В эту пору кроме птичек, потревоженных её появлением, никого нет. Дышится легко, потому что вокруг площадки берёзы и сосны, тянет прохладой с недалёкой Ладоги и Вуоксы.

На другой день, после завтрака сын и невестка отправились в магазины за стройматериалами, Кьяра и дети остались дома. Как

только за ними закрылась дверь, Кьяра стремглав кинулась к окну и стоя на диванчике, опираясь передними лапками о спинку его, наблюдала, как они садились в машину. И пока они отсутствовали, она в ожидании их несколько раз занимала это положение, потом радостным повизгиванием встретила их на пороге.

К обеду дома стало тихо – уехали на дачу. Уже темнело, когда шумная компания вернулась домой. Ларго и Онежка наперебой рассказывали:

- Бабуля, дедуля! Представляете, мы купались на Круглом озере. Красота! Вода ещё тёплая! Кьяра за нами в воду забежала, так смешно лапками перебирала, - говорит Онежка.

- Она только у самого берега купалась, - уточняет Ларго. Потом мы с нею бегали по мокрому песку и недалёкой лужайке. Это она дома, лежит, отдыхает или спит, а на природе носится, играет вместе с нами. Как нам здесь нравится!

Ларго – это имя оберег, а вообще-то внука Владиком зовут. У внучки имя оберег – Онежа, а зовут её Влада.

Во время разговора Кьяра вертелась рядом, смотрела на нас умными, всё понимающими глазами.

- Подумать только, - сказала я, - Она всё понимает, только сказать не может.

- Ужинать будете?

- Н-е-е – т! – ответила Марина. – Костя шашлыками накормил, мы и вам оставили, попробуйте – «пальчики оближешь»! – Мы ещё в лес ходили, это вам брусника и грибочки. Дети тоже собирали с Кьярой конечно, - улыбается Марина.

Как всегда, ближе к ночи, сын идёт с собачкой на прогулку, а по возвращении, моет ей лапки и сушит их её личным полотенцем. Кьяра всегда аккуратная, от неё никогда не исходит неприятного запаха.

В воскресенье с утра прошёл небольшой дождь, на дачу не поехали, решили прогуляться по городу. Кьяра бежала рядом с «мамой» Мариной, не отставая ни на шаг. Очень дисциплинированная собачка.

Приозерск в последнее время похорошел, много цветов. Улицы оделись в ограды. Благоустройство началось и на дворовых территориях. Но главным украшением города стал многоструйный фонтан. Вокруг него подвесные цветочные клумбы, стоят липы, берёзы и небольшие пушистые ёлочки. На скамейках сидят родители детей, резвящихся у фонтана. Все любуются им. Много гуляет молодёжи. Райский уголок, да и только! Фонтан установлен в центральном сквере. Ещё несколько шагов и городская детская площадка. Налюбовавшись фонтаном, вышли на неё. Ребята поразвлеклись здесь и даже Кьяру на качелях покачали. Она рассматривала играющих под присмотром родителей детей. Смотрела на всё спокойно, не лаяла, как другие собачки, что тоже были здесь со своими хозяевами.

Вошли в сквер, граничащий с центральным, который носит название «Петровский». Среди вековых лип скульптура «Маугли и Багира». Всей семьёй долго фотографировались возле неё. А собачку посадили верхом на Багиру – снимок получился изумительный.

Радостные, возбуждённые вернулись домой.

Ближе к вечеру гости стали собираться домой к отъезду. Кьяра встрепенулась, появлялась то в одной, то в другой комнате, следила за сборами. Видимо представляла, как займёт своё место в машине и будет разглядывать дорогу, пролегающую между сосен и берёз, машины и людей в них, мост через Вуоксу и многое другое, что встретится на пути.

В этот день сын и его семья решили по пути зайти в крепость «Корела», где ежегодно в День города проводятся рыцарские турниры. На него съезжаются любители старины со всей страны. Вся территория крепости была полна зрителей. Первое, что бросалось в глаза – это гости в рыцарских доспехах - воины русские и их « противники», а также сопровождающие их лица в старинных нарядах. В импровизированных палатках продавали шкуры животных, изделия из кожи, мечи, ножи и прочие изделия старины. Наши путешественники уже прошли мимо палаток. Кьяра бежала со-

всем рядом с Мариной. Всё было вокруг увлекательно, интересно, празднично. И вдруг Кьяра исчезла…Спохватившись родители и дети стали звать её:

- Кьяра! Кьяра! Мы здесь, отзовись!

Но её не было видно. Где же она? Возможно из-за множества людей, бряцанья оружия, музыки, песен, она не услышала их. Что-то собачку отвлекло, и она куда-то убежала.

Только теперь Костя и Марина поняли, что без поводка с собачкой из дома выходить нельзя. Но Кьяре семь лет, и за это время ничего подобного не случалось. Обратились к ведущему представления. Он несколько раз объявлял по микрофону о пропаже собачки, называл её приметы – никто не видел. Часа два металась семья по всем закоулкам музея – крепости, безрезультатно. Дети устали, плакали, надо было ехать домой. До Петербурга дорога не близкая, да ещё в сумерках. Вернулись к нам. Дедушка Марс распечатал объявление с фотографией Кьяры, указав телефон по которому звонить, если кто увидит её. Ребята расклеили их по городу и уже в десять часов вечера в отчаянии, слабо надеясь, что Кьяра найдётся, отправились в Петербург. В понедельник утром надо было быть на работе, Онежку отвезти в садик. Дочь Ирина, она живёт недалеко от крепости, «на болоте», так называется этот район города, обращаясь к приозерцам, это объявление поместила в соцсетях. Потом долго ходила по ближайшим улицам и звала собачку, но на её голос она не откликалась. Расстроенная вернулась домой и не могла уснуть. А ребята приехали домой и около часа ночи уложили детей спать.

Терзала мысль, как теперь жить без своего маленького друга. Хорошо ещё, думали они, что собачку найдёт кто-то, и она окажется в добрых руках. А вдруг с нею случится что- то ужасное?! Они представили, что чувствует потерявшаяся Кьяра. Марина плакала, а Костя пил таблетки, но они не помогали.

И вдруг на экране смартфона появилось сообщение – жительница Приозерска приехала из Санкт- Петербурга последним автобусом в двенадцать часов ночи, вышла на остановке у магазина

«Магнит», напротив «Вимоса» и автостоянки, где они перед походом в крепость оставляли машину. Женщина сообщила, что видела собачку по их описанию, которая металась, в этом месте, бегая через дорогу и обратно. Поблагодарив женщину, они поспешили в Приозерск.

Когда приехали, шёл мелкий дождь, было зябко.

- Кьяра! Кьяра! Отзовись! – кричали они, бегая в пределах автобусной остановки и стоянки машин. Съездили к музею - крепости, спросили у охранника – нет он не видел собачки. Вернулись на стоянку передохнуть немного, согреться под одеялом, которое всегда было в багажнике, и вдруг метрах в пяти шести увидели пропавшую.

- Кьяра! Кьяра! – радостно закричали они, выскакивая из машины, а она стояла на месте, не бежала к ним. Мокрая от дождя, обиженная стояла и дрожала всем своим маленьким телом. Костя кинулся к ней, схватил на руки и понёс к машине. Было начало четвёртого утра. Позвонили Ире, она не спала.

- Давайте ко мне! Обогреетесь хотя бы! – радостно ответила она.

И вот они уже в её квартире. Кьяру обсушили, накормили, но она была всё ещё в обиде – не отвечала на ласки. После горячего кофе с пирожками отправились в дорогу. Дети ещё спали, когда они вернулись домой. Сколько же было радости, когда проснувшись, увидели свою любимую подружку. Собачка успокоилась, и ласки не отвергала…

Прошёл год. Кьяра всё такая же нежная, добрая, но очень боится, когда её на немного оставляют дома, отправляясь по делам.. Она пытается выскользнуть за ними в двери, её возвращают. Если они гостят у нас, она бежит к кухонному окну, из него хорошо видна их машина, и замирает в обычной своей позе, ожидая своих друзей…

Фрося и Большой – добрый Человек

Старушка нагнулась и подняла с земли маленького котёнка.

- Смотрю, ты никуда не уходишь, откуда ты? Ты пришёл ко мне? Что же мне делать, я не смогу тебя вырастить. Доживаем каждый свой век с котом Казиком. Видишь, развалился на солнышке, косточки греет. Мышей не ловит, всё больше спит. А ты – красавица!

Она погладила белую, как снег, шёрстку котёнка. На мордочке чёрные пятнышки, как веснушки у ребёнка. На хвостике тоже были такие же пятнышки.

- Знаешь что, - сказала старушка, отнесу – ка я тебя к Большому Доброму человеку, он недалеко здесь живёт. Он человеческий доктор, понимаешь?

Большой – Добрый человек был в отпуске, отдыхал у себя на даче. Вышел на крыльцо, вдохнул свежего воздуха и вдруг увидел на нижней ступеньке прехорошенького котёнка. Взял его в свою широкую ладонь, улыбнулся и сказал:

- А ты, оказывается, девочка. Ну что ж назовём тебя Фрося, Ефросинья – это красиво.

Он вошёл с Фросей в дом, налил в блюдце молока и молча, наблюдал, как та аккуратно, не уронив ни капли на пол, дочиста очистила посуду. С первого дня знакомства Большого – Доброго человека, а звали его Сергей, и Фроси, они стали неразлучными друзьями. Красавица Фрося теперь была не просто кошечкой, она превратилась в матроса. Сергей служил доктором на рефрижераторном судне. Так что наша морячка путешествовала многие месяцы со своим другом. Видела она «Страну восходящего солнца – Японию, «Страну поднебесного царства» - Китай, Корею. Не говоря уже о северных портах нашей страны. Фрося выросла, и стоически переносила все длительные морские переходы, бесконечные качки. Однажды в Баренцевом море судно, на котором она путешествовала со своим Большим - Добрым человеком, попало в сильнейший шторм. Огромные волны то поднимали, то опускали корабль, раскачи-

вали его, бросали так, что члены команды наставили себе синяков. Фросю тоже швыряло в каюте от переборки к стенке и обратно, но она изо всех сил цеплялась за всё, что могла, и даже не мяукала от страха. Она была храбрая кошка. У неё был настоящий друг – человеческий доктор, она любила его, и он в ней души не чаял.

Время шло, изменилась обстановка. Сергей стал работать на земле, в большом городе. Но тяга к морю, к кораблю осталась. Он купил старое ржавое рыболовецкое судно, отремонтировал его, сделал каюты, и оно превратилось в прогулочный корабль. Теперь, когда в свободные от работы дни он с семьёй или друзьями отправлялся на прогулку в Кронштадт, то Фрося сидела на носу корабля и гордо смотрела вперёд. Она чувствовала себя здесь хозяйкой. Корабль стоял у пирса. Когда Сергей красил или что – либо чинил на судне, к нему прилетал Ворон, постепенно он стал ручным. Сергей разговаривал с ним и называл «маленьким человечком», ему казалось, что ворон понимает человеческую речь и вот – вот сам заговорит. В такие минуты общения её друга с чужаком Фрося страшно сердилась, уходила в сторону, шипела, либо подпрыгивала, стараясь ухватить соперника, но не получалось. От этого она ещё больше сердилась. Ворон улетал, тогда Фрося просилась на руки к другу и удовлетворённо мурлыкала. Ну как можно было не любить Большого – доброго человека…

У Фроси два раза в год появлялись котята. Сергей до месяца подкармливал их, а потом шёл в метро и дарил их людям. Всех до единого.

Прошло восемь лет. Человеческий доктор поехал полечиться в санаторий. В гараж, где у него стояла машина, он поставил кресло, где Фрося должна была спать во время его отсутствия. Просверлил дырку в стене, чтобы кошка в любое время могла выйти или зайти в гараж. Попросил хозяина соседнего гаража подкармливать его любимицу. Хотя она была самостоятельной кошкой: ловила мышей и птичек.

Фрося скучала. Большой – Добрый человек долго не появлялся. Она стала волноваться, ведь это был её друг, самый лучший на

свете друг. Кошка стала искать его. Пошла на пирс, но на корабле его не было.

Она смотрела на людей, которые возились у своих лодок, катеров, как будто ждала, что среди них окажется он, как всегда крикнет: «Фроська!», и она кинется к нему, он возьмёт её на руки, а она лизнёт его в щёки. Но друг не приходил.

Люди подкармливали её, а она боялась уйти с пирса, боялась пропустить момент, когда он придёт. Фрося похудела, у неё снова должны были появиться котятки. Но случилось самое страшное: Большой – Добрый человек умер. Слишком тяжёлая болезнь оказалась у её друга. Мама Сергея вместе с внуком долго искали Фросю.

- Вы не видели беленькую кошечку с пятнышками на мордочке и на хвосте?

- Нет. Нет. Нет.

Когда, потеряв всякую надежду, они на всякий случай зашли на пирс, может она у корабля? Да, она была там.

Мама Сергея взяла Фросю на руки, прижала её к груди.

- Ты теперь – живая память о моём сыночке, ты будешь со мной, Фросюшка!

Она привезла её в свой посёлок. Скоро появилось шесть котят. Трое из них беленькие, как мама, двое разноцветные, а один серенький. Они такие хорошенькие, миленькие. Фрося лежит в большой коробке, а котята борются друг с другом, чтобы побольше попить маминого молочка…

Я спросила маму Сергея:

- Что ты теперь будешь делать? Фрося у тебя четвёртая…

- Она будет со мной, как и те трое. Мы продолжим традицию сына. Когда котятам будет месяц, дочь Оксана пойдёт в метро и подарит Большим – Добрым людям деток Фроси на счастье…

Прошло несколько лет… Когда я приезжаю в посёлок погостить к друзьям, то у многих из них встречаю наследников Фросюшки – котиков и кошечек с беленькой шерсткой и чёрными пятнышками но мордочке и хвосте. И так тепло становится на душе…

Лада Карицкая

Спаситель

Её взрослые дети давно перебрались в город, поэтому старушка часто оставалась одна. Дом стоял на окраине деревни, так что даже дачники, коих немало в последние годы появилось в тех местах, её не беспокоили. Добирались до своих участков другими тропами. Лес почти упирался в огород, заросший лебедой да дикой мятой, так как участок давно не возделывался.

- Мешок картошки я тебе и так из города привезу, чего даром спину на огороде гнуть, - говорил сын, и ей нечего было возразить на это. Действительно, земле тоже отдыхать нужно. Она кормила семью в трудные годы.

Со скукой было сложнее. Особенно когда начиналась унылая пора: осенняя слякоть с темнотой и разбухшими от дождей дорогами. Одно спасение – телевизор. Да разве что соседка иной раз напомнит о своем существовании. Однажды та обмолвилась:

- Сука ощенилась, а щенков топить придётся. Не возьмёшь ли одного для охраны двора?

Старушка хотела возразить, что красть у неё все равно нечего, окромя старого ушата да пары еще не прохудившихся кастрюль, но щенка пожалела. Да и соседке греха меньше. Всё ж души живые… Так поселился во дворе рыжий лопоухий щенок, превратившийся со временем в добродушного пса, которого она назвала Жулем.

Чёрный кот появился таинственным образом. Хозяйка просто услышала писк, который раздавался откуда-то из-под забора. Первым к издающему звуки объекту бросился Жуль. И застыл, как вкопанный, у куска мешковины, в который кто-то завернул малыша. На него смотрел едва открывший глазки, чёрный как уголь, котёнок, с белым пятнышком на правом ухе.

- Ну вот и нашёл ты себе компанию, - заметила старушка, развернув мешковину. - А тощий! В чём только душа держится? Кормить-то тебя чем? Хоть корову заводи!

Чернявый головастик вырос в красивого кота, чью кличку пришлось трансформировать: Мурка оказалась Муром.

- Это даже к лучшему, - сказала соседке старушка. – Не придётся котят топить. Так и состарятся вместе с Жулем.

С собакой кот, как ни странно, подружился. Во всяком случае выражение «как кошка с собакой» при виде их просто не приходило никому в голову. Плутоватый Мур, стоило Жулю зазеваться, легко умел утащить из собачьей миски какую-нибудь вкусняху. Мог воспользоваться и проверенным способом: подойти к столу и, встав на задние лапы, пошарить по столешнице в надежде закогтить что-нибудь съедобное или же просто выклянчить у хозяйки лакомство. Кошачьи просьбы никогда не оставались без ответа. Особенно по душе и хозяйке, и её гостям был такой трюк: мощным хвостом Мур опрокидывал тяжёлую деревянную табуретку. Как Жуль защищал двор от незваных гостей, так Мур – территорию, которую считал своей, от мышей, до его появления чувствовавших себя вольготно во дворе да в сарае. И трудно было сказать, кого больше любит хозяйка: кота или собаку.

В тот злополучный день старушка задержалась у соседки. Вернувшись домой, увидела, что кот воспользовался оплошностью хозяйки: он сидел на столе и ел грибы, собранные ею в лесу после затяжного дождя. Сковородку, сняв с огня, хозяйка оставила на столе, забыв почему-то накрыть крышкой приготовленное на ужин рагу.

- Да что ж я, не кормлю тебя, что ли? – не на шутку разозлилась хозяйка, оглядевшись в поисках веника.

Мур чёрной молнией метнулся под стол, подальше от расправы, и, пока она выливала остатки в собачью миску (не доедать же после кота!), выскользнул за дверь и скрылся во дворе.

Утром хозяйка обнаружила Жуля лежащим у двери. Схватив ещё живого пса, старушка рванула на первом же автобусе в райцентр к ветеринару. Тот поинтересовался, что ела собака.

- Грибы? Благодарите судьбу, что остались без ужина, - сказал звериный доктор. – Он мог стать для вас последним.

Жуль умер к вечеру того же дня, несмотря на данное ветеринаром лекарство. А Мур так больше и не появился. Животных с тех пор старушка заводить боится. На все предложения сына привезти ей щенка или котёнка отвечает отказом. Жалко ей тварей безгрешных.

Кузьма Загороднев

Свобода

Очередное утро. На улице прохладно, дождик. Хорошо там, наверное… А тут скукота. Из окна дул ветер и раскручивал скрипящее колесо. Сожители любят там бегать, но что с них взять – всего лишь глупые мыши. Ничего особенного! Солнце только начинало выходить из-за крыш соседних домов. Эх! Людвиг грустно хрустнул яблоком. Сок медленно стекал на его хомячий животик.

«Ну всё, хватит. Сама эта клетка не откроется». – Хомяк перелез через несколько спящих на опилках мышей, вскарабкался наверх и начал усердно грызть прутья. Выглядело это странно и безнадёжно, но Людвига это не беспокоило.

Громкий удар где-то рядом заставил хомяка отвлечься от дела:

– Кто тут? Тишина. Ладно…

Ещё один удар. Людвиг внимательно посмотрел на окно. Вдруг вместе с ветром в комнату залетело ещё что-то, обогнуло спящих людей и приземлилось прямо на клетку.

– Привет!

Испуганный хомяк упал на опилки и притворился мёртвым.

– Да не бойся! Я крыс не ем.

– Крыс? – Только что «мёртвый» Людвиг ожил и возмущённо посмотрел на гостя. – Я хомяк! Не мышь, не крыса, не ещё кто-то, а хо-мяк! Я как медведь, только хомяк!

– Значит, кто такие медведи он знает, а как воробей залетит, так он просто дохлый жирный крыс. Ладно, не хочу вдаваться в подробности, меня совершенно не интересует, хомяк ты или лев, мне нужна еда. О, а что это там в миске?

– Корм.

– Давай сюда.

Немного подумав, Людвиг залез в тарелку с кормом и стал медленно его пережёвывать.

– Эй, медведь? Корм давай!

– Я, конечно, слышал, что звери на улице наглые, но не настолько. Стоп, а давай поменяемся. Что ты можешь мне предложить?

– Сейчас я отодвину эту защёлку, залезу в клетку и тогда…

– Стой, стой, стой! Я готов к обмену, отодвинь защёлку. Я хочу на свободу. Мне надоела эта тюрьма! Я вылезу и ешь сколько хочешь

Такое заявление ввело воробья в ступор. За свою жизнь он ещё не разу не встречал таких наглых крыс.

– Ла-а-а-адно… – Протянул воробей в ожидании подвоха. Он аккуратно отодвинул задвижку, схватил Людвига за шкирку и швырнул на стол. Сам же запрыгнул в клетку. Среди корма уже не осталось нормальной воробьиной пищи, и он выпрыгнул обратно.

– Крыса, а что тебе не нравится?

– Люди слишком странные. Они постоянно коверкают моё имя, думают, что я не один из элиты– грызунов! Они думают, что я просто смешной комок шерсти…

– М-да… А я просто воробей, и раз уж ты теперь свободное животное, ты должен быть на свободе. Воробей схватил Людвига и полетел к окну.

В этот момент Людвиг понял, как со стороны выглядит свобода: высота 7 этажа, машины, деревья… Теперь люди казались совсем маленькими. Всё это совершенно не радовало напуганного до смерти хомяка:

– Нет, нет! Отпусти! Не хочу на свободу! Хочу домой! К мышам!

– Пф… Медведь… Не так уж люди и глупы, ты и правда жалкий комо… Воробей почувствовал сильные удары в живот.

– Я – домашнее животное! Верни меня домой!

Хомяк запрыгнул в окно, весь трясясь от страха. Пробежал по комнате и нырнул в кровать к людям. Он подлез под тёплую руку хозяина и затих.

Человек приоткрыл глаза:

– Лютя? – Ничего не понявший человек пододвинул хомяка поближе к себе и опять уснул.

«Да, лучше я буду Лютя в клетке, чем свободный медведь…»

Константин Задорожников

Лошадиная сага

Жили два конька. Одного звали очень просто – Савраска, так как был он саврасый. Имя второго следует пояснить особо. Если вы не читали Отто Вейнингера, то понять вам будет, может, и непросто.

Старина Отто, перед тем, как отойти в мир иной, написал трактат о природе женской, в котором указал на одну отличительную особенность женского ума от мужского, а именно – отсутствие шансов на гениальность. Много чего есть у женщин, что мужчине и не снилось, а вот этого Бог не дал (что, впрочем, не делает их хуже или лучше, просто они – вот такие). Но, поскольку человек без гениальности не может, то оставил Господь женщине некую предпосылку, эдакую предтечу гениальности, которую старик Отто назвал генидами.То есть, где-то, «эбаут»-гениальность».

Когда Генидка родился, он не был еще Генидкой. Масти жеребенок оказался какой-то неопределенной, и сам весь нескладный, хотя и не без признаков породы – так что никто соответствующего имени ему подобрать не мог. Долго старались всей деревней, но никто так и не сумел этого сделать, словно заколдованный был этот жеребчик. Дело дошло до того, что спрашивать стали у лошадей, как его назвать (лошади к этому времени уже разучились говорить по-человечески, и спрашивать их мог только тот, кто знал язык лошадей. Он похож на английский, только слова как-бы навыворот, и их не слышно из-за ржания, поэтому принято считать, будто лошади не говорят).

Лошади тоже затруднялись решить этот вопрос, так что местный конюх, который мог общаться с ними, доведя себя до определенной стадии душевности, потеряв всякую надежду, спился с круга. Спас положение Савраска. Вы, наверное, не знаете, что если жеребенку не дать имя в течение семи дней, то он начинает терять ориентировку в пространстве и времени. Если такое состояние затянется, лошадь может заболеть и придти в негодность. А негодных лошадей, сами понимаете…

Шел восьмой день безвременья все еще новорожденного жеребца. Он понуро стоял у копны сена и жевал. Подошел к нему Савраска.

- Что ты делаешь? – спросил он.

-Я толком не знаю, но что-то делаю,- хмуро отвечал жеребец.

-Брось это глупое занятие – что-то делать. Надо делать что-то, а не что-то делать,- с видом знатока сказал Савраска. Он имел на то право, так как, будучи названным своевременно, успел кое-чему в жизни научиться.- Пойдем лучше погоняем по лугу.

-Да я, вроде, не знаю, как это делается. То есть, забыл.

- Как можно забыть, если не знал?- удивился Савраска и потерся носом о бок товарища .

- Когда я был большим… - начал было тот, но Савраска перебил его:

«Постой-постой».

Савраска неожиданно для себя понял, что чувствует то же, что и этот странный жеребец, и то, что этот странный жеребец чувствует то же самое, что чувствует Савраска. Это родилось внезапно, и как только было осознано Савраской, тут же стало осознано и его товарищем. Они, оба одновременно, увидели длинную вереницу лошадиных жизней, в которых жили-были они, в незапамятные времена, и становились они большими, потом маленькими, затем вновь большими и обновлялись, оставаясь в то же время прежними.

Они стали смотреть это разворачивающееся перед их внутренними взорами действо - феерическую мистерию лошадиных перерождений, наполненную звоном степи под копытами, прозрачными озерами, поросшими ковылем курганами, дымом кочевых костров. Там были взрывы и сабли, флаги и солдаты. Там были страшные рудники с потом и крупными, солеными лошадиными слезами, запал скачки по кольцам ипподромов. Там был запах дикого меда и кобыльего молока, и запах крови на бойнях. Там были дружное ржание молодых, влюбленных в небо и друг в друга жеребят, и храп загнанных лошадей, и пена на губах, и выстрел прямо в ухо, и последний взгляд на того, кто был бесконечно дорог всю твою лошадиную жизнь, а теперь, закрывая лицо, мокрое от слез, стрелял из нагана в ухо своего вороного товарища, уже не пригодного для такой дружбы – с погонями, преследованиями, звоном сабель,

скрипом колес походных кибиток, с искаженными гримасой ужаса лицами рассеченных надвое седоков, которые несутся навстречу на таких же пьяных от восторга атаки конях…

-Откуда это?- спросил пораженный Савраска, поймав себя на том, что смотрит на товарища как-бы снизу-вверх.

-Я это знаю.

-Как называется это «знаю»? Его надо немедленно назвать, иначе оно не проживет и недели, а я, кажется, без него уже не смогу. Со мною что-то произошло,- растерянно проронил Савраска.

-Я не знаю, как называется это знаю. Кажется, гениды - неожиданно для себя произнес жеребец.

Савраска вдруг понял, что они похожи как-то необычайно, больше, чем просто по-лошадиному схожи, они-одно целое. Словно прожили они вместе века тех длинных или коротких лошадиных жизней.

И он почувствовал, что тянет его к этому странному жеребцу, тянет с необычайной силой, которой он не может противостоять. Он робко подвинулся поближе. Жеребец посмотрел ему прямо в глаза, заглянул так глубоко, что сердце Савраски спряталось и забилось смущенно где-то в копытце. Он вдруг почувствовал на своей щеке прикосновение мягких, теплых и влажных жеребячьих губ, и всего его пронзила горячая, струя яркого света так, что Савраска увидел все свои внутренности освещенными, как стойло освещается лучами солнца, врывающегося в раскрытые конюхом ворота конюшни. Они прижались друг к другу плотно, они не то чтобы прилепились – они слились друг с другом, словно стали единым существом. Савраска потерял границы своего тела, он стал величиной с Вселенную, которая раскрылась в бездонных, как два прозрачных черных омута, глазах товарища. Он весь проникся каким-то новым знанием, таким глубоким, как эта вечная космическая ночь, сквозь которую он начал падать вверх, думая, что летит вниз, пронзая взорами серебристые туманности, трогая губами холодные льдинки–звездочки. Савраска слышал музыку великих дальних звезд. Искрящиеся невиданными красками, представали пред ним невообразимые миры, в которых были добрые животные - и лошади, и

иные, не похожие на земных. Сквозь серебряную вязь морзянки арктических станций слышались обрывки песен пучегубых негров, детские голоса, гитарные риффы, звуки поцелуев влюбленных, стихи, которые то ли кто-то нашептывал Савраске, то ли Савраска нашептывал кому-то…

Друг мой, мой друг…
Но мы все-таки прорвемся…
Мы должны, и мы сумеем научиться любить
и быть любимыми…
В создаваемых нами вселенных…
Мы вечно станем падать в бездны лунных лугов…
Чуткими руками лаская волосы синих ночей …
И в мудрые саги, и в тихие снега, и в струи хрустальных ручьев…
Мы вплетем тихий шепот наших слов…
И кто-то из нас обязательно услышит:
«Я люблю тебя»…
И кто-то из нас обязательно скажет:
«Я тебя люблю»…

-Генидка,- то ли подумал, то ли вырвалось невольно у Савраски.

И Генидка понял, что его зовут именно так. Он мысленно откликнулся, как будто его позвали по имени, которое он знал еще до своего рождения. В переводе с языка лошадей это звучало бы как «что?», но он не сказал, только мысленно отозвался.

-Я тебя люблю, Генидка, -сказал Савраска.

-И я тебя люблю,Савраска,-ответил Генидка.

Они долго еще стояли так, на опушке старого леса, тесно прижавшись друг к другу, и все, что случайно находилось рядом с ними, в этот миг перестало существовать - так мощно и величественно звучало в природе единение их бытия.

Догоревшее солнце зашло. Вечер мягкой палевой шалью окутал Савраску с Генидкой. Прошло еще немного времени, и они стали призраками в дотла сгоревшем в огне заката старом лесу.

Александр Дудин

Лоська

В посёлок Знаменский Фёдор Петрович Шевелёв приехал по производственным делам ненадолго. Завершив намеченную на день работу к четырём часам пополудни, он вышел из леспромхозовской конторы. Тёплый весенний день клонился к закату. С крыш ленивыми звеньками капала первая мартовская капель. Шустрые воробьи с весёлым чириканьем прыгали с ветки на ветку, радуясь началу весеннего потепления. Остановился Шевелёв в «заежке», пристроенной к сельсоветовской конторе. Наскоро перекусив, он налил чаю и принялся читать газеты, уложенные в портфель вместе с бутербродами заботливой женой.

На крыльце затопали, видимо, сбивая с валенок налипший снег. Через мгновение в комнату ввалился невысокого роста человек и громким басовитым голосом прокричал:

– А ну, подымайся, человече! Приехал в родной леспромхоз, и носа не кажет. Давай, собирайся, у меня поживёшь, нечего по казённым углам ютиться.

Это был Мин Миныч Заледеев, старинный приятель Фёдора Петровича. Прикомандированный, не ожидая такого напора, натужно кряхтел, пытаясь вырваться из медвежьей хватки друга.

– Да отпусти же, чёрт кудлатый! Рёбра поломаешь!

Заледеев ослабил хватку и, не снимая шубы, прошёл в комнату. Он со всего маху опустился на заправленную кровать и, чуть отдышавшись, с покровительственным тоном продолжил:

– У меня будешь жить. Я баньку ещё в обед затопил. К нашему приходу готова будет. Ох, и баня у меня, один раз истопишь, а жару-у-у, хоть всем посёлком мойся. Трифон Иванович, сосед мой, больно поддавать горазд, порой до ста двадцати градусов нагоняет. Я даже термометр возле полка́ повесил. У меня уши в трубочку, а он, знай себе, хлещется веником, да приговаривает: «Эх, хорошо! Ах, хорошо!» Веников – завались, хоть до лета из парилки не вылазь.

Фёдор Петрович неторопливо оделся, и стал небрежно запихивать вещи во всё сильнее разбухающий портфель. Через полчаса друзья

уже были у Заледеева. В бане мылись недолго. Привыкший к городской помывке в домашней ванне и душе, Шёвелёв еле выдержал один заход в парилку. С лихорадочной поспешностью, похлестав веником по раскрасневшемуся телу, он шустро выскочил в мыльную комнатку и, окатившись холодной водой, развалился на скамейке, тяжело дыша. Через некоторое время вышел и Мин Миныч. Поглядев на обессилевшего друга, он, хитро улыбнувшись, заметил:

– Вот такие дела, Петрович! Плохо, когда от хорошего отвыкаешь. Я вот в прошлом годе к дочке ездил, так, представляешь, не могу мыться в их городских лоханях. Чешусь, и всё тут! Вроде и мылся и не мылся! Как вертаюсь домой, в первую очередь – в баню. Тут-то и душу отведу и тело потешу. Парюсь до поры, покуда нутро не закипит.

– Когда в баньку шли, я под навесом у тебя животинку приметил, – перебил хозяина Фёдор Петрович и, тщательно вытирая тело махровым полотенцем, продолжил, – да в темноте не рассмотрел, никак корову или бычка завёл?

– Что ты! Два года назад, как раз в апреле, мужики с лесосеки приехали и лосёнка привезли. Матку, видно, браконьеры застрелили, а детёныша, только народившегося, в лесу бросили. Вот они его и подобрали и в посёлок привезли. Я его и выходил. Он, пока маленький был, бегал за мной, как собачка. По весне в доме жил, а летом я ему место под навесом обустроил. Позже местные пацанята верхом на нём ездить стали, правда, без седла. Седло он не терпит. В первый же день соседская девчушка его «Лоськой» прозвала, так и приклеилась к нему эта кличка. Как подрос, в лес я его хотел отвести. Пошёл по грибы и его за собой увёл. Ну, поплутал я, поплутал, смотрю, вроде потерялся Лоська. Я домой, полным ходом. Во двор захожу, а он на крыльце стоит, меня дожидается. Калитка-то заперта была, так он через заплот в огороде перепрыгнул и – вот те на. А, нехай себе живёт, раз такое дело. Да и я уже с ним сроднился, всё, какая-никакая, а живая душа рядом.

Через два дня Шевелёв, закончив запланированную работу в леспромхозе, отбыл в родной город, а ещё через неделю в рай-

онной газете вышла статья о лосенке, приручённом знаменским пенсионером.

Время пролетело быстро. В начале сентября, когда у сохатых начинается гон, Лоська исчез. Поначалу он отсутствовал два дня, а после возвращения снова исчез, теперь уже надолго. Минул месяц. Небо потяжелело, выпал первый октябрьский снежок. На неширокой, узкой речушке, протекающей за огородом, появились хрупкие ледяные забереги. Листья с рябины, стоящей в палисаднике, облетели, обнажив, горящие под первыми утренними лучами восхода, оранжево-красные грозди.

В это утро Мин Миныч встал рано. Только солнце осветило верхушки деревьев, он был уже на ногах. Привычка, сформированная годами трудовой деятельности в леспромхозе, когда мастеру цеха лесопиления приходилось появляться на производстве первым, чтобы проверить готовность к работе узлов и агрегатов, давала о себе знать. Заварив крепкого чая, он раздвинул занавески и обомлел. Неподалёку, в конце картофельного поля, за изгородью стоял Лоська. Подросшие ветвистые рога на его голове, придавали молодому сохатому грациозный, царственный вид. Увидев в оконном проёме Мин Миныча, зверь закопытил передними ногами, выбивая из-под снега чёрные комья подмёрзшей земли и, подняв голову, громко затрубил, как бы приветствуя своего хозяина и друга. Старик, впопыхах, надел валенки на босу ногу, набросил на плечи овчинный тулупчик и, схватив со стола, зачерствевший за ночь, ломоть хлеба, выскочил из дома.

– Вернулся таки, родненький, вернулся, не забыл старика, – торопливо выпалил Заледеев, подбегая к сохатому.

Завидев в руках Мин Миныча горбушку, Лоська зафыркал, подёргивая верхней губой, и вытянул шею. Белый пшеничный хлеб был его излюбленным лакомством, которым с раннего детства потчевал зверя хозяин. Сунув краюху животному, старик обнял его, крепко прижавшись к мускулистой шее своей щекой. И тут старик Заледеев застыл от удивления, увидев стоящую поодаль, на другой стороне речушки, молодую статную лосиху.

– О-о-о, да ты не один! Нашёл таки себе невесту. Сам нашёл. Такая, видно, брат, у нас с тобой судьба – кто-то находит, кто-то теряет.

Мин Миныч ласково похлопал Лоську по щеке и, легонько оттолкнув от себя, произнёс:

– Ну, ступай, ступай, родимый, чай заждалась тебя твоя избранница!

Сохатый помахал головой, как бы прощаясь с другом, и пошёл, не оглядываясь назад. Он перебрёл через речку и, соединившись с лосихой, пошёл прочь, всё дальше удаляясь от дома.

Мин Миныч долго ещё стоял, провожая взглядом всё уменьшающиеся фигуры животных, пока они не превратились в две черные точки, медленно двигающиеся по белоснежной простыне долины, в направлении тонкой синеющей линии тайги. В глазах старика искорками блеснули две слезинки. И никто, наверное, на всём белом свете, не смог бы сказать, что это были за слёзы – слёзы сожаления о невосполнимой потере, или – слёзы радости за друга, приобретшего своё семейное счастье.

Александра Хворост

Серия рассказов «Праздники с Тишкой и Тимошкой"

Новогоднее приключение Тишки и Тимошки

Эта невероятная история случилась с котенком Тишкой и щенком Тимошкой перед самым Новым годом.

Друзья сидели дома и смотрели в окно на морозные узоры. На улице было холодно, но очень красиво.

– Сегодня канун Нового года, – сказал Тишка, почесав лапой за ухом. – А это значит, что может исполниться все, что пожелаешь, даже самое невероятное!

Тишка был маленьким пушистым котенком с густой серой шерсткой, голубыми глазами и серым носиком. Он очень гордился своей британской породой и говорил лучшему другу Тимошке, что его дед жил у самой королевы Англии. Правда, щенок ему не очень-то верил, потому что Тишка – тот еще выдумщик.

Вот и сейчас Тимошка наморщился и ответил:

– Да ладно тебе, Новый год, конечно, волшебный праздник, но чудес не бывает!

Он был самым обычным щенком, черным от кончика носа до кончика хвоста, как будто только что вылез из печной трубы, и, как все щенки, любопытным. Когда Тимошка спал, казалось совершенно невозможным разобрать, с какой стороны у него находится маленький нос, а с какой – пушистый хвост.

– А вот и бывают, – не соглашался Тишка. – Я уверен, сегодня обязательно произойдет какое-нибудь чудо! Только нужно в это поверить.

– Чушь! – отрезал щенок и продолжил пить чай с пряниками, сидя на окошке.

– Давай пойдем гулять в лес! – предложил котенок. – Выберем себе елочку попушистей и нарядим ее, а то Новый год на носу, а у нас даже елки нет.

– Хорошо, только чай допью, уж очень пряники вкусные.

Они допили чай, надели шапочки с помпонами и теплые шарфы, взяли варежки и вышли из дома.

– Бр-р-р, холодно, – сказал Тимошка, потуже завязывая шарф.

– Красота, – поймав снежинку языком, прошептал Тишка.

Друзья закрыли за собой калитку и не спеша направились по тропинке в лес. Светило солнышко, падал снег, Тишка и Тимошка бегали друг за другом по сугробам, кидались снежками. Тут и там виднелись чьи-то следы, и щенок пытался найти их обладателей. Котенок в это время подпрыгивал, хватаясь за ветки деревьев, и с веселым смехом стряхивал с них снег, который накрывал Тимошку с головой, словно пуховое одеяло. Веселясь и играя, друзья и не заметили, как ушли далеко от дома.

– Ой, где это мы? Тимошка, ты знаешь, в какой стороне дом? – спросил Тишка, оглядываясь по сторонам, а затем прошептал: – Мне страшно.

На лес уже опускались первые сумерки, и неровные тени от кустов и деревьев превращались в загадочных животных.

– Это все из-за тебя, – храбрясь, проворчал Тимошка и грустно добавил: – Я тоже не знаю, где мы.

– И елочку выбрать не успели… – шмыгнул носом Тишка.

Они стали осматриваться вокруг, и вдруг котенок закричал: «Смотри, смотри! Вон наш дом! Видишь дымок из трубы? Скорее туда!». И друзья со всех ног бросились бежать.

Когда Тишка с Тимошкой выскочили на полянку, то поняли, что обознались. Они увидели большой красивый бревенчатый дом с резными окошками. Из печной трубы шел пушистый белый дым.

– Эх-х… Теперь мы и вовсе заблудились, – грустно сказал котенок.

– Выше нос, – ответил Тимошка. – Давай постучим и попросимся переночевать, а утром, когда будет светло, мы обязательно найдем дорогу домой.

Друзья переглянулись и поднялись на крыльцо. Пока они стояли и громко спорили о том, кто же будет стучать, дверь отворилась. На пороге появился большой старый медведь с очками на

носу и тапочками на ногах. Все в волшебном лесу называли его дедушкой Комусом или дедушкой Мишкой. Он был добрым и мудрым, а еще очень любил, когда к нему приходили гости.

– Вы кто такие и почему одни в такой поздний час? – улыбаясь, спросил медведь.

– Я – Тишка, а он – Тимошка, – прошептал котенок и указал на щенка.

– Мы заблудились, – сказали друзья хором.

– Заходите, заходите. А я дедушка Комус. Что вы делали в нашем волшебном лесу в последний день старого года? – поинтересовался хозяин дома, ставя на стол самовар и доставая мед и малиновое варенье.

– А он разве волшебный? – удивился Тимошка.

– Конечно, особенно накануне Нового года, – заверил его дедушка Комус.

– Мы елочку хотели найти, чтобы украсить ее и Новый год встретить, – сказал котенок, – но так заигрались, что не заметили, как стемнело, и заблудились.

– Елочку, значит, хотите нарядить новогоднюю?

– Очень! – подтвердили друзья.

– Тогда садитесь пить чай с баранками и малиновым вареньем, а я позову лесных жителей. Без них нам не справиться.

Тишка и Тимошка взяли кружки, а дедушка Комус вышел за дверь и крикнул белочке: «Эй, Пушинка, беги скорей и скажи всем зверятам, чтобы приходили ко мне на полянку, будем елку новогоднюю наряжать. Новый год как-никак!».

Пушинка взмахнула рыжим хвостом и поскакала с ветки на ветку. Она была самой быстрой белкой во всем волшебном лесу, поэтому уже через пару минут стучала в дверь норы зайца Труси. «Труся, быстрей беги к дедушке Комусу, будем елку наряжать», – сообщила Пушинка и отправилась дальше.

Вскоре на полянку уже спешили лисенок Рыжик, мышка Машка и ежик Ойка. Какой тут шум поднялся! Каждый хотел первым прийти к дедушке Мишке. Услышав гостей, старый медведь вышел к ним навстречу, а Тишка с Тимошкой тихо встали позади него.

– Спасибо тебе, Пушинка, быстро ты мою просьбу выполнила, – сказал дедушка Комус. – Здравствуйте, лесные зверята! Перед тем как начнем наряжать нашу елочку, хочу вас кое с кем познакомить. Это котенок Тишка и щенок Тимошка. Они заблудились в нашем лесу, и им нужна помощь, чтобы найти дорогу домой. Но это будет завтра, а сейчас нас уже ждет зеленая красавица – пушистая елочка.

Дедушка Мишка пошел в дом за коробками с игрушками и гирляндами, а звери окружили елку, которая стояла в центре лесной полянки. Они всегда вместе наряжали ее, а медведь весь год ухаживал за ней и оберегал от невзгод, поэтому деревце хорошело и со временем становилось все красивее и красивее. Вот и сейчас все смотрели на нее, затаив дыхание, и только когда дедушка Комус громко сказал: «Разойдись, лесной народ» – и поставил ящики с новогодними украшениями на землю, зверята зашумели, и началась веселая праздничная суета.

Тишка с Тимошкой посмотрели на старого медведя, который весело подмигнул им, и побежали наряжать елку вместе со всеми.

Пушинка быстро поднялась по стволу, взяв гирлянды и фонарики, лисенок Рыжик старательно выбирал из ящика красные шары и развешивал их, ежик Ойка ползал вокруг и подносил шишки, а заяц Труся украшал ими ветви.

Тишка тоже умел ловко карабкаться по деревьям, поэтому он вместе с Пушинкой забрался на самый верх и наряжал лесную красавицу там, а Тимошка подавал ему разноцветные блестящие сосульки, резные снежинки и вкусные конфеты – самые настоящие. Их тоже решили пустить в ход, ведь как здорово потом будет схватить конфету и съесть ее на морозе, пока гуляешь на полянке и играешь в снежки.

Украсить верхушку доверили дедушке Комусу. Он, ворча и охая, взобрался на табуретку и надел красную звезду прямо на самую макушку.

Елка получилась – загляденье! Мышка Машка зажгла гирлянды, и дерево засверкало. Зверята отошли подальше, чтобы по-

любоваться. Лес погрузился в темноту, но разноцветные огоньки озаряли поляну ярким светом.

– Ну что ж, – сказал дедушка Комус, – делу время – потехе час! Елочку нарядили, теперь можно и поиграть!

– А давайте слепим снеговика! – предложил Тишка.

– Давайте, – ответили звери хором.

Дедушка Мишка стал катать первый снежный ком – самый большой. Он получился красивым, ровным и круглым.

– Хороший выйдет у нас снеговик, – сказала Машка и побежала искать ветки, чтобы сделать ему руки.

Лисенок и Тимошка скатали второй шар – средний. Он тоже удался на славу и блестел от света гирлянд, как драгоценный камень. Голову снеговика сделали заяц Труся и Тишка. Осталось только, чтобы дедушка Комус поставил шары один на другой.

– Раз! – закричали зверята, и дедушка Мишка прикатил первый в центр полянки.

– Два!

Второй шар он поставил сверху.

– Три!

Полдела сделано! Но оставалось еще много работы – вылепить из трех снежных комков настоящего, доброго и красивого снеговика.

– Вот, – предложил Труся, доставая из кармана штанов морковку. – Давайте сделаем ему нос!

– А ягоды, которые я запас на зиму, подойдут для глаз, – сказал Ойка и вытащил из колючек две темно-синие ягодки голубики.

Пушинка взяла их в лапки и, ловко прыгнув на голову снеговика, прикрепила оба глаза.

На краю полянки зашевелились кусты, зверята обернулись и увидели, что это Машка тащит две большие ветки.

– А вот и руки, – пропищала она, запыхавшись.

Тишка подбежал к ней, чтобы помочь, и вдвоем они добрались до остальных. Рыжик воткнул ветви в туловище, Пушинка сделала из орехов рот, дедушка Комус принес ведро, которое водрузил сне-

говику на голову, и вложил ему в руку метлу. Лисенок сбегал в нору за пучком соломы – получились волосы, Тишка одел на ветки свои рукавицы, а Тимошка повязал на шею снеговика шарф.

Несмотря на усталость, все были довольны результатом и, улыбаясь, разглядывали свое творение. Вдруг снеговик подмигнул правым глазом.

– Вы видели? – закричал Тишка. – Он нам подмигнул! Тимошка, а ты не верил, что в канун Нового года происходят чудеса.

– Тебе показалось, – ответил ему Тимошка. – Никто, кроме тебя, этого не заметил.

– Он и правда подмигнул! – в один голос воскликнули Рыжик и Ойка.

И тут снеговик чихнул, захрустел руками-ветками и сказал: «Здравствуйте!». Звери замерли и уставились на него, а тот, совсем не смущаясь, вертелся и крутился, оглядывая себя со всех сторон.

– Какой я ладный да красивый! Спасибо вам, – улыбнулся снеговик и неуклюже поклонился. – Я получился таким настоящим, потому что вы меня лепили дружно, весело и каждый вложил в дело частичку своей души и тепла.

Весь лесной народ продолжал изумленно смотреть на новогоднее чудо. С неба, кружась и искрясь, начали падать пушистые снежинки, они ложились на лапы красавицы елки, на носы и уши зверят, устилали полянку пушистым ковром. Праздник чувствовался повсюду.

– Фр-р-р, – Тимошка отряхнулся, распушив свою мохнатую черную шерстку, и, будто размышляя вслух, спросил: – Что же нам теперь делать со снеговиком?

– Дедушка Комус, – подхватил Тишка, – и правда, что же теперь делать?

Все повернули головы к старому медведю, а тот с улыбкой сказал:

– Раз уж мы слепили живого снеговика, давайте сперва познакомимся, а потом решим, как поступить.

– Зовут меня Сугроб, – начал снеговик, – но не могу я с вами долго празднику наступающему радоваться, нужно мне к Дедушке Морозу спешить. Работы у него в канун Нового года больше, чем у кого-либо: дочитать оставшиеся письма, ведь не все ребята заранее их пишут, многие ленятся до последнего дня или просто забывают; найти и собрать все подарки, которые ребята заказали; разложить их по мешкам, а мешки погрузить в сани; проверить, все ли в снег укутано, везде ли елочки наряжены, не нужна ли где помощь, и множество других дел. А мы, снеговики, ему в этом помогаем – подарки сортируем и в сани грузим. Чем больше ребята и зверята снеговиков слепят, тем быстрее Дедушка Мороз работу закончит и поедет подарки раздавать. Вот и я сейчас должен идти, но про вас я Деду Морозу обязательно расскажу. Говорите скорее, что хотите получить от него на праздник.

Ой, что тут началось! Шум, гам, все бегают, суетятся, друг друга перебивают, каждому хочется, чтобы снеговик его пожелание первым услышал.

– А ну тихо! – прикрикнул дедушка Мишка. – Становитесь в очередь и говорите по одному, а то голова уже от вас болит.

Друзья выстроились в линию, и никто больше не ссорился. Пушинка встала первой, за ней Тишка с Тимошкой, затем мышка Машка, заяц Труся, еж Ойка, лисенок Рыжик, а последним – сам дедушка Комус.

– Слушаю тебя, – сказал Сугроб Пушинке.

Белочка попросила у Дедушки Мороза корзинку, чтобы летом и осенью удобно было собирать грибы и орехи. Тишка заказал игрушечную мышку. Машка услышала это и фыркнула. Тимошка захотел новый красный ошейник, а Машка – теплое одеяло, а то листик, которым она укрывалась, стал уже совсем тоненьким и перестал ее греть. Труся попросил шапку, да такую, чтобы уши можно было под нее спрятать, будто бы он и не заяц вовсе. Ежонок Ойка пожелал получить в подарок иголку и катушку прочных ниток, чтобы по осени грибы нанизывать и сушить их на зиму, а лисенок Рыжик – расческу для своего пушистого хвоста. Он любил расчесывать его

долгими холодными вечерами. Ну а дедушка Комус заказал себе новый самовар: гостей у него всегда много, а самовар маленький, приходится долго ждать, пока всем чай приготовится.

– Очень вы мне все понравились, и пожелания ваши я Дедушке Морозу сразу же, как найду его, передам, а теперь мне пора, – снеговик обнял каждого своими корявыми руками-ветками, поправил на голове ведро-шапку, помахал друзьям на прощанье и двинулся в путь.

Через несколько минут его уж и след простыл, очень Сугроб торопился, да и снег не давал разглядеть ничего дальше своего носа.

Зверята еще задумчиво глядели в ту сторону, в которой исчез снеговик, когда дедушка Комус сказал: «До Нового года осталось всего полчаса, пора доставать хлопушки и бенгальские огни и накрывать на стол».

Пока медведь ходил в дом за столом, Пушинка пробежалась по елке и смахнула снег с гирлянд. На полянке вновь стало светло, огоньки празднично мигали в темноте, отражаясь от белых пушистых сугробов.

Тишка и Тимошка раздавали всем бенгальские огни и хлопушки, Рыжик и Труся расставляли чашки с чаем, а Ойка с Машкой раскладывали по блюдцам варенье, сушки, конфеты и яблоки с морковкой. Даже молоко для Тишки и косточка для Тимошки нашлись на праздничном столе дедушки Комуса.

Только они закончили приготовления, как часы пробили первый удар из двенадцати! Бом-бом-бом!

– Ура! Ура! Ура! – закричали все дружно. – С Новым годом!

И тут началось настоящее веселье: кто-то зажигал бенгальские огни, кто-то взрывал хлопушки, зверята пели новогодние песни, водили хоровод вокруг елки и играли в снежки.

Вдоволь нарезвившись и напившись чая, друзья стали прощаться и расходиться по домам, только Тишка и Тимошка стояли, опустив головы.

– А мы с тобой не знаем, где наш дом, – с грустью в голосе сказал Тимошка и посмотрел на Тишку.

– Не расстраивайтесь вы так! – пробасил дедушка Комус. – Знаете пословицу «Утро вечера мудренее»?

– Нет, – дружно ответили малыши.

– Это значит, – ласково произнес медведь, – что сегодня вы останетесь в моей берлоге, а завтра утром мы обязательно найдем дорогу домой.

Втроем они вошли в дом. Дедушка Мишка уложил Тишку и Тимошку на мягкие кровати, рассказал им сказку и, погладив обоих по голове, тоже отправился спать. Не прошло и пяти минут, как все погрузились в крепкий, спокойный сон, а Тишка иногда даже похрапывал.

Утром щенка и котенка разбудило солнышко, которое светило в окошко, и их носы сразу учуяли аромат вкусных блинов с клубничным вареньем. Друзья переглянулись и наперегонки рванули на кухню, где дедушка Мишка уже приготовил им вкусный чай.

Позавтракав, дедушка Комус, Тишка и Тимошка стали собираться в дорогу. Выйдя на полянку, они увидели под елкой множество коробок разной величины, упакованных в красивую бумагу и перевязанных разноцветными бантами.

– Подарки! – закричали Тишка с Тимошкой и весело посмотрели на дедушку Комуса.

Котенок открыл свою коробку и достал маленькую серую мышку, ее глазки-пуговки весело блестели, а носик был черный, кожаный, и из него во все стороны торчали тоненькие усы.

– Ух ты! Она же совсем как настоящая, – восхищенно сказал котенок. – Спасибо, Дедушка Мороз!

Тимошка тоже уже развернул упаковку и примерил новенький красный ошейник, на котором висела табличка с надписью «Тимошка».

– Вот это да! Это самый красивый ошейник в мире! – радовался щенок. – Благодарю тебя, Дедушка Мороз! И тебе, снеговик, спасибо за то, что передал наши пожелания!

Тут и остальные лесные зверята начали появляться на полянке. Увидев красиво упакованные и расставленные под елкой коробки,

они со всех ног спешили открыть свои подарки. Все радовались и показывали друг другу, что получили.

– Что ж, – обратился дедушка Мишка к Тишке и Тимошке, – пора нам со всеми прощаться – и в путь!

Щенок и котенок обняли своих новых друзей, пригласили их в гости и вместе с дедушкой Комусом пошли по тропинке в лес. Погода была прекрасная, ласково светило солнышко, на ветках деревьев весело щебетали синички и снегири, под ногами хрустел и искрился свежий снежок, и все трое даже не заметили, как оказались у кромки леса, и тут увидели домик Тишки и Тимошки.

– Ну вот и пришли, – сказал медведь. – Бегите скорее домой и не забывайте, что в волшебном лесу у вас теперь есть друзья, которые вас ждут и всегда будут вам рады.

Тишка и Тимошка обняли дедушку Комуса.

– Спасибо тебе, дедушка! – поблагодарили они.

– Вы все очень добрые, дружные и отзывчивые. Обязательно приходите к нам в гости, – пригласил Тимошка.

– Мы будем очень рады, – добавил Тишка.

Еще раз сжав дедушку Мишку в объятьях, они побежали в дом, а старый медведь дождался, пока за ними закроется калитка, и скрылся в лесу.

***

Тишка и Тимошка сидели дома и смотрели в окно на морозные узоры. На улице было холодно, но очень красиво.

– Это был самый удивительный и невероятный Новый год, – сказал Тишка.

Тимошка согласно кивнул и, дожевывая пряник, произнес:

– Ты был прав, Новый год – волшебный праздник, и если верить, то чудо обязательно случится!

Они дружно рассмеялись и продолжили пить чай с пряниками и смотреть в окошко.

Александра Хворост

Масленица

Эта история с котенком Тишкой и щенком Тимошкой произошла в конце зимы. На улице стоял февраль. За окошком было уже по-весеннему солнечно, и первые теплые лучики напоминали о том, что март совсем близко.

Тишка пригрелся на подоконнике, наблюдая, как с сосулек падают капельки, а Тимошка, раскинув лапы, лежал на коврике в центре комнаты и жмурился от удовольствия.

– Смотри, – сказал котенок, повернув голову к другу, – солнышко похоже на большой вкусный блин! Ты знаешь, что сегодня не обычный день, а праздничный?

– Разве? Какой же сейчас праздник? – спросил Тимошка недоверчиво, сел на коврике и лениво почесал лапой за ухом.

– Масленица! Я слышал, в этот день пекут блины и угощают ими друг друга, – Тишка ловко спрыгнул на пол и предложил: – Давай напечем блинов и пойдем в волшебный лес Масленицу праздновать?

– А почему бы и нет? – ответил щенок, и друзья побежали в кухню.

Когда Тишка был еще совсем маленьким, бабушка научила его готовить блины. Она всегда пекла их целую гору и ставила на стол блюдца с маслом, сметаной и клубничным вареньем. Вспомнив бабушкины советы, котенок ловко замесил тесто, и вскоре на белую тарелку с золотой каемочкой упал первый блин.

– Первый блин комом, – сказал Тишка, наливая на сковородку вторую порцию теста.

– Не комом, а дедушке Комусу, – пошутил Тимошка, и друзья рассмеялись.

Всего за час на тарелке выросла огромная блинная гора. Пока Тишка складывал гостинцы в корзинку, Тимошка успел одеться и топтался у порога. Спустя пять минут они уже спешили по тропинке к дому дедушки Комуса.

Вдруг в спину Тимошке угодил снежок.

– Тишка, хватит бросаться, – проворчал щенок.

– Это не я, – ответил котенок, пробегая мимо.

И тут откуда-то сверху они услышали веселый смех. Друзья одновременно подняли головы, увидели белку Пушинку и расхохотались вместе с ней.

– Куда это вы собрались? – спускаясь с ели, спросила белочка.

– В гости к вам и дедушке Комусу, – сказал Тимошка.

– Сегодня же Масленица, – добавил Тишка, – вот мы и решили угостить всех блинами и праздник отметить.

– А я и не знала, – удивилась Пушинка. – Поскачу-ка я скорее, скажу дедушке Мишке, что вы к нему идете, и всех остальных позову.

Не успели Тишка с Тимошкой оглянуться, как подруги уже и след простыл. Недаром она была самой быстрой белкой в волшебном лесу.

Когда котенок и щенок вышли к дому медведя, их уже ждали дедушка Комус и остальные зверята. Полянка была украшена гирляндами из сухих листьев. Это заяц Труся всю осень собирал самые красивые листочки и сушил их в своей норе. Красные, желтые, оранжевые, они ярко выделялись разноцветными огоньками на фоне заснеженных елок.

А как же удивился Тишка, когда заметил неподалеку настоящее масленичное чучело размером с медведя. Ничего страшнее и нелепее котенок никогда не видел. Его сделали из пучков соломы и веток. Глаза нарисованы углем, а огромный рот, казалось, начинался у одного уха, а заканчивался у другого. На щеках пылали два красных круга, делавших лицо чучела еще более пугающим. На голове – цветной платок, из-под которого во все стороны торчала золотистая солома. На Масленице были старые рваные обноски: ярко-зеленая кофта и красная юбка развевались на ветру. Завершали наряд зеленый фартук в цветочный рисунок и россыпь бус из ягод на шее.

Друзья глядели на чучело во все глаза.

– Здравствуйте, здравствуйте, – пробасил старый медведь. – Очень я рад снова видеть вас в нашем лесу. Смотрю, вы не с пустыми руками пришли?

Тишка с Тимошкой радостно подбежали к дедушке Комусу и обняли его, а потом поздоровались со всеми: мышкой Машкой, лисенком Рыжиком, зайцем Трусей, ежиком Ойкой и белкой Пушинкой.

– А мы блины принесли, – сказал Тишка. – Будем праздник отмечать – Масленицу!

– И варенье со сметаной, – улыбался Тимошка.

– А какое варенье? – робко спросил Труся.

– Клубничное! – мечтательно ответил ему щенок, а потом закрыл глаза, и всем сразу стало понятно, что оно вкусное-превкусное.

– Пойдемте-ка скорее пить чай. А я вам расскажу, что такое Масленица и как ее празднуют.

Так как Пушинка предупредила всех о приходе друзей, медведь уже успел накрыть стол, в центре которого красовался горячий самовар. Дедушка Комус очень любил гостей, и у него всегда находились для них угощения. Тишка вытащил из корзинки блины и варенье со сметаной. Зверята глядели на лакомства, но никак не могли выбрать, что положить себе на тарелку.

– Какие красивые блины у тебя получились, – сделала комплимент Тишке Машка, взяла себе один, откусила кусочек и, жуя, продолжила: – И вкусные!

Когда все чашки и блюдца были наполнены, старый медведь надел на нос очки, сделал глоток горячего чая и начал свой рассказ:

– Есть такой праздник, веселый и радостный, называют его Масленицей. Он прославляет солнышко и знаменует конец зимы и начало весны. По одной из древних легенд, Масленица – это имя маленькой девочки, отцом которой был сам Мороз. Говорят, что традиция печь блины в этот день появилась, потому что люди, уставшие от холодов, с их помощью зазывали солнце, чтобы оно пришло, обогрело, растопило снега и привело на землю весну. Они верили, что вместе с блином съедают частичку его тепла и могущества. Масленица длилась целую неделю, и к ней готовились все. Устраивались веселые гуляния с катанием на санях и

санках, уличными играми, песнями, плясками, ярмарками и соревнованиями. Стряпали блины, пироги и прочие угощения, ведь потом начинался Великий пост. Считалось, что так солнышко можно «умаслить» – сделать добрее и теплее. Отсюда и название праздника. А в конце обязательно сжигали чучело Масленицы в знак того, что зима уходит и наступает весна, пробуждается природа. Делали его из соломы и веток и наряжали в ветхую одежду. Прощай, Масленица, до следующей зимы!

– Вот это да! – воскликнул лисенок Рыжик, отложив блин. – Пойдемте скорее чучело сжигать.

– Как интересно, – сказала Машка, – я думала, что ты, дедушка, сам это придумал, а оказывается, праздник существует уже давным-давно.

Зверята встали из-за стола и засобирались на улицу. Им не терпелось еще раз посмотреть на чучело и сравнить его с той Масленицей, о которой поведал дедушка Комус.

Через пару минут все высыпали во двор и стали ходить вокруг Масленицы, разглядывая ее.

– Здорово все-таки, что у нас есть такие интересные праздники, – сказал Тимошка, оббегая чучело в третий раз. – Можно и вкусно поесть, и повеселиться.

Из дома вышел дедушка Комус и принес спички.

– Ну что, готовы? – спросил он весело.

– Да! – послышалось со всех сторон.

– Тогда встаньте поодаль и смотрите во все глаза.

После этих слов заяц Труся отбежал дальше всех, а Рыжик, наоборот, лишь немного шагнул в сторону, делая вид, что отошел. Пушинка мигом взлетела на ближайшее дерево и решила наблюдать за происходящим оттуда. Ежик Ойка свернулся клубком, Тишка с Тимошкой встали за спиной дедушки Комуса, а Машка забралась к нему на плечо и устроилась в вороте его тулупа.

Когда все замерли, старый медведь чиркнул спичкой и поднес огонек к чучелу. Вмиг оно заполыхало так ярко, что Рыжику пришлось отпрыгнуть подальше. Масленица осветила полянку, и

Тишке показалось, что вышло яркое солнышко и согрело теплом все вокруг. Он даже помотал головой, чтобы отогнать это видение.

Зверята не спеша подошли поближе, протягивая холодные лапки к праздничному костру. Языки пламени задорно плясали и вскоре уже полностью поглотили чучело.

– Давайте хоровод водить и песни петь! – предложил Тишка. – Посмотрите, как весело горит Масленица, и мы будем веселиться!

Друзья радостно закружились вокруг костра. Они топали ногами, пели озорные песни, а потом хоровод перешел в горелки и салочки. Конечно, лучше всех убегала Пушинка, на дереве ее никто не мог поймать, кроме Тишки, но и он не всегда мог залезть так высоко. Заяц Труся постоянно обижался на это и в конце концов отказался участвовать, а когда один из друзей не играет, то нужно придумывать новое развлечение, чтобы всем было интересно и весело, поэтому Рыжик предложил кататься с горки.

Ледяную горку построил старый медведь. Она была широкой, и по ней можно было укатиться до самого края лесной полянки. Зверята дружно поддержали идею Рыжика, и около ступенек образовалась куча-мала с торчащими лапами, ушами и хвостами. Выпутавшись, детвора начала спускаться с горки с визгом и криками.

Когда они вдоволь навеселились, от масленичного чучела остались только угольки, от которых все еще поднимался белый дымок. Все захлопали. Праздник удался, Масленица сгорела, а значит, весна уже совсем близко!

Тишка с Тимошкой начали прощаться со всеми, а Ойка заглянул в корзинку, где раньше лежали блины, и сказал:

– Что же это вы домой без гостинцев пойдете? Давайте-ка я вам сушеных грибов положу.

– А я – орехов, – сказала Пушинка.

– А я – меду липового, – пробасил дедушка Мишка.

– Ой, у нас опять набралась полная корзинка, – улыбнулся Тимошка. – Спасибо вам.

Котенок и щенок обняли всех зверят и побежали по тропинке в сторону дома.

– Здорово мы в гости сходили, – сказал Тимошка. – А какие у нас еще праздники есть? Мы и до дома не дошли, а я уже хочу вернуться.

– Да, хорошо было, – ответил котенок. – Всех повидали и много нового узнали от старого Комуса. Не зря говорят, что он самый мудрый в волшебном лесу. А праздников у нас очень много. Хоть каждый день отмечай. Есть важные и большие, а есть совсем незаметные, маленькие, такие, про которые знают только те, для кого они предназначены. Но чтобы встретиться с друзьями, повод не нужен, главное – желание увидеться.

– Согласен, – кивнул щенок.

Разговаривая, Тишка с Тимошкой не заметили, как дошли до калитки своего домика. Открыв ее, они быстро пересекли двор и зашли в дом. После долгой дороги им, как всегда, хотелось поскорее выпить по чашечке чая, сидя на подоконнике. Но, переодевшись, котенок и щенок поняли, как сильно устали за сегодня.

Они легли в свои кровати, пожелали друг другу спокойной ночи и уснули. Завтра их будет ждать следующий день и интересные приключения, а значит, начнется новая история.

День рождения Тимошки

Эта история — про Тимошку. И вовсе не потому, что он особенный щенок, — мы с вами знаем, что Тимошка был самым обычным песиком, черным от маленького носа до кончика пушистого хвоста, как будто только что вылез из печной трубы, и, как все щенки, любопытным, с блестящими глазами, — а потому, что она произошла в день его рождения.

День рождения был самым любимым праздником Тимошки. Именно поэтому, а не из-за прихода весны, он так любил апрель, ждал его с нетерпением, считая дни на календаре, который висел над столом. Каждое утро щенок просыпался, потягивался всеми лапами, открывал глаза, вскакивал с кровати и бежал отрывать следующий листок. И сегодня Тимошка вдруг понял, что на календаре — день его рождения, 3 апреля!

— Ураааааа! — во все горло закричал щенок и побежал будить своего друга, котенка Тишку.

Он уже представлял, как вбегает в его комнату, срывает с кровати одеяло и начинает весело прыгать и напевать: «С днем рождения тебя», — но, открыв дверь, увидел, что комната пуста. Постель была аккуратно заправлена, а Тишки не было.

Улыбка сошла с морды Тимошки, он грустно опустил уши и пошел на кухню завтракать. Съев в одиночестве бутерброд с колбасой и выпив чашку чая, щенок сидел и печально смотрел в окно.

«Куда подевался Тишка? Неужели он забыл про мой день рождения? — спрашивал себя Тимошка, но никак не мог найти ответов. — Какой же это день рождения, если его не с кем отпраздновать?» Эти вопросы и множество других крутились в голове именинника и не давали ему покоя. Но самыми важными из них были все-таки: «Как Тишка, самый лучший друг, мог забыть про день рождения? И какой же он после этого друг?»

А в это время Тишка мчался к дедушке Комусу. Месяц назад он решил устроить своему другу на день рождения настоящий сюрприз: пригласить гостей, накрыть стол и устроить самый веселый праздник! И когда в волшебном лесу отмечали Масленицу, котенок, воспользовавшись праздничной суматохой, успел договориться со всеми лесными зверятами и дедушкой Комусом о сюрпризе для Тимошки.

Тишка знал, что днем после обеда Тимошка очень любил поспать, — а спал он крепко, как говорится, из пушки не разбудишь, — и значит, можно успеть накрыть праздничный стол, надуть шары и подготовить сюрприз! А когда Тимошка проснется, то удивится и обрадуется!

На лесной полянке Тишку уже ждали все зверята и, конечно же, сам старый медведь. Котенок радостно поздоровался со своими друзьями, обнял дедушку Комуса и только после этого огляделся вокруг.

— Фуф!.. — Тишка громко выдохнул. — Я так боялся опоздать, что бежал быстрее Пушинки. Оказывается, от нашего домика до

дома дедушки Комуса можно добежать всего за полчаса, — гордо сказал котенок.

Услышав это, белка спрыгнула с дерева, подбежала к Тишке и, взмахнув своим пушистым хвостом, сказала:

— А давай тогда обратно наперегонки побежим?

— Ну уж нет, — ответил Тишка, — я больше не хочу так быстро бегать. Мне нравится гулять по нашему волшебному лесу, а когда несешься со всех ног, никакой красоты вокруг не видно, только деревья мелькают. Мы все и так знаем, что ты — самая быстрая белка во всем волшебном лесу.

— Как там наш именинник? — тихо спросил ежик Ойка. — Он готов к сюрпризам?

— А Тимошка ничего не знает, — ответил Тишка. — Я убежал из дома, когда он еще спал, даже с днем рождения его не поздравил, — голос котенка погрустнел. — А ведь это мой самый лучший друг. Он, наверное, проснулся и думает, что раз меня нет дома, то я совсем забыл про его день рождения. Сидит в одиночестве в свой праздник. Я ведь ему даже никакой записки не оставил.

— Мдаааааа, не очень-то хорошо получилось, — громко сказал дедушка Мишка. — Тогда давайте не будем терять время и поскорее примемся за работу, — продолжил он с улыбкой и ободряюще похлопал Тишку по плечу.

После этих слов все сразу принялись за дело.

Мышка Машка подбежала к старому медведю, быстро забралась к нему на плечо и гордо сказала:

— Пирог с грибами почти готов! Видели бы вы, какие красивые белые и подосиновики принес для него Ойка — загляденье! А как пахнут! Я уверена, что наш именинник ничего подобного раньше не пробовал!

— Спасибо, Машка, — сказал Ойка. — Я очень хотел, чтобы пирог получился вкусным, но главное в нем не это! Главное — его форма. Машка сделала пирог в виде большой красивой косточки!

— Вот это да! — удивленно прошептал котенок. — Тимошка больше всего на свете любит погрызть хорошую большую кость, это правда. Конечно, он очень обрадуется и удивится такому пи-

рогу. Спасибо вам, Ойка и Машка. Раз пирог у нас почти готов, давайте приступим к основному сюрпризу и поскорее пойдем поздравлять именинника! — нетерпеливо закончил Тишка.

— Давайте! — послышалось со всех сторон, и Рыжик с Трусей побежали в нору лисенка за красками.

Когда во время Масленицы друзья обсуждали сюрприз для щенка, они, глядя на пестрое чучело, решили раскрасить друг друга разноцветной краской и устроить для Тимошки яркий маскарад в начале весны.

Через десять минут лисенок и заяц уже спешили обратно и везли перед собой тележку, доверху наполненную банками с красками и кисточками. Зверята все вместе выгрузили содержимое тележки. Пушинке так хотелось поскорее посмотреть, какие краски привезли заяц и лисенок, что она подпрыгивала от ожидания и махала своим пушистым хвостом.

— Давайте уже начинать, — сказала белочка с нетерпением в голосе.

— Давайте! — поддержали ее Тишка и Машка.

После этих слов все разобрали кисточки и начали открывать банки с красками. Тишка уже давно придумал, кем он хочет быть, поэтому самый первый подошел к дедушке Комусу, протянул ему кисточку и две банки с краской: ярко-оранжевой и черной.

— Ну и кем же ты будешь? — спросил его медведь и подмигнул.

— Тигром! — громко сказал Тишка и зарычал.

Дедушка Комус взял кисточку, обмакнул ее в оранжевую краску — и через пять минут Тишка стал рыжим-рыжим. Потом старый медведь быстро нарисовал на огненной шерстке черные полоски — и котенок превратился в храброго тигра.

— Вот это да! Какой ты красивый, — закричал лисенок Рыжик и подбежал к Тишке, чтобы разглядеть его со всех сторон. А тот, довольный, что из него получился настоящий тигр, крутился, оглядывая себя, рычал и даже рыл когтями землю.

— Я буду красной пандой, — сказал Рыжик и подошел к дедушке Мишке.

Пока старый медведь превращал лисенка в диковинную красную панду, остальные лесные зверята тоже не теряли время даром. Маленький ежик Ойка решил, что он будет загадочным дикобразом, и терпеливо смирно стоял, пока Пушинка рисовала на его иголках черно-белый орнамент и раскрашивала брюшко, мордочку и лапки голубой краской, потому что Ойке хотелось тоже быть ярким в день рождения Тимошки.

Фантазия Машки превратила ее в маленького розового слоненка, ведь у нее есть большие уши и длинный хвост, а вместо хобота находчивая мышка привязала на нос розовый носок, чем всех удивила и насмешила.

Только Пушинка никак не могла решить, в кого же ей перевоплотиться. То она хотела стать черной пантерой и грациозно прыгать с дерева на дерево, то мечтала превратиться в фиолетовую белку-летягу с ярко-красным хвостом, то вдруг мысленно видела себя зеленой в желтый горошек. Уже даже дедушка Комус выкрасил себе голову и туловище в белый цвет, а лапы и уши — в черный, и глаза обвел тоже черной краской, что сделало его похожим на гигантского китайского бамбукового медведя — панду. И тогда белка наконец-то решила, что хочет покраситься в синий цвет, а уши и хвост сделать ярко-желтыми.

Пока дедушка Комус разрисовывал шубку Пушинки, Машка, Трусся и Рыжик сходили в дом старого медведя за пирогом. Он удобно лежал в корзинке, и его восхитительный аромат плыл по весеннему лесу, смешиваясь с запахом молодой травы и первых цветов.

— Готовы? — оглядывая всех с головы до ног, спросил Тишка. — Я очень переживаю, как там Тимошка в одиночестве. Давайте пойдем скорее его поздравлять.

— Готовы! — послышалось со всех сторон.

Друзья взяли пирог и веселой разноцветной толпой двинулись по тропинке в сторону домика Тишки и Тимошки. На фоне молодых, только появляющихся ярко-зеленых листочков и травы зверята выглядели как экзотические животные, случайно попавшие в волшебный лес.

По дороге к дому Тишка успел собрать для Тимошки целый букет ярко-желтых одуванчиков, которые щенок так любил.

Солнышко уже стояло высоко в небе, и даже без часов было понятно, что наступило время обеда.

— Как есть хочется, — пробурчал лисенок, — и пирог еще так вкусно пахнет, аж в животе урчит.

Услышав это, все рассмеялись, а Машка гордо подняла голову и улыбнулась Рыжику.

А пока друзья спешили к Тимошке, он расстроенно ходил из комнаты в комнату. Понюхав вкусную косточку, щенок понял, что от обиды на друга у него неожиданно пропал аппетит, а исчезновение Тишки и невеселые мысли превратили самый долгожданный день в году в самый грустный. Просидев печально до обеда, щенок решил, что хороший сон всегда помогает, свернулся калачиком на своей кровати и незаметно уснул.

Подойдя к калитке, разноцветная компания остановилась. Тишка забежал вперед, отодвинул засов и, махнув лапой, пригласил всех войти. Звери красочной гурьбой, стараясь как можно тише ступать и не шуметь, зашли во двор.

На поляне стоял небольшой аккуратный белый домик с красной черепичной крышей, на самой вершине которой красовался флюгер в форме петуха. Окна обрамляли красные резные ставни, а ярко-синюю дверь украшал большой железный колокольчик с веревочкой.

Вокруг дома были разбиты клумбы, куда Тишка с Тимошкой хотели посадить цветы. Тропинка из оранжевого кирпича вела через весь двор от калитки к двери, а вокруг нее уже пробивалась травка ярко-зеленого газона. Вдоль забора росли яблони и груши, а недалеко от калитки можно было увидеть красивую пушистую малютку-елочку, которую друзьям подарил дедушка Комус.

Увидев елочку, старый медведь широко улыбнулся и, погладив по голове Тишку, сказал:

— Спасибо вам, мои хорошие, что заботитесь о ней. К следующему Новому году ваша елочка совсем большая вырастет!

— Как красиво и уютно у вас, — сказала Пушинка. — Мне очень нравится!

— И мне, — подхватила Машка.

Пока лесные зверята во главе с дедушкой Комусом осматривали двор котенка и щенка, Тишка забежал в дом, убедился, что Тимошка еще спит, и взял припасенные для дня рождения воздушные шарики.

Сюрприз решили устроить во дворе, так как погода была прекрасная: на голубом небе светило яркое солнце, пели птицы, зеленела листва — и все это как нельзя лучше гармонировало с праздничным настроением, которое, как надеялся котенок, появится у Тимошки, как только он увидит друзей с подарком.

Дедушка Мишка помог Тишке вынести во двор стол, а Труся с Рыжиком принесли для всех стулья. Пока старый медведь, лисенок и заяц носили мебель, Пушинка с Тишкой надули воздушные шары, а Машка разрезала пирог, который дедушка Комус поставил в центр стола.

Тимошка проснулся и выглянул в окошко, но ничего не увидел, так как ставни оказались закрыты. «Что случилось? — подумал щенок. — Я точно помню, что не закрывал окна». Он спустил лапы с кровати, огляделся по сторонам и собрался выйти во двор, чтобы открыть ставни, которые таинственным образом кто-то закрыл.

Но не только это было удивительным. Выйдя из спальни, Тимошка учуял восхитительный запах пирога. Щенок со всех лап побежал к двери. Открыв ее, он увидел облако воздушных шаров и ярких диковинных животных, которые почему-то очутились во дворе их с Тишкой домика.

Не успел он подумать, как они здесь оказались, как настоящий тигренок одним прыжком пересек полянку перед домом и приземлился совсем рядом с ним. Приглядевшись, Тимошка понял, что это его лучший друг Тишка, и на его морде засияла радостная улыбка.

Как только Тишка подскочил к щенку, все друзья хором закричали: «С днем рождения!» — и облако воздушных шаров, рассыпаясь на отдельные кусочки, устремилось в голубое небо.

Тишка крепко обнял Тимошку, поцеловал его в обе щеки, взял за лапу и повел к столу, где уже красовался праздничный пирог в форме косточки. В центре пирога была большая красивая свечка, которую щенку предстояло задуть и, непременно зажмурившись, загадать желание.

Как только Тимошка подошел к столу, все лесные зверята стали наперебой поздравлять его с днем рождения и желать счастья, здоровья, хорошего настроения, верных друзей и интересных событий каждый день!

От счастья, что лучший друг не только не забыл про его день рождения, но еще и устроил ему такой замечательный сюрприз, у Тимошки на глаза даже навернулись слезы, которые он украдкой вытер лапой. А потом он наконец-то понял, что перед ним стоят не диковинные животные, а его хорошие друзья, которые раскрасили себя, сделав ему такой необычный подарок!

— Как я вам всем рад! — сказал Тимошка. — Какие вы все красивые и праздничные! А твой пирог, Машка, я никогда не забуду. Я его учуял еще из своей комнаты, так вкусно он пахнет!

— Задувай скорее свечку и загадывай желание, — сказал дедушка Комус.

Щенок крепко зажмурил глаза и одним махом задул горевшую свечу! Как только она погасла, все захлопали и еще раз поздравили Тимошку с днем рождения.

— Спасибо вам за сюрприз! У меня никогда не было такой веселого и яркого дня рождения!

— А давайте споем для Тимошки песенку про каравай, — предложил Ойка.

— Давайте! — закричали все хором и встали в хоровод, в центре которого оказался Тимошка.

Звери весело запели:

— Как на Тимошкин день рождения испекли мы каравай, вот такой вышины, — и подняли лапы вверх. — Вот такой нижины, — приседая, опускали лапы низко-низко, до самой травы. — Вот такой ширины, — хоровод растянулся почти на всю полянку перед

домиком. — Вот такой ужины, — пели все и сжимали хоровод вокруг именинника. — Каравай, каравай, кого хочешь выбирай! Я люблю, конечно, всех, но Тимошку больше всех! — закончили зверята и засмеялись.

— Какой веселый получился у меня день рождения! — не уставал радостно повторять щенок. — Спасибо вам всем за такой праздник!

Вдруг солнышко скрылось за тучкой, и пошел теплый весенний дождик. Он смыл всю краску с шерстки зверей, и в один миг лисенок с белкой стали опять рыжими, мышка и заяц — серыми, дедушка Мишка — бурым, котенок — серым. Только ежик свернулся клубочком, прячась от дождя, поэтому, когда дождик прошел, он так и остался с голубым пузом, чем очень всех развеселил.

И вот опять выглянуло солнышко, и над домиком засияла семицветная радуга!

— Нам уже пора, — сказал дедушка Комус. — Спасибо тебе, Тимошка, за праздник. С днем рождения! И никогда не забывай, что у тебя есть самый лучший друг — Тишка. Дорожи им. Дружба не гриб, в лесу не найдешь.

Все еще смеясь над ежиком, лесные зверята распрощались с котенком и щенком, вышли за калитку и отправились домой. Тишка с Тимошкой долго махали им вслед, а потом сели на крылечко любоваться закатом, болтая обо всем на свете. Тишка налил ароматного чая, а Тимошка принес два куска Машкиного пирога.

— Как грустно у меня начался день, и как здорово он заканчивается! — сказал щенок. — Ты мой самый лучший друг, Тишка, и я так рад, что в день моего рождения мы с тобой вместе!

— И ты, Тимошка, мой самый лучший друг, — сказал Тишка и обнял щенка.

Они еще долго смотрели на закат, рассказывая друг другу забавные истории, ведь Тимошка так хотел, чтобы его день рождения не кончался как можно дольше, потому что следующего придется ждать целый год.

Герберт Грёз

Возьмите меня на руки

Возьмите меня на руки, пожалуйста! Я теплый, умею мурлыкать и тереться ушами о ладони. Девочка в желтом платьице, погладь меня, а? Подойди ближе, я же не царапаюсь и не кусаюсь!

«Ксения, немедленно убери руки от этого кота! Смотри, какой он грязный! У него же блохи!»

Ну почему? Почему обязательно блохи? Вы думаете, что я вот такой грязнуля нечистоплотный просто сам по себе? Конечно, кто останется в привлекательном виде после того, как его окатят водой из лужи на дороге? Машины едут, не обращая внимания на какого-то там кота. Ну, летит вода из-под колес. Подумаешь! А вы вот теперь – «грязный, блохи»… Обидно.

Да что уж тут, всякого я про себя наслышался. Ухо вот у меня немного ранено. Строго говоря, всей верхней половины нет. Считают меня из-за этого уличным бандитом. Но разве это правда? Забрел котенком по глупости на чужую территорию. Так и познакомился с современными стилями драки. Ох, как больно было! Целую ночь провел в подвале, плакал. А меня за это еще и прогоняли, дескать, спать мешаю. Вам бы так.

Вот и хвост тоже не аристократического вида. Драный, проще говоря. Но лучше уж так, чем в зубах пса земные дни окончить! Ладно бы одна зверюга напала, ведь нет – целая свора. Загнали на дерево, хвостом пришлось пожертвовать. Три часа сидел на ветках. Спускаться страшно было, а снять некому, зови не зови. В итоге прыгнул со ствола. Лапки мои, лапки!

А шрам на глазу? Похождения всякие, думаете? Как же! Мальчишка камнем из рогатки. Как кривым на всю жизнь не остался – это только бог наш кошачий знает. Бастет египетская. Вот бы туда, где она по земле ходила! Уж там-то нашего брата не хуже детей своих любят. А здесь только бьют да ругают. А главное – за что? Вот совсем недавно нашел я коробку. Чудо просто, земля обетованная! Забрался в нее и уснул. Как в детстве. Даже сон мне приснился, что как будто мама рядом, братья-сестры, играем, кусаем-

ся легонько. Как вдруг, откуда ни возьмись, сборщик макулатуры. Вышвырнул меня из коробки, да еще и ногой пнул. Вот интересно, ему лишняя монетка счастье великое принесла, что ли? А я теперь такую коробку едва ли найду.

Вот и вы тоже. Идете мимо, только взгляд презрительный бросите порой. Боитесь, понятное дело. Глисты, инфекции, что там вы еще про нас знаете? У ваших-то домашних и доктора есть, и грумеры там всякие, чтобы шерстку в порядке держать.

А у меня… Голод и одиночество. Никто не погладит, сосиски не даст. Летом-то еще ничего, мышки-птички есть, да и тепло. А зимой? Знаете, скольких я уже пережил? Страшно. Стужа, есть нечего, синица раз в неделю – это счастье. Старушку какую-нибудь разжалобишь на пакетик корма – пир горой.

Знаете, есть у нас сказки свои, кошачьи. Там все больше про тех, которым чудом повезло в доме у людей оказаться. Мы рассказываем их друг другу темными зимними ночами, когда в окно подвала смерть ледяная стучится. Наутро нас меньше на одного-двух остается, а мы продолжаем в эти сказки верить. Вот только у моей, похоже, счастливого конца не будет.

Ксения в желтом платьице отдергивает от меня руки и послушно идет вслед за мамой, изредка оглядываясь на меня. И вот так всегда.

А мне много не надо. Просто возьмите меня на руки!

Алексей Миронов

Маленькая соперница

В середине ноября началась было оттепель, редкая в эту пору, но ее тотчас сменили морозы. Лужицы, образовавшиеся от подтаявших вдоль дорог сугробов, покрыли тротуары коркой льда. Свет фонарей зыбкой рябью плыл в черной реке оледенелого асфальта.

Его конечной станцией метро было Планерная. Полночь — самое время ветру подгонять запоздалых прохожих! Затаившийся ветер набросился на одинокого мужчину, желая проникнуть под кожаное пальто и забраться под поднятый воротник. С молодецким посвистом городской сквозняк ударил прохожего под коленки, но тот чудом устоял на ногах, проехавшись по скользкому тротуару. Ветер собрался с новым порывом, прицелился и полетел к цели, но тут человек в пальто, удерживая на голове широкополую шляпу, нырнул в переулок между домами.

Растеряв часть сил на повороте, ветер всё же погнался за ускользающей жертвой. Но, казалось, человек в шляпе смеялся над погоней. Изначально мощный ноябрьский сквозняк рассыпался на десяток крохотных сквознячков, раскололся от деревьев, топорщивших свои сучья, споткнулся о вереницу машин.

Ещё поворот — и одинокий мужчина достиг своей улицы. Проходя у мусорных контейнеров у своего дома, он вдруг услышал отчаянный писк, похожий на зов. Кто-то звал на помощь! Кто-то маленький.

Нужно прислушаться. Остановившись, человек в шляпе вновь уловил писк. Кто это плачет: ребенок, щенок, котенок? Мужчина понял, что не сможет уснуть, если пройдет мимо. Да и можно ли жить, проходя мимо?

Медленно он обошёл все контейнеры. За угловым контейнером глаза его различили припорошенный снегом черный целлофановый пакет. Мужчина наклонился. Руки раскрыли пакет. Печальное зрелище предстало его взору!

Вкруговую, головками к серединке, лежали шесть котят. На шерстке несчастных уже поблескивала корочка льда. Увы, им ничем не поможешь! Но вдруг из мертвецкого круга, напоминавшего

славянскую свастику, символ языческого солнца, с трудом поднял заплаканную мордочку живой котенок. В глазах его читались отчаяние и страх смерти. Задние его лапки уже вмерзли в ледяной цветок человеческой жестокости.

Сняв перчатки, мужчина растопил пальцами лед, сковавший кошачьи лапки. Затем осторожно поднял котенка и упрятал за пазуху кожаного пальто. Обычно котята очень теплые: температура кошачьего тельца выше температуры тела человека. Но с этим котенком под пальто словно ворвался холод.

— Давай, милый, отогревайся, — шептал мужчина, быстро шагая домой. — Мы с тобой молодые, мы ещё поживём!

Потихоньку существо за пазухой отогрелось. Котенок теперь не пищал, а только посапывал. И даже ветер, набравший новых сил, отказался от преследования того, кто спас маленькую жизнь.

— У нас будет котенок, любимая! — сказал мужчина в прихожей.

Сказал он это так, будто говорил о ребенке. И передал спящее созданьице в руки женщины.

— Какой красивый! — отозвалась та.

— Может быть, это девочка?

— Конечно, девочка, — согласилась женщина, уложив котенка в комнате на диван и перевернув его на спинку. — Ой, какая же красивая, только посмотри!

То была чистая правда.

Белый треугольник, словно воротничок, спускался по груди к передним лапкам, симметрично украшенным белыми носочками. Такие же носочки имелись и на задних лапках. Нежный серебристо-серый окрас спинки, животика и хвоста придавал образу животного эфемерности.

— Как же мы ее назовем? — спросил молодой мужчина.

— Белянка… Белочка… Снежинка… Пушинка? — предложила его любимая.

— Ура! Пушинка! Пусенька! Пуся! — обрадовался он. И тут же спохватился: — Слушай, дорогая, она сейчас проснется и захочет кушать. Там в пакете оставалось немного молока.

— Сейчас принесу.

Хозяйка захлопотала на кухне. Остатки молока она перелила в джезву и поставила ту на огонь. Отыскала маленькую бутылочку с соской вместо крышки. Никогда не знаешь, что может пригодиться! Бутылочка осталась в квартире от предыдущих жильцов.

С антресолей женщина сняла коробку из-под обуви. Внутрь коробки постелила газету, свернув ее в несколько слоев. Чтобы ложе вышло помягче, уложила на дно кусок ватина.

— Ну вот, дорогой мой, королевское ложе для принцессы Пуси готово!

Из кухни потянуло горелым.

— Ой, молоко-то сбежало!

Ничего страшного! Когда молоко остыло, оно было подано Пусеньке.

Коробка из-под обуви наполнилась чмоканьем и сопеньем маленького существа.

Маленькая жизнь в картонном домике пробудила в молодой женщине материнский инстинкт. Она принялась готовить еду для новорожденной. В творог новоявленная мамочка добавляла размельченные в ступе таблетки кальция, а получившуюся массу смешивала с порцией рыбьего жира.

Новые мама и папа в Пусе не ошиблись. Пушистая их дочка росла настоящей красавицей. Большие ее зеленые глаза заблестели, хвост распушился, а шерстка заискрилась. По ночам в лунном свете серый мех переливался серебром. Кошка уже не помещалась в обувной коробке и спала на семейной кровати. Особенно же Пуся любила сворачиваться клубочком на груди у своего спасителя. Запах его кожи, его подмышек, его рук навсегда отпечатался в ее кошачьем сознании — то был дух тепла, уюта, защиты и покоя.

Любовь, однако, сопровождалась ревностью. С любимым мужчиной делила постель и жилье другая женщина. Этого Пуся терпеть не могла. Кошка частенько подкарауливала ту, другую, желавшую разделить комнату и ложе со спасителем. Разгневанная мохнатая фурия набрасывалась на ноги конкурентки, норовя искусать их или оцарапать.

Маленькая соперница

Поначалу мужчину, которой из роли отца перешёл на роль возлюбленного, этот треугольник забавлял. Однажды он попытался помирить двух соперниц и сделать их подругами. Путь для сближения конкуренток он нашёл самый короткий: уложил спящую Пусю на живот своей избранницы-женщины.

Но кто ж не знает, что кошки предпочитают принимать решения самостоятельно! Мгновенно осознав подмену, ревнивица напрудила лужу на животе соперницы. Кошки умны, а потому, покончив с мокрым делом, Пуся стремительно скрылась под шкафом.

Бежали недели, шли месяцы, и любовь к мужчине постепенно переросла в особый ритуал, которому Пуся неукоснительно следовала каждый день.

По вечерам, когда её спаситель и избранник возвращался с работы, Пуся бежала ему навстречу и подымалась на задние лапки — требовала, чтобы ее взяли на руки и поцеловали. Лишь получив от любимого мужчины законную ласку, кошка, считавшая себя номером один в доме, нехотя освобождала место для соперницы.

Так продолжалось до марта. С солнышком и капелью под распустившимися во дворе вербами завопили ошалелые весенние коты.

И случилось то, что должно было случиться: Пуся пропала. То ли кошка свалилась в сугроб, выпав из окна второго этажа, то ли незаметно прошмыгнула за дверь, когда хозяйка квартиры возвращалась из магазина.

Двое, конечно, искали ее. Но поиски вокруг дома ни к чему не привели. Впрочем, оставалась надежда: мужчина и женщина вдруг поняли, что с исчезновением Пуси окончились и концерты мартовских котов под окнами.

Конечно, мужчине и женщине не хватало дома серой красавицы. В жизни их возникла пустота.

— Ах! — говорила с тоскою женщина. — Пусть бы она кусала мои ноги! Я согласна терпеть кошачий террор вечно!

Они ждали свою Пусю. Они надеялись.

И были вознаграждены. В конце мая, возвращаясь с прогулки, пара встретила свою любимицу — да не одну!

Всё это время кошечка жила поблизости. Повзрослевшая Пуся-Пушинка стояла у подвального окна соседнего дома в окружении целого кошачьего выводка. У кошки было семеро котят! И был другой любимый мужчина.

Напротив Пуси и её детишек восседал с важным видом огромный рыжий кот. Он удерживал когтями трепыхавшуюся в траве добычу — не то мышь, не то воробья.

— Как будто дочку замуж выдали, — сказал мужчина.

— Скорее, близкую родственницу в надежные руки пристроили, — подумав, возразила женщина.

И она сложила руки на большом животе, выдававшем ее интересное положение.

Лариса Торощина

Надежда

Стоял прекрасный теплый летний день. Воздух был наполнен сказочными ароматами – цветов, сочной травы, коры могучих сосен, прятавших свои верхушки в глубоком небе, пушистого мха. Своим больным носом я с жадностью вдыхал хвойный запах леса, наслаждаясь каждым мигом.

Кто-то, жужжа, беспардонно пытался залететь мне в ухо, я встряхнул головой, и редкой проседью грива спугнула незваного гостя. Тот, сделав еще пару безрезультатных попыток, бурча, полетел дальше. Я потянул морду вслед ему и прошел несколько шагов вперед. Сухая земля проваливалась под моими копытами, тут же засыпая их зелеными и желтыми длинными тонкими колючками. Даже пролетевшая мимо носа пчела, куда-то спешащая по своим делам, манила окунуться в этот неизведанный и прекрасный мир.

Теплые лучи солнца приятно грели мою изуродованную от постоянных побоев спину. Какое же это наслаждение чувствовать тепло окружающего мира!

До этого я знал только запах перегара моего вечного пьяного и злого хозяина. Он постоянно бил меня, тыкал в меня горящие окурки, и даже ножом выколол мне глаз. И все его друзья были такие же дикие и бешенные как он.

Не знаю, сколько это могло бы еще продолжаться, но я помню, как один раз сбежал. Я не знаю, как это получилось.

Я стоял во дворе, голодный и несчастный, ожидая заработанной похлебки от хозяина, а он валялся пьяный в своей избе.

Холодный моросящий дождь наискось бил по камням развалленного и неухоженного жилого дома, залетая в полуразрушенные придомовые постройки. Я только слышал, как ветер туда-сюда гонял калитку у ворот. Вот она открылась под властью ветра, запуская и без того несчастья в этот богом забытый дом. Опять захлопнулась и опять открылась. И мертвая тишина вокруг.

Я поднял морду вверх и почувствовал пролетающий мимо шлейф свежего выпеченного хлеба. Слюна так и выступила изо рта. И я пошел.

Сначала я вышел из калитки и потопал вслед за исчезающим ароматом. Потом помню, что оказался на дороге, ведущей из деревни в поле. Я обернулся, на улице никого не было. Но вдруг мне показалось, что само зло дома понеслось вслед за мной, и я, гонимый страхом, ковыляя, что есть мочи, бросился прочь.

Я заметил, что убежал далеко, когда попал в густой лес. Здесь дождь ни так мочил мою больную спину. И я, растерянный и несчастный, прижался к ели, прячась под его пушистыми ветками, чтобы переждать холодный мелкий дождь.

Потом прошла ночь, и наступил новый день. Я проснулся только, когда навесистая дождевая капля плюхнулась на мой нос.

Я открыл глаза, в ужасе озираясь по сторонам. Мне еще не приходилось оставаться совсем одному посреди леса без своего жестокого хозяина.

Я вытянул голову, напряг ноздри и навострил уши. А потом в растерянности втянул голову обратно, понимая, что в неизвестной мне пустоте кто-то есть. Неподалеку мелкий зверек всеми четырьмя лапами рылся в земле, выкидывая из своей норы все ненужное. Пчелы, жужжа, спешили по своим делам. Странная птица настырно колотила клювом одно и то же место в коре дерева.

Потом мне вообще прилетело шишкой в лоб. Я зажмурился, но потом от любопытства открыл единственный видящий глаз и поднял голову. На ветке сосны сидел мохнатый зверек с пушистым хвостом, нетерпеливо работая зубами с каждой шишкой. Видать, невкусные, летели вниз.

Я поднял губами изгрызенную им шишку и пожевал ее немного.

Наверное, это вкусно, если привыкнуть! Хотя нет! Зачем? Здесь же много сочной травы!

Я осторожно прихватил губами зеленый пучок. Осторожно пожевал. Мои мышцы на спине судорожно сократились, ожидая очередного удара лопатой.

Я испуганно огляделся. Никого из людей рядом не было!

- Фух! – перевел дыхание я. – Кажется, пронесло! Я могу поесть травы? – обратился я в пустоту.

Но, не дождавшись ответа, сначала осторожно, а потом с жадностью от дикого голода принялся уплетать всю траву, окружающую меня.

Вот здесь, и вот здесь. Ням-ням! Как вкусно!

Я периодически поднимал голову и оглядывался по сторонам – привычка, выработанная годами. Кто бы знал, сколько боли мне пришлось пережить!

Надо же, как здесь много травы и нет ни одного человека! Наверное, я попал в рай?! Вот бы здесь остаться жить! Хотя, нет. Долгие зимы мне уже не пережить одному без человека. И эти раны на спине. Как же они болят! И не достать их не головой, ни копытами. Хвостом только периодически приходится сгонять надоедливых мух и жутких кровосущих.

Вот бы меня полечил кто-нибудь! Найти бы доброго хозяина! Я ведь еще вполне здоров и могу работать в хозяйстве. Еще как могу!

- Значит, надо найти хорошего хозяина! – решил я и потопал дальше.

Не помню, сколько я шел и куда, прежде чем оказался посреди опушки этого теплого приветливого мне леса.

Какой же сегодня хороший теплый день! Наверное, мне повезет!

Я протопал еще дальше. И, о чудо! Я почувствовал знакомый запах навоза. Да, где-то недалеко есть стойло с лошадьми.

Лес закончился, и я увидел зеленую поляну, а там вдалеке какие-то невысокие сооружения, людей и лошадей! Ой, как здорово! Я нашел!

Что есть мочи я понесся к ним.

Но подбегая ближе, остолбенел. Никогда я еще не видел такой красоты!

Прямо передо мной стояла высокая кобыла с длинными стройными ногами, лоснящимся на свету покровом шерсти, ров-

но остриженной гривой, и таким же ровным густым хвостом. Она слушала команды человека, а потом, посадив его на свою спину, немного разогналась и легко перепрыгнула невысокую перекладину. И надо же, человек похлопал ее по шейке! А она только недовольно фыркнула, что мог бы и угостить вкусняшкой, а не только погладить.

На поляне я увидел еще лошадей. Все они были стройные и красивые. Никаких шрамов на теле кроме клейма я у них не заметил. За послушно выполненные команды они то и дело получали лакомство с ладоней людей.

Я попытался приблизиться к ним, но, почувствовав чужака, ушки кобыл зашевелились, и они недовольно зафыркали. А люди обернулись в мою сторону.

– Пошел отсюда! – гневно закричали одни.

– Надо же, какой худой и больной! – заметили другие.

– Ну, пусть останется с нами! – жалобно заметил кто-то третий.

И тут же возразил четвертый:

– Ага, заразит тут еще наших лошадей. Выгнать его!

В меня посыпались камни. Я отскочил.

Странно, почему они такие злые? Я же не сделал ничего плохо!

Я отдалился с поляны, но стоял, наблюдая за происходящим.

Ой, как же они здорово бегают! И прыгают?! А это еще зачем? Какие высокие сооружения! В моем дворе и то забор был ниже, но я никогда не решался через него перепрыгнуть. Даже думать не мог, что через них можно прыгать! А эти кобылы делают это так легко и грациозно! Вот, красота-то какая!

Может я тоже так смогу? Я подошел к одной из перекладин – как раз по мой нос! Нет, не смогу!

Через пару часов всех лошадей выстроили цепочкой, и они друг за другом повезли людей в стойло.

- Я-я, с вами! Возьмите меня с собой!

Я побрел за ними. Не доходя до здания, откуда пахло сеном, они разгруппировались, спустили со своих грациозных спин людей, и пошли под уздцы с ними в стойло.

Ох, как же вкусно пахнет сеном и овсом!

- Можно мне с вами? Почему нет?

Двери передо мной закрыли, а меня выгнали вон!

Но я попозже подкрался ближе к загону. Сено-сено-сено! Я потянулся сначала губами, а потом вытянул язык, чтобы достать хоть одну вкусную веточку… И еще одну вкусную веточку…

- Ай, больно же!

Получив по крупу вилами, я сделал вид, что жутко испугался, хотя для меня эта боль была самой знакомой с детства, и отпрыгнул прочь.

Ближе к вечеру, топчась со всех сторон около закрытой конюшни, я почувствовал запах овса. Сглатывая слюни, я подошел к воротам и заглянул в щелочку. И увидел, как каждой лошади, стоящей в своем деннике, в кормушку подавали овес и ведро воды.

- Ой, какие же они счастливые! – думал я. – Почему я не родился среди них? Стоял бы так же в своем деннике, ждал порцию свежего овса и ароматную руку хозяина, похлопывающую меня по шейке.

Эх!

Тьма поглотила все вокруг. Я поднял голову и увидел белые крапинки звезд на безоблачном небе, куполом закрывающий эту беззаботную счастливую жизнь. Я стоял и мечтал.

Утро тоже не принесло ничего хорошего. Прибыла новая группа людей – кто-то поспешил сразу в конюшни, кто-то остался снаружи, приготовив лакомства для своих любимцев. А те, фыркая, вытягивали шеи из-за загона, получая лакомства.

Морковка!

Кто-то из детей протянул лошадиной морде морковку!

- Ой, а можно мне?

Я набрался смелости и подошел к загону ближе. Один ребенок, одергивая другого за руку, произнес:

- Посмотри вон на того коня!

- Ого, какой он худой и больной!

- На-на-на! Иди, я дам тебе морковку!

Я, вытягивая морду, потянулся за лакомством. В самую точку!

Меня угостили морковкой!!!

- Чав, чав! – произнес я, кивая в знак благодарности головой. – Дайте еще кусочек! – облизал руки ребенка.

Но следующее лакомство досталось уже другом коню.

Когда лошадей подседлали и вывели из конюшни, люди сели на их спины, построились цепочкой и поехали на поле. Я поспешил за ними.

В этот день хоть заборы брать в высоту мне не удавалось, я выполнял все упражнения, что и другие лошади – бегал и рысью, и галопом, и размеренно вышагивал с такой же важностью, как и другие кони, по полю. И ждал лакомства, как другие. Но мне мало, что перепадало. Только пешие люди иногда что-то давали мне пожевать. А потом меня опять выгнали вон.

Я не понимал почему. Я надеялся, что если буду делать все, что и другие лошади, то люди обязательно возьмут меня в конюшню и угостят вечером порцией заранее приготовленного овса и свежей воды.

Так прошла неделя. Каждый день проходил для меня одинаково – утром и вечером я бегал по полю с другими лошадьми, стараясь выполнять все упражнения, что командовали им люди, ожидая благодарности в виде еды или похлопываний по шейке. Но вместо этого только получал удар палкой по спине, бежал прочь, потом ждал еды около закрытой конюшни, разочарованный уходил в близлежащую березовую рощу, чтобы пожевать свежей сочной травы, возвращался и опять ждал.

Однажды все закончилось.

Прибыли две крытые грузовые машины. Из конюшни вывели двух сильных коней, потом поймали меня лакомством.

Как же я тогда был рад! Наконец-то меня заметили, мне нашли хозяина!

Я повиновался людям, дал надеть на себя уздечку.

Люди открыли грузовые машины и опустили на землю мостик из досок. Человек спокойно взял под уздцы коня и завел одного в машину, потом другого. Казалось, кони, привыкшие к переездам, лишь пробурчали что-то в ответ, но послушно вошли в машины.

Потом человек сделал тоже самое со мной. Я почти запрыгнул в эту машину сам! Еще бы! Моя мечта сбылась! Наконец-то эти люди поняли, что я тоже такой же, как другие лошади - я могу быть преданным, послушным, добрым!

- Я все сделаю ради вас!

И хоть этот переезд был утомительным из-за изнуряющей жары и ожиданий на дорогах. Я все равно терпеливо ждал место назначения и спокойно вдыхал незнакомый мне доселе воздух, наполненный непонятными запахами.

Потом я почувствовал, что мы куда-то наконец-то приехали. Тяжелые грузовые машины с грохотом заехали через высокие ворота внутрь ограды. Потом медленно покатились по полутусклым коридорам.

Какой знакомый запах. Я знаю этот запах! Я всю жизнь с ним рос.

Сердце начало учащенно биться. Куда же меня все-таки привезли?

Двери соседней грузовой машины открыли, коней попытались вывести наружу, потом открыли и выпустили меня.

Сначала я увидел яркий свет, потом плотный тошнотворный запах заполонил все пространство. Сознание медленно доходило до меня.

И только, когда я увидел дикий ужас в глазах впереди идущих меня коней и их раздувшиеся от ужаса ноздри, и бешенные рывки назад, я понял, что это был за запах. Это кровь и страдания заполнили собой пространство.

Кони пытались вырваться наружу, но их копыта скользили в теплой красной жиже рванных сухожилий и кишок, они падали, вскакивали, кричали и вопили так, что их бешенное ржание разрывало мне ушные перепонки.

А я растерянно смотрел на конвейер смерти и не мог поверить, что вот так глупо закончится моя жизнь, что люди могут быть так хладнокровны и жестоки.

Коней резали, а те пытались вскочить в приступах страха и дикой боли, захлебываясь собственной кровью.

Я понял, что во мне нет столько ярости, столько жизни, столько сил!

Я чувствую, как мои губы дрожат, а по морде катятся огромные слезы. Почему жизнь так несправедлива?

Я зажмурился…

Посвящается гнедому коню, который сбежал от своего хозяина, прибился к конному заводу, а потом был отправлен на мясобойню

Наталья Максумова

Пятигорские Бусинки

В Пятигорске у подножия горы Машук, где в 1841 состоялась дуэль между Михаилом Лермонтовым и его бывшим другом, а потом конкурентом Николаем Мартыновым, произошло необычное событие.

Февральским утром двое друзей, прогуливаясь около места последней дуэли великого писателя, внезапно оторопели:

- Гляди! – Сказал один. – Сонная крыса сидит на дереве.

И правда, второй друг увидел небольшого белого зверька, уснувшего на холоде. Они незамедлительно сняли его на видео и хотели было уходить, но их глазам предстала еще более удивительная картина: на деревьях ютилось несколько десятков белых крыс! Друзья засняли и это.

- Как высоко сидят. Интересно, как они там оказались? – недоумевал второй друг.

И вот со свойственной людям двадцать первого века тяге к известности друзья отправили видео в интернет. Вскоре многие узнали новость: «Кошмар и ужас Пятигорска! Недалеко от горы Машук высоко на ветках деревьев сидит полчище белых крыс! Они кишат и пищат! Наверняка постаралась лаборатория неподалеку. Кто должен решать эту проблему? Экосистема? Люди? Там ведь гуляют дети! Будьте осторожны!».

На новость откликнулись взволнованными, а порой глупыми или ехидными комментариями: «Белки уже не те!», «Огромные крысы размером с кошку заражены смертельным вирусом!»

Одна из жительниц Пятигорска прочитала эту новость, взяла свою подругу и, вооружившись большой коробкой, отправилась спасать брошенных крысят.

Пока они ехали к роковому месту, девушка возмущенно говорила подруге:

- «Кишат и пищат», - процитировала она новость из интернета, - ты знаешь, что крысы не издают никаких звуков, когда они спокойны? Это все телевизионные мифы: считается, что они все время

пищат и только и ждут, как бы укусить человека. Но это не так, им это нужно только для того, чтобы привлечь внимание, или если им больно и страшно. Они пищали, пытаясь привлечь внимание людей, чтобы их спасли! Они все белого цвета – это декоративные крысы, которых держат дома в качестве питомцев. Они не выживут в природе!

Когда подруги приехали, то увидели, как крысы ютятся на дереве, поддерживают друг друга хвостиками, чтобы их сородичи не упали. Девушка с подругой бросились спасать их. Тех, кто сидел невысоко, они сняли голыми руками. Тем, кто залез выше, они подносили длинную палку, чтобы зверьки ухватились руками за нее и смогли спуститься.

Ура! Девушки смогли спасти крысок, которых по неизвестной причине выбросили в холод на улицу. Но не все прошло успешно. Четверых, которые сидели выше всех, не удалось достать. Двое погибли в дороге от перенесенного холода и голода. Но целых двадцать восемь крыс выжило! Все они оказались ручными, хорошо идущими на контакт с человеком. Временно они поселились у своей спасительницы, у которой уже был кот. Он был не против новым жителям, так как у девушки уже когда-то была крыса, но страшно удивился их количеству.

- Интересно, как же их назвать? Ведь они все друг на друга похожи – думала девушка.

Подруга взяла одну из крыс на руки и стала ласково гладить. Крыска довольно смотрела на спасителей своими круглыми красными глазами. Некоторые из двадцати восьми крыс тоже с интересом поглядывали на людей. Остальные либо бегали в колесе, либо ели кашу из злаков.

- А ты назови их всех одним именем, - осенило подругу. - У них глаза похожи на бусины, вот и назови их Бусинками. Подходит?

- Подходит, - улыбнулась девушка.

Каждую крыску предстояло выходить и показать врачу. Когда определяли пол, каждой поставили зеленкой отметку на голове – все оказались девочками – альбиносками примерно одного воз-

раста (им было не больше месяца). Из-за перенесенного холода крысок предстояло вылечить. Девушка смело брала в руки каждую из Бусинок, успокаивала их и колола лекарства, которые прописал крысиный врач – ратолог. Бусинки пищали от страха, но не кусали свою спасительницу и не дергались. Вскоре они совершенно поправились.

На этом помощь не закончилась. Несколько сообществ крысолюбов решили прислали корма, клетки и прочие нужные вещи. Бусинки наконец-то поняли, что их любят и больше не выкинут на улицу.

Но нашлись и недоброжелатели. Соседи прознали, что у них за стенкой находятся спасенные крысы, окрестили их «биологической угрозой» и стали пугать жалобой в санэпидемстанцию. Подругам срочно пришлось думать, что делать с таким количеством грызунов. И вновь на помощь пришли сообщества крысолюбов: они помогли разместить объявления о том, что Бусинки ищут дом и добрых хозяев. Почти сразу целых три из них обрели новый дом, остальные еще ждут тех, кто заберет их себе. Крыс старались отдавать попарно, так как они – социальные животные. Четырех самых любимых девушка решила оставить себе.

Так в Пятигорске у Подножия горы Машук были найдены осиротевшие крысы, которых поначалу окрестили «биологической угрозой», но благодаря людской человечности грызуны были спасены и пристроены в добрые руки.

Основано на реальных событиях

Игорь Чудиновских

Зимний вечер на «Поле чудес»

Зима... Черно-белый город... Черные дома, черные проспекты и белый снег... И каждый вечер, когда вспыхивает желтый прожектор на автостоянке и «неособаченное» население прилипает к телеэкранам, следя за перипетиями очередного «телемыла», на обширном пространстве, прозванным местными остряками «полем чудес», поодиночке и группами, влекомые своими четвероногими питомцами, появляются, не спеша, «собачники». Темные людские фигуры медленно совершают «круг почета», а их лающие любимцы уносятся вдаль, знакомясь и здороваясь, расписываясь на деревьях и валяя друг друга в снегу.

Здесь смотрят сначала на собаку, а только потом на того, кто с ней вышел в этот вечер. Здесь царствует собака, а человек становится ее тенью, обязательной принадлежностью каждой уважающей себя псины. Дух подлинного равенства веет над этими просторами. Великаны доги и миниатюрные болонки, поджарые эрдели и приземистые овчарки, изящные колли и могучие кавказцы, чистокровные и безродные – все они пробегают по одним и тем же дорожкам, закидывают лапу на одни и те же столбы, дружно лают на одних и тех же кошек, осмелившихся пересечь границу «собачьей республики».

Собаки со всего микрорайона оставляют здесь видимые следы своих прогулок. Здесь не бывает перерывов или выходных. В любое время, в любой день, в любую погоду обязательно где-нибудь да отыщется одинокий столбик, сопровождаемый горизонтальной черточкой. Гуляют....

Пройдет зима, минет весна с ее неизбежными грязью и лужами, летом поднимется здесь трава по колено, скрывая все собачьи грехи, проползут осенние темные вечера, когда собаки ныряют во тьму, как в воду, год повернется и вновь черные фигуры будут, не торопясь, проходить «круг почета» по белому снегу, а вольные обитатели «поля чудес» уносится вдаль.

Это пушистое создание появилось в моем доме почти месяц назад. Неожиданно. А дело было так.

***

Собираюсь на дачу, вдруг звонит тетушка из соседнего дома. Рассказывает, что в подъезде бегает бездомный котенок – вот бы пристроить!

- Можете до вечера его приютить, мне уехать надо. Ждут. Тороплюсь, - прошу я тетю Лену.

- Ты же знаешь, у меня пятеро… Ладно, поезжай, - она сказала это с упреком.

Совсем недавно я пыталась забрать кошку из того же подъезда. Безуспешно. Она не подходила ближе пяти шагов и взять на руки не получалось.

Все-таки любопытство пересилило, и я зашла посмотреть.

Маленький серо-зеленый комок шипел на меня из угла. Не думая, протягиваю руку. Поцарапает или убежит – уйду! В ее взгляде читался страх, но не убежала, а еще больше прижалась к полу. И зашипела. Дико. И сама этого испугалась.

- Как она здесь оказалась? Может из квартиры выскочила?

- Да нет, не похоже. Брюшко зеленое, по траве неделю бегала.

- Если будут спрашивать-искать, позвоните мне.

Через минуту я бережно несла на руках мягкое существо, отчаянно пытавшееся спрыгнуть.

- Машка, принимай соседку, - позвала я старшую кошку. Она добрая, но с характером. В ее взгляде я прочитала: «Будь этот комок постарше, выгнала бы. Эх, хозяйка, хозяйка, что ты придумала?»

Наливаю молока в две миски, но обе кошки отворачиваются. Ладно, если сразу не рычат, это добрый знак. Однако мне пора ехать.

- Остаешься за старшую, - погрозила я Машке, а она демонстративно уходит в комнату, - а ты, - повернулась я к спрятавшейся за табуретку малышке, – осматривайся и привыкай. Все, я скоро вернусь, ведите себя хорошо.
По дороге думала, как они там, не подрались ли… Эта мысль не давала заняться дачными делами и я, на радость сорнякам, помчалась обратно.
В подъезде тишина, в квартире тоже.
- Девчонки, я вернулась. Вы где?
Они были ровно на тех же местах, где я их оставила: одна за той же табуреткой, вторая – в комнате.
Аккуратно беру на руки новенькую, поглаживаю и сажусь на диван, где уже дремлет Машка. И в этот момент комната огласилась диким, леденящим кровь рыком. Такого я от Машки за всю жизнь не слышала! Я замерла. Пошевелюсь – вдруг кинется на меня или на малышку. А малышка, как ни в чем не бывало, умывается и облизывается.
- Неужели глухая? – испугалась я. Нет, не того, что взяла больное животное, а того, что не знаю, как ее позвать, если потеряется.
Машка порычала и пошипела еще чуть-чуть, но, заметив, что испугала только меня, отвернулась. Малышка мирно засопела на моих руках. Устала. Поняла, что теперь в безопасности.

***

- Смотри, вот мой красавец, - коллега показала фото кота.
– Британец. Чистокровный.
- Симпатичный! Только я в породах не разбираюсь. А вот моя находка! - показываю
- Ты что, взяла кошку с улицы? – плохо скрывая разочарование, уточняет коллега.
- Да.
- Что-то в ней есть от британцев, вот тут, - коллега ткнула на подбородок на фото.

- Может быть. Да это не важно. Она такая добрая и смышленая! Приучать особо не пришлось. Правда обожает печенку.
Разговор плавно закончился.

***

Да, прошел месяц, но никто не искал серого котенка. Девчонки дружить не хотят. Хорошо, что не воюют. Дымка отлично слышит. Отъелась и пузико у нее оказалось белым – грязь и зелень быстро отмыли! Только малышка почти не играет. И типичного детского любопытства нет... вернее только-только появляется. Оттаивает.

Нинель Красюк

История N 9. Собачье имя

“ А это кто такой?”- подумал Бой, признанный лидер двора. Подтянутый, антрацитно-блестящий, всегда готовый рвануться вперед и выполнить приказ хозяина. Бой- охотничья собака, ягдтерьер. Его хозяин часто берет его на охоту в лес. Правда, трофеев было не так много, да и ходят они на охоту тоже не часто. Но азарт охоты никогда не покидает Боя. Он придает ему гордости за все собачье племя и за себя.

Удивление Боя вызвало нелепое существо, похожее, вроде, на собаку. Но какой стыд, разве может быть такой собака, любая, даже дворовая. К Бою приближалось что-то. Оно было коричневым (неплохой окрас, про себя отметил Бой), а все остальное – Тьфу, да и только! Чуть побольше котенка, но облезлый, котята те хоть пушистые, а этот… Ножки тонюсенькие, коротюсенькие, еле держат это существо, и он с горем пополам передвигается на них, а сзади, там где у нормальных собак хвост, у этого висел кусок шворки. Это опять его очень озадачило. Бой опять сказал “Тьфу!” Такого позора ему еще не приходилось видеть в жизни. “ Может, это мышь?”- мелькнула мысль. Но кто бы стал держать такое в доме, да еще кормить и выводить во двор, чтобы похвастаться перед другими хозяевами собак.

Нечто доковыляло до Боя, шворка попыталась подвигаться и поприветствовать Боя. Это существо сразу поняло статус Боя во дворе, и это ему понравилось. Брови Боя полезли вверх, когда существо встало у него прямо под носом. Ушки вяло висели по краям мордочки. “ А это что за дела такие, глаза-то голубые или серые узкими косыми полосками поднимались куда-то к ушам. Бой не переставал удивляться. “Нет, тут что-то определенно не так.”

- Ты кто? – спросил Бой.

- Не знаю, - вякнуло в ответ.

- А имя-то хоть есть?

- Не знаю, может быть, Буш. Я слыхал это слово несколько раз, когда меня мыли и давали поесть.

- Буш, странное имя и тем не менее я что=то подобное уже слыхал…

В это время во дворе появилась маленькая собачка. Кокетливая стрижка, бантик на кудрявой головке, ах, какая красотка! Сердце Боя радостно застучало, а хвост завертелся пропеллером.

-Это наша китайская принцесса, - успел кинуть Бой Бушу и приготовился поздороваться с собачкой.

А красотка уже была рядом с ними.

- Приветики, мальчики! - весело сказала принцесса. Она была уверена, что Бой влюблен в нее, как и все остальные ребята во дворе. Иного и не могло быть!

- А Вы, - вежливо, - обратилась она к Бушу, тоже китаец?

Буш, непонимающе, попытался поднять хотя бы одно ухо, чтобы лучше слышать.

Что за утро! Одно непонятнее другого.

Бой понял недоумение Буша:

- Видишь ли, дорогой Буш, - откашлявшись, он продолжил, - хозяин красотки только что приехал из Китая, он там преподавал музыку. Он профессор. Поэтому мы зовем ее китайской принцессой , да ты и сам видишь, какая она красавица.

- А я тут причем, - промямлил Буш.

- А Вы мне очень напоминаете китайца. Такой загорелый, разрез глаз, сдержанный. Так говорит о них мой хозяин.

В этот момент рядом с ними появился хозяин принцессы. Снизу Буш едва мог рассмотреть его. Он был так высок, как самое высокое дерево до дворе, а принцесса оказалась такой маленькой – как его ботинок.

Они вдвоем тут же отправились в другую сторону, ее хозяин кого-то громко приветствовал по имени.

- А-а-а…, Бой тоже повернулся вслед за ними. – Это Антон. Из первого подъезда.

Желтенькая, песочного цвета собачка, аккуратно причесанная, уже здоровалась с принцессой.

- Прекрасная пара, как хорошо они смотрятся вместе, не правда ли? Мне, конечно, принцесса очень нравится, но все-таки мне

по душе больше особы покрупнее, такие, как Найда, соседка принцессы. Ты только не вздумай никому об этом сказать, женщины ,они особенные, нервные, что ли, а Найда поди еще зазнается. Да и зачем им знать о моих чувствах, когда я сам еще в них не разобрался. К тому же они и дружат семьями, кто его знает, к чему это может привести. В кино вместе ходят, книги читают…

- А я смогу научиться читать, у нас тоже много книг в доме? – спросил Буш.

- Да я об их хозяевах говорил. Книги читать? – переспросил Бой. – А зачем? Нам это ни к чему. Мы ближе к Природе, все и так знаем, интуитивно, я бы сказал.

- Вы, наверно, и пишите ,- робко спросил Буш.

- -А как же. Конечно… Как бы это точнее выразиться…

- А мы, мы с хозяином пишем тоже... музыку и поем вдвоем.

Она тут же запела и дошла до первого “ля.’

Буш был в изумлении, сердце его застучало. Еще бы он первый раз в жизни слышал живую музыку

- Ну да, - продолжал Бой, - мой хозяин пишет… а как вдохновение нападет, тоже сам пописываю

- Прости, Буш, за недобрый вопрос. Я вот вспомнил, а ты не родственник какой этому ужасному террористу Бушу? Или президенту? Или это одно и то же?

- А что такое террорист?

- Так ты не родственник ему?

- А что?

- Понимаешь ли…, Бой старался не обидеть Буша. – Ты что-нибудь знаешь о своей генеалогии ? Я вот по телевизору постоянно слышу, между рекламой, понятно, что весь мир ругает Буша. Его даже 2000 женщин недавно ругали на конференции в Бангкоке. Говорят, что он самый главный террорист. Так как насчет твоей генеалогии?

- Я не понимаю, Бой, о чем Вы это говорите. От таких умных слов ему стало совсем нехорошо, и он перешел на Вы.

- Как бы тебе это попроще объяснить…- Бой поднял правую лапу и почесал левое ухо. – Это когда ты знаешь, чей ты. Сколько

у тебя медалей и грамот, кто твои мама, папа, дедушка, бабушка, всякие там сестры и братья.

- Час от часу нелегче, - подумалось Бушу.

Он только помнил какое-т о грязное крыльцо, консервную банку с водой, кусок хлеба на земле, иногда перепадал кусочек колбасной оболочки, но потом долго выплевывал песок, а так вкусная, конечно. Да, еще у него был друг котенок Васька с блохами… Помнил Буш много машин, ног, которые пинали его и топали на него. По ногам он научился узнавать добрых, глупых и злых людей… Потом он помнил чей-то нежный голос, который звал его к себе и обещал, что ему будет хорошо. “ Иди сюда. Ну, что ты так боишься меня, зачем опять прыгаешь от меня?” Потом ему было жутко плохо, когда ехал в машине. Он думал, что его уже нет вообще. Помнит первую баню, молоко. Его накормили, завернули и уложили спать в теплое место… Ах… Может быть, это и есть та самая генеалогия?

Тут он опять услыхал голос Боя:

- Так вот, я , конечно, понимаю, что ты, такой. Ты никак не можешь быть террористом, ты еще и ходить толком не умеешь. Даю хвост на отсечение, что я прав!

Отчаянный, верно этот Бой. У него и так уже не длинный хвост. Это у него от охоты. Там надо принимать быстро важные решения, и он всегда отстаивает свое мнение.

- А, госпожа Найда, радость души моей, солнце моей жизни, - заворковал Бой. – Минуточку, я сейчас, - успел он бросить уже на лету Бушу.

- Куда же это он полетел?

Крупная, красивая, сильная, у нее уж точно есть генеалогия, счастливая, думал про Найду Буш. Бой и Найда радостно обнюхали друг друга и помчались по двору. Это точно был танец влюбленных. Буш хотел понаблюдать за ними, но не успевал поворачиваться и решил терпеливо ждать, пока они не будут пробегать мимо и тогда любоваться этой красотой жизни и радости.

- Когда я смогу так же бегать ? -- горько думал он. Он сделал несколько шагов, но тут рядом возник Бой:

- Слушай, парень, ни шагу туда. Там стройка, упадешь и конец тебе, понял? Разве это двор, разве эти люди понимают, для чего двор! Двор для благородства, а не для свинства!

- Именно так, Бой, именно, - поддержала его Найда. – Ты всегда прав, ты умный, как мой хозяин профессор.

Бой благодарно глянул на Найду.

- Да. Так о чем это я…, Ах, о зеленой траве, детях, цветах… Оглянитесь вокруг, - его речь стала более возвышенной. Еще бы рядом стояли Максимус и Макс. Они стали внимательно слушать Боя и во всем соглашались с ним.

Тут сверху прямо на нос Бою капнуло белое пятно.

- Тьфу!- яростно сказал Бой. Он едва удерживался от более крепких выражений, но понимал, что оратору это недозволенно. Как только появилось это Общество защиты пернатых, птиц во дворе исчезли всякие птицы, даже воробьев не стало. От этого людского свинства, от этой грязи и этих поганых машин нет жизни, и всякая гадость может упасть на тебя прямо с неба. Одни эти вороны чего стоят!

Буш посмотрел вверх . Да, на ветке над ними сидела огромная ворона.

Она повернулась, и сразу же такое же пятно появилось на пальто таксы Макса. Этот аристократ всегда гулял в пальто. Пальто было удивительным – красное с зеленым на пуговицах. Точно из Парижа или Лондона, а может и из самого Нью-Йорка. Говорят, что он тоже охотничья собака. Но как с такими ногами, с такой фигурой и ушами, которые лежат на земле, можно охотиться. Ну, ладно, залезет он в нору, как его оттуда вытаскивать. Буш с сомнением посмотрел на Макса. К тому же, Бой ни слова не сказал о его медалях и трофеях… Да, вот Максимус – свой парень., хотя и медаль висит на груди, он с ней никогда не расстается. Понятно, каждая собака должна знать себе цену и гордиться своей генеалогией.

Внезапно шерсть на Бое встала дыбом. Все невольно посмотрели в сторону его подъезда. Заклятый враг Фил появился в дверях. Хоть Бой и приходился ему соседом, нет, не дружили они. Нет! Однажды выходили они во двор, а Фил не уступил Бою дорогу. Ему, заслужен-

ному охотнику и признанному авторитету двора. . Кровь шибанула ему в голову, когда они были уже во дворе. Бой вцепился в ухо Фила. Зубы взяло в замок и остался бы Фил с одним ухом, если бы хозяин Боя не прибежал и палкой бы не разжал зубы Боя Фила повели со двора . Все это отметили радостным лаем. Уважение и субординация – вот главные правила жизни двора. Их надо соблюдать всем.

-Слышишь, Буш, а ты все-таки попробуй узнать свою генеалогию. А у меня еще один вопросик к тебе. Ты как-то сказал, что тебя нашли осенью, уж снег начал падать и где т под кустом, говоришь. Я когда-то учил иностранные языки вместе с детьми хозяина, так я слышал, что слово “буш” означает “куст”. Может, поэтому тебя и назвали так, а? А то я никак не могу взять в голову – такой приятный молодой человек и – террорист или родственник этому террористу Бушу, что еще хуже. Ужас да и только! Да, не подумали об этом твои хозяева. Да, не пришло им это в голову. Жаль. Ладно, будем дружить- и сами, и хозяевами. Буду тебя опекать. Займусь твоим образованием и воспитанием.

- Скажите, Бой, а откуда вы столько всего знаете?- Буш опять невольно перешел на Вы.

Бой приосанился:

- Вот поживешь с мое – поумнеешь. Самообразование, конечно. Многое дает общение во дворе. Кто твой хозяин, профессор тоже ? Из хорошей ты семьи . Понимаешь, с кем я общаюсь – с одной профессурой. От Природы, тоже , конечно. Средства массовой информации. Смотрю телевизор, иногда. Много нельзя. Видишь, что с Филом вышло, свихнулся почти.

Про себя Бой думал, что он обязательно поставит вопрос о праве Буша на приличное собачье имя, но с этим надо подождать, когда Буг покрепче будет стоять на ногах. Он шел домой и мечтал, как они убегут с Найдой на стройку, он положит ей лапы на плечи и скажет самые нежные на свете слова.

А Буш был ошеломлен свалившимся на него счастьем. Такие собаки! А принцесса. Ах… Впрочем, кто его знает, какой он вырастет. Опять же эта генеалогия… Но все равно, принцесса… ах! А генеалогия?

Нинель Красюк

“Хай” - “Бай ” и Аллергия

Маленькую собачку, с ладонь, подобрали вечером перед самыми холодами, по прогнозу. Сидел песик грустный и печальный под кустом, и это обстоятельство объясняет его странное имя – Буш, которое никоим образом не связано с американским президентом.

Повезло Бушику, ничего тут не скажешь. Попал он в добрые руки и друзей у него во дворе сразу стало много. Тут уже была своя компания, но песика приняли хорошо. Такой он был слабенький и неумеха, что и все старались опекать и помогать ему, кто как мог.

Летом все разъезжались по дачам. Двор пустел, и Буш оглядывался, грустно ему было без Китайской принцессы, Боя, Антона, Рады и Найды…

Он тоже иногда выезжал на дачу, но стройка затягивалась, приезжали взглянуть, как идут дела и тут же уезжали. Место само по себе было очень красивым, родина великого национального писателя. И было бы Бушику там совсем одиноко, если бы не визиты Даны. Она появлялась вдруг, ниоткуда, и так же неожиданно исчезала. Статная, бледно-рыжая сучечка с шалыми зелеными глазами. Глаза эти притягивали Бушика. В них была тайна. Иногда ему казалось, что один глаз и Даны был синим, а другой - зеленым. Иногда оба глаза голубели, как синь неба над головой, а порой оба были зелеными, как сосны и березы. Никак Буш не мог решить для себя эту загадку. Это сильно озадачивало и смущало его, не знал, он в какой глаз смотреть. От этого сильно смущался и краснел. Даня радовалась приезду столичного гостя. Хвост Дани при редких встречах выражал искреннюю радость. Пушистым веером он то взлетал вверх, то падал вниз, а иногда вертелся пропеллером. В эти минуты Буш думал о Клеопатре или Нефертити, которых освежали такими вот опахалами.

Но вот лето пролетело быстро , и стали потихоньку возвращаться в свои пенаты дворовые друзья Буша.

Даже мельком взглянув на Боя, Буш понял, что с его другом что-то неладно. Когда они отошли в сторонку, Бой не стал скрывать своих переживаний.

- Буш, дорогой мой друг, ты не поверишь, что я испытал этим летом. Эх, да что тебе рассказывать, мал ты еще, вряд ли поймешь меня.

Буш не сводил с Боя вопросительных глаз.

- Наверно, это любовь. Вдруг пропал нюх, потерял аппетит, напала бессонница. Никакого интереса к жизни. Никакого. Разве это нормально? Вот побуду дома до следующего сезона, все проанализирую, взвешу. Для меня ясно одно. Это ме-за-льянс.

Буш, молча, слушал. Боялся, вдруг что скажет не то, ему было жалко Боя, и он боялся обидеть его. Да, Бой осунулся, похудел. Его темный экстерьер стал чернее, будто обуглился. И такая глубокая печаль светилась в глазах Боя, что

Бушу стало обидно и больно за друга. Кому нужна эта любовь, если надо так мучиться ?!

- Да, мезальянс, и мой хозяин ни за что в жизни не пойдет на это. Мы никогда не будем вместе. Ты представляешь себе этот ужас? Хозяин у меня умный, добрый, все понимающий, но у него тоже есть достоинство и уважение к себе. А я как вспомню ее, так сердце кровью обливается. А она… она… ангел… Такое прелестное создание, блондиночка… ладненькая такая, изящная.

Бушу показалось, что на мгновение глаза Боя затуманились светлой слезой.

- А как тонко она чувствует меня, будто мы единое целое. Откликается сердцем на каждое мое слово, на каждое движение моей души. Ты обратил внимание, Буш, на то, что я сказал? Откликается сердцем, а не разумом. Ее разум чист, как “tabula rasa” Да, да, у нее нет никакого образования. Такая чистая, светлая сельская пастушка. В этом ее прелесть, но, с другой стороны, в этом-то вся моя беда.

Слушая признания Боя, Буш вдруг осознал, что и на него нашла волна нежных воспоминаний, но он не понял, о ком он думал – не то о Китайской принцессе, не то о Дане. Дана хороша, слов нет, как хороша. Но однажды, играя, она так прижала Буша, что примчался хозяин, чтобы узнать, что там происходит. Буш так жалобно пискнул.

Сочувствовал, очень горячо сочувствовал Буш своему другу Бою, но он про себя отметил еще два новых слова мезальянс и “tabula rasa”. Последнее слово как-то напомнило ему английское слово “стол”, что еще больше озадачило его. Но он не отчаивался. Дома много разных словарей, есть специальная тетрадь для незнакомых слов, выражений, а иногда и понравившихся ему цитат. Втайне от всех у него появился и блокнотик со стихами, своими. В конце концов, можно спросить хозяина.

Понятно, что все новые слова резали ему слух, вначале он даже пугался их. Буш очень боялся прослыть неотесанной деревней, и потому он работал над собой, без устали занимался самообразованием и, надо сказать, делал успехи.

Как-то на днях Макс расхвастался.

- Моя хозяйка взяла меня с собой на шоппинг. Купили мне новый поводок и новое пальто. На этот раз я захотел розовое.

Китайская принцесса тут же откликнулась.

- Помилуйте, Макс. Вы же нарушаете закон природы. Розовый для “инь”, а вы, Макс, “янь”. Ваш цвет голубой. И мечтательно продолжила.

- А у меня есть розовый кардинанчик, как раз к моему розовому бантику.

Тут всех развели по домам, но чувствовалось, что разговор будет продолжен.

Так и случилось, но на этот раз удалось блеснуть и Бушу своими знаниями иностранного языка.

На ушах Буша вдруг появились какие-то высыпания. Чесались

страшно, и он расчесал уши до крови. Вот уж прав Козьма Прутков, что самая приятная болезнь это чесотка “чешешь-чешешь и еще хочется.” Дома переполох, немедленно к врачу, к ветеринару. Все в машину и поехали. Ехали долго, но еще дольше пришлось ждать. Бушу было не по себе. Из-за дверей, из другой комнаты слышались рычания собак, визг щенков и мяуканье кошек. Все страдали, всех привела сюда болезнь.

На стенах приемной висели разные картины, таблицы , рекламные проспекты лекарств, поводков, клеток. Заинтересовала Буша

одна большая, на полстены таблица с изображением разных пород собак. Тут он узнал, что есть колли и гончие, чау-чау и овчарки, пинчеры и шарпеи. Узнал Буш, что Китайская принцесса – карликовый пудель, а Бой – ягдтерьер. Антон оказался шпицем. Буш хотел узнать хоть что- нибудь о себе. Но он никак не мог найти себя. Он был похож на добермана. Тот же окрас, те же подпалины, но на этом сходство заканчивалось. Не успел Буш додумать свою мысль, как дверь открылась, и показался врач.

- Что, не находишь себя? И не найдешь, ты у нас дворянин.

Слово звучало приятно и понравилось Бушу.

Врач начал осмотр Буша и стал задавать вопросы хозяину/

- А чем вы его кормите?

- Как чем? Что сами едим, то и ему даем.

- А сухой корм даете?

- Хотели перевести на него, но Буш его и нюхать не хочет.

- Молодец Буш, понимает толк в здоровой пище. Ни в коем случае не давайте ему сухой корм. Мы уже операции делаем из-за этого Педигри Чаппи и прочего… . А теперь слушайте. Не давайте ему молока. Молочное только в виде кефира, сметаны, творога. Сыр изредка. Не кормите Буша гречневой кашей. Ни в коем случае не давайте курицу, свинину, можно только нежирную говядину и немного. Да, никаких копченостей и соленой рыбы. Нельзя баранину.

- Господи, а чем же его кормить?! Он так с голоду пропадет!

- Кашей?

- Какой?

- Любой, но не гречневой. Простой, манной, скажем, ячневой…

- Знаете, у нас сын, когда ходил в садик, то по выходным просил сварить ему кашу или макароны, но без масла, молока и сахара. Буш в сад не ходил, он не будет такую кашу есть. Доктор, а что такое приключилось с нашим Бушем?

- Ничего особенного. У него обычная аллергия, как у людей. Я пропишу ему инъекции, привозите сюда, тут будут делать или сами, если можете. Или приедут на дом. Вот рецепт на “тавегил” и

“супрастин”. Их купите в любой аптеке. А это на мазь в ветеринарную аптеку. И не мыть его, пока не пройдет.

Буш внимательно все слушал, а про себя повторял “ аллергия, аллергия, аллергия”.

Наутро при встрече во дворе Буш, хитро поглядывая на всех, сказал:

- А кто из вас знает, что такое “аллергия”?

- Хобби, - тут же ответил Максимус.

- Нет, я думаю, это какой-то новый спорт, из-за рубежа опять что-то привезли, или игра? – сказал Антон.

- Я думаю, это новый Вискас или Педигри, - сообразила Китайская принцесса. – Вас этим будут кормить, Буш?

- Эх, вы. Это благородная болезнь, как у людей. Совсем не заразная, -наконец, пояснил Буш.

- А вы не умрете от этой благородной болезни, как ее там ?- заволновалась

Китайская принцесса.

- Нет, не беспокойтесь. Давайте я вам расскажу международные новости. Моя хозяйка недавно вернулась из Мексики. Она была на конференции. Все было хорошо, но ее коллега осталась недовольной. Не было русского перевода. Она так страдала! Ничего не понимала. И когда к русскому языку будет приличное отношение?! Все эти названия, ужас!

Неожиданно для себя Буш затронул больную тему. Действительно, почему всюду эти непонятности. Зачем? Что тут началось…

- А мой Большой Китаец … - Принцесса не успела закончить фразу, как обрушился шквал вопросов: “А кто это?” “ А что к вам опять китайцы понаехали?”

- Нет, нет, это псевдоним, тайный, к я зову своего хозяина и все. Так вот, он уверен, что скоро все будут говорить по-китайски. Вы не представляете, сколько в мире китайцев!

- Ну и что из этого? Русский язык, я уже сказал выше в бо-о-о льшом спросе в мире,- миролюбиво вставил Буш. “А какая литература на русском языке! А на каком языке писал великий Пушкин!

Разве это все может так вот просто пропасть в никуда? Конечно же, нет. А вы знаете, что 170 миллионов людей в мире считают русский язык родным, а 350 миллионов понимают и могут общаться на нем. А еще надо бизнес на русском языке вести, - разразилась Рада в защиту русского языка.

- А есть компьютеры, они могут все – и в шахматы обыграли человека и перевод могут, и считать могут. Все может компьютер. Для него неважно, какой язык у его хозяина. Правда сейчас глобализация и всюду этот английский, вступил в разговор Антон.

- Нет, нет. Моя хозяйка переводила с помощью компьютера какой-то текст. Замучилась! Все пришлось исправлять. Шла речь о машине, которая паркуется, так это глупец написал “пар куется”, “ вы лазит.” Не понял, что это одно слово, а не предложение. А еще написал по-своему - Билл Клин тонн. Правда, самое смешное компьютер написал о железной дороге. Поезд шел по подкованной железом дороге!- поделилась своими мыслями Найда.

- Да, перевод – это искусство. ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО. Тут нужен полет мысли, душа, высокие чувства. Для этого нужна душа, кусок железа на это неспособен!- уверенно сказал Буш.

- А что же будем делать мы, если вдруг всех охватит компьютерная глобализация?- заволновалась Принцесса.

- Ничего. Мы же полиглоты, сказал Макс. – Покажите мне хоть одну собаку, которая не понимает своего хозяина. Хозяин скажет “Дай лапу, Джим. ” И Джим подает ему лапу. И так во всем мире.

- Да, если бы в свое время тут у нас не думали, что кибернетика буржуазная наука, то, глядишь и компьютер бы говорил по-русски глубокомысленно вымолвил Бой. ….

А еще знаете, что я вам скажу… Моя хозяйка провела несколько часов во Франкфурте, ожидая свой рейс. И знаете, она там видела такую же собачку, как я.

При этом Буш вытянулся в струнку, чтобы все увидели его экстерьер во всей красе. Пусть полюбуются. Он знал, что Китайская принцесса сказала о нем, что Буш блестит, как шоколадный генеральский сапог. Действительно, все повернулись в его сторону.

Польщенный общим вниманием и интересом к своей особе , Буш уверенно продолжал:

- На ней были такие коротенькие специальные трусики…

- Неужели памперсы в такой моде в Европе? Обязательно, немедленно, поговорю со своим хозяином, чтобы купил мне памперсы. А Вы, Рада,

Ведь тоже хотите иметь памперсы? К моему экстерьеру подойдут розовые, - мечтательно проговорила Китайская принцесса, тут же представив себя в розовом кардигане и памперсах. На головке красовался неизменный розовый бантик. Прямо модель!

К разговору угрюмо прислушивался Бой. “Подумаешь, мода?” – думал он. Но тут его осенило, А что если он подарит своей пастушке на 8 марта памперсы? Почему бы нет? Но какой цвет она любит, он не знал.

- А как Вы думаете, Принцесса, могу ли я подарить своей знакомой памперсы ?

- Естественно, если они в ТАКОЙ моде в мире. А цвет, конечно, розовый, какой же еще!

Бой прикрыл глаза. Его истомленному нелегкими думами взору представилась идиллическая картина. Он и “пастушка”! Но тут же встрепенулся, а что же он сам наденет? Может, просто костюм, джинсы или “pants”? Нет, штаны широкие и слишком просто выглядят, портят фигуру. Нет, фрак, только фрак, к памперсам подходит фрак, а цвет голубой, да именно “инь” и “янь”. И галстук-бабочку. Он тут же поделился своими мыслями с Принцессой и Радой.

- Фрак, только фрак. Вы такой серьезный молодой человек. Вам ведь нужно это все не ранее весны?

Бой согласно кивнул.

- Конечно, весной все будет голубым и зеленым , а яблони покроются розовым цветом. Да, и не забудьте цилиндр. А то будет не полный имидж.

Бой успокоился. От перспективы захватило дух.

Вот они идут вдвоем по улице. Все смотрят на них в восхищении, любуются. Чудная пара! Она на шпильках, топлис , в ярко-ро-

зовых памперсах, а на голове сомбреро. А он - в голубом фраке, в цилиндре, в “бабочке”.

Они идут, а навстречу Хозяин с Хозяйкой. Сердце Хозяина дрогнет и вопрос мезальянса разрешится сам по себе. Бой закатил глаза и схватился за сердце, которое вдруг сжалось в радостном томлении от ожидания любви.

- Бай, пипл, бай, - заторопился Бой. – Мне нужно срочно написать письмо. Обсудить кое-какие детали.

- Хай, - промямлил Буш в ответ.

- Ну, что ты Буш. В этом случае надо ответить также “бай”. “Хай” говорят при встрече.

- Мне кажется, Бой, что скоро русский вообще исчезнет, все перестанут понимать друг друга. Только и слышно всюду “ реабилитация, реинкарнация…”

- А сколько нашествий пережил русский язык! Было время, когда все говорили по-французски, кстати, даже Пушкин вначале учил французский, а писал –то он по-русски. Не лег ему на душу этот французский. И эту английскую болезнь русский язык переживет как корь. Пройдет. Хотя, вот что я думаю, иностранные языки надо учить – пока, слышишь пока, на период болезни. Или на худой конец, идти к сурдопереводчикам, чтобы научиться говорить мимикой и жестами. Или, что много лучше, но гораздо труднее - учи китайский. Это перспективно, это будущее. Выхода-то нет пока. Газеты, ТВ, вывески – все на английском. Не бойся, Буш, могучий и богатый русский язык все перемелет, оставит только то, что ему необходимо, а остальное выплюнет, как жвачку. А пока надо выдержать этот прогресс. И худа особого не будет, ты станешь умнее, будешь читать разные книги в оригинале, фильмы смотреть и понимать. Ничего, выше уши ,буш, все будет хорошо! Бай-бай!

Что ж , придется, решил Буш, учить иностранные языки. Век живи, век учись. Ладно, решено два раза я не передумываю. Сказано, сделано!

Буш направился домой. Те, кто был рядом, слышал, как Буш бубнил слова: шоппинг, амур, гламур, тюнер, бумер, супер-пупер…

Скрипнула дверь, и на площадке зазвучало: “С вами семейное радио…”

Слава Богу, подумал Буш. Я дома! нести службу по ночам в парке боевых машин. Любителей поживиться бензином и соляркой из заправленных автомобилей хватало. Особенно среди прапорщиков, да и самих часовых. По ночам мы частенько устраивали внезапные проверки. Так вот, Линда с возмущенным лаем вела офицера именно к той машине, возле которой, по ее мнению, крутился подозрительный тип. За это солдаты обзывали ее обидным словом «стукач».

После ночной смены до обеда собака в пол-ока дремала либо на пороге редакции, либо на КПП. В зависимости от погоды. Строго за пять минут до обеда шла к столовой и садилась у входа. В двух огромных, еще довоенных, бывших немецких казармах проживали солдаты и сержанты из различных штабных подразделений. Тут тебе редакция, спортклуб, комендатура, взвод связи, взвод писарей, рота водителей. Словом, армейская солдатская элита. А с точки зрения соблюдения дисциплины - самая разгильдяйская публика! Ходить строем не приучена. Так вот: и на завтрак, и на обед, и на ужин Линда всех военнослужащих приучала к строю. Ей было все равно: будь ты генеральский водитель или заслуженный спортсмен.

Сергей Малухин

Ужин серых

Зима. Вечер. Промышленный район города. На автобусной остановке железный навес ограждён стенкой в два ряда бетонных блоков от земляного откоса городского парка.

В вечерний час пик люди приходят сюда, ждут, вглядываясь в оживлённую магистраль, уезжают на подошедших автобусах. Мало кто их них оглядывается по сторонам. Никто не замечает, что происходит за пределами лучей электрического света.

Но вдруг на поверхности блоков, на снежно-ледяном насте появляется низкая серая тень. Крыса! Никем не замеченная она выбралась из своей норки, в корнях ближайшего куста сирени и, быстро перебирая короткими ножками, пробежала до края блоков. Здесь чья-то добрая рука рассыпала пригоршню крупы для птиц: голубей, воробьёв. Но уже стемнело и птицы улетели на ночлег. Теперь крупа станет ужином для ночных животных.

Крыса узкой мордочкой заглатывает пищу. Эх, жалко, что она не хомяк, щёки не раздуваются, с собой впрок много не унесёшь!

Она убегает, но через пару минут появляется снова и с прежней сноровкой проглатывает крупу. Убегает и появляется снова.

Но что это – с противоположного края остановки по блокам скользит другая серая тень. Вторая крыса! Она больше первой, «горб» её выше, зубы острее. Обгоняя соперницу, она бьёт её носом в мягкое брюшко. Первая крыса с коротким писком подпрыгивает, переворачивается в воздухе, и падает в снег за блоками. Большая торопливо захватывает крупу и убегает в свою норку. Её жильё, очевидно, находится дальше, чем у первой. За то время, что она отсутствует, меньшая успевает придти в себя, снова пробраться на блоки и утащить очередную порцию крупы.

Теперь крысы прибегали на «званый ужин» вдвоём. Если они сталкивались на своём пути, большая бесцеремонно сбивала меньшую, а если меньшая приходила, когда кормилась большая, то осторожно по краю обходила свою товарку и ела крупу сбоку, со снега.

Конечно, наши сибирские крысы не такие гурманы, как в американском мультфильме «Рататуй», но пользоваться человеческой щедростью, чтобы получить хороший ужин, да ещё и запасов наделать, могут сполна.

***

На следующий вечер на этом месте лежала не расклёванная птицами кучка семян подсолнечника.

Юстасия Тарасова

Апостол

Апостол. Это я. Я лежу на крашеном деревянном полу в чужом, холодном доме, находящемся далеко от моей госпожи. Иногда ко мне подходят хозяева этого дома и предлагают еду. Я не хочу есть. Я хочу быть с моей госпожой.

Я не знаю, который сегодня день, и как давно я здесь живу. Я потерял счёт дням. Слишком много их прошло с того вечера, когда моя госпожа оставила меня здесь. Я жду её. Она вернётся, обязательно вернётся.

Хозяева моего нынешнего жилища добрые люди, они беспокоятся обо мне и переживают, как бы я не заболел от голода. Их дом стоит в красивом, хотя и очень запущенном саду. Из окон видны распластавшееся вдали озеро, огромное озеро и обрамляющий его лес. И ни одного дома по соседству. Я понимаю людей, живущих во всеми забытой глуши. Эти отшельники действительно добрые люди. Но они не могут заменить мою госпожу…

1.

Сначала была темнота. Я проснулся в чём-то тёплом и очень мокром. Я полежал немного и решил выбраться из этого места. Я отталкивался и ползком пробирался вперёд. Там, впереди, был выход, я чувствовал это. Жидкость, окружавшая меня, передвигалась вместе со мной. Я старался изо всех сил, но сил у меня было не так уж много. Каждое движение утомляло меня, но я решил выбраться во что бы то ни стало. Я медленно, но верно продвигался вперёд. Рывок, ещё рывок, и неожиданно я почувствовал, что освобождаюсь из своего заточения, сделал ещё несколько судорожных движений и упал на что-то твёрдое. После пребывания в темноте яркий свет ослепил меня, и я потерял ориентир. Я сделал первый глоток воздуха, поперхнулся жидкостью, которая всё ещё окружала меня, и громко закашлялся. Я родился и кашлем оповестил об этом всех присутствовавших. Чьи-то заботливые руки избавили меня от надоевшей липкой оболочки и положили на мягкую подстилку. Перенесённые трудности рождения утомили меня и я уснул.

Первый месяц моей жизни я провёл среди братьев и сестёр, родившихся в один день со мной. Все они, как и я, ослепли во время родов и нам потребовалось больше трёх недель, чтобы привыкнуть к свету и научиться различать предметы. Мы все ещё были слишком слабы, чтобы самостоятельно передвигаться, но каждый из нас пытался стоять и даже ходить. Иногда конечности разъезжались в разные стороны и мы неуклюже падали, звонким шлёпаньем на пол подтверждая свою несостоятельность в ходьбе.

Когда первый месяц истёк, я снова оказался в тёмном тесном помещении, рядом сидели мои брат и сестра. Мы слышали хлопанье дверей, гул, урчание, грохот, снова гул, снова хлопанье дверей. Нам было тесно и всё же мы единогласно решили, что если нам опять предстоит родиться, то мы отказываемся, сколько же можно. Но скоро брата и сестрёнку вытащили, и я остался один. Мне уже порядком надоела темнота и я боялся, не забыли ли про меня. Снова хлопали двери, что-то урчало, меня беспардонно раскачивали из стороны в сторону. Наконец всё стихло и то, в чём я находился, поставили на пол, я определил это по запаху, пахло краской, линолеумом и немножко пылью. Что-то заскрипело, сверху появился свет и незнакомые руки извлекли меня на свободу. Та, чьи руки держали меня, поцеловала меня в нос и осторожно опустила на пол. Я испытал странное чувство, как будто я стал чьим-то. И одновременно я почувствовал, что очень хочу справить нужду. Не в силах сдержаться, я сделал лужу на полу и отскочил в сторону. Та, что поцеловала меня в нос, засмеялась и вытерла лужу тряпкой. И сейчас я безошибочно нашёл бы то место, где сделал лужицу в день знакомства с моей госпожой.

2.

Первые три ночи я не мог уснуть. Я лежал на грелке рядом с плюшевым мишкой и старался быть смелым. Но ночью очертания незнакомой комнаты сливались в зловещую тьму, мне становилось страшно и я плакал. Тогда она брала меня на руки и ходила по комнате. Потом клала меня на свою постель и я засыпал, чув-

ствуя тепло её рук. Она обнимала меня даже во сне и ничто уже меня не пугало. Полночи она носила меня на руках, а утром никак не могла встать в школу.

Она кормила меня шесть раз в день и всё же я постоянно был голоден. Я рос. Когда мне исполнилось два с половиной месяца, она подарила мне ошейник и поводок. Я породистый. Но ей это было всё равно, она любила бы меня, даже если бы при рождении я не получил документов, подтверждающих моё благородное происхождение. Она подарила мне новенький рыжий ошейник, который пах кожей, и сказала, что мы едем на выводку. Я не знал, что такое выводка, но поехал бы с ней хоть на край света, потому что тогда она уже была моей госпожой.

Она целый день готовилась к поездке и очень нервничала. Ночью за нами приехало такси, а она так разволновалась, что забыла дома сумку с фаршем, который приготовила для меня. Она схватила меня в охапку и побежала к такси. В машине было тепло и непривычно. Пахло отвратительно. Я первый раз очутился в машине, и меня слегка подташнивало. Я уже знал, что такое снег. Меня каждый день выносили на улицу. Я знал, кто такие Зубенки, потому что они приходили поиграть со мной. Но я понятия не имел, что представляет собой машина, и какой у неё запах. Когда мы выбрались из такси, я был по-настоящему счастлив. Я нюхал снег, изо всех сил тянул новый поводок и бегал по площадке, которую ещё называли перроном. Потом она взяла меня на руки и занесла в поезд, в каморку со смешным названием купе. В этом самом купе уже сидели мои брат и сестра, те, что путешествовали со мной в темноте. Когда никто не видел, мы съели упавшую на пол колбасу. С нами ехал ещё один, чёрный пушистый щен, водолаз по призванию.

Утром я проснулся в машине. Мы снова ехали в такси, но недолго. В клубе собаководства собрались люди, чтобы посмотреть на нас. Это и была выводка. Мы бегали друг за другом по кругу, потом наступило время завтрака и нас повели кормить. Она повязала мне голову полосатым кружевным платком, чтобы уши не падали в чашку, и разговаривала с людьми, которые столпились вокруг,

будто никогда не видели, как ест собака. Потом строгая дама дала ей грамоту, заверявшую, что я – Апостол, породно правильно выращиваемый пёс, щенячьего розового окраса, прикус правильный, рахитом не болею. И ещё ей дали медаль за выращивание меня. Дома она показывала эту медаль всем гостям, а Зубенки подарили мне много печенья и все по очереди поцеловали меня.

Когда мне исполнилось четыре месяца, я стал сам спускаться по лестнице. До этого мне разрешалось только подниматься, а вниз меня относил её отец, чтобы я не испортил задние лапы. Но к четвёртому месяцу я стал ростом ей по колено и весом около двадцати пяти килограммов. Я сам спускался по лестнице и уже гулял на площадке вместе с взрослыми собаками.

А потом наступил май и она уехала на море. Она плакала и говорила, что не хочет никуда ехать, но так надо. Со мной гулял её отец. Он вожак её стаи и я слушался её вожака. Она прислала мне письмо с моря. В конце июня она вернулась и мы снова были вместе. Она рассказывала всем, что когда я был маленьким, я рвал в клочья газеты и журналы, а однажды обгрыз её учебник литературы. И тут же добавляла, что прислала мне с моря письмо – просто листочек бумаги, который подержала в руках, и как она была ошарашена, когда вернулась и узнала, что я спрятал этот листок под подстилку и рычал на её родителей, когда они приближались к моему тайнику. Я разрешил забрать этот листок только ей. Почему-то ей это казалось невероятным.

3.

Она вернулась с моря и мы переехали. Ей хотелось учиться в самой лучшей школе. Мы стали жить в том городе, где была моя первая выводка. Почти каждые выходные мы проводили в поездах. Выводки, выставки, дни породы. Она сшила мне специальный фартук для медалей. Мой дед вывезен из-за границы, мой отец чемпион международной выставки, моё будущее безупречно – я перспективный. Так говорили судьи. Она всегда слушала замечания судей, но поступала по-своему. Она держала меня в форме.

Каждый день двухчасовая прогулка, диета, витамины. Раз в неделю она водила меня на травлю. Ей нравилось, как я дерусь. Ей нравилось, как я побеждаю. Она заливала мои раны едкой гадостью и наигранно возмущалась: «Нет, Апостол опять подрал Робара».

Её друзья остались в том городке, где я вырос, и она ездила к ним каждый месяц. Я привык к запаху бензина. Она говорила, что такая кочевая жизнь угробит и здорового пса, а про меня с моим гастритом и думать страшно. Какой-то коновал сказал ей, что у меня на нервной почве разыгрывается гастрит с пониженной кислотностью. И я не мог возразить.

Люди – далеко не единственные животные, передвигающиеся на двух ногах и пользующиеся достижениями цивилизации. Утром я просыпаюсь от звона будильника, еду мне готовят на электроплите, продукты хранят в холодильнике. В поездах собак возят в купейных вагонах, а проезд в троллейбусе равноценен проезду человека. И всё же люди считают себя высшими существами только потому, что остальные животные не изъясняются на их человечьем наречии.

Она пичкала меня лекарствами, надеясь вылечить гастрит, которого у меня никогда не было.

4.

У меня есть собака, верней,
У меня есть кусок души,
А не просто собака.
Я люблю её и порой
Очень сочувствую ей:
Нет собаки у бедной собаки моей.
И вот, когда мне бывает грустно…
А знаешь ли ты, что значит собака,
Когда тебе грустно?
… И вот, когда мне бывает грустно,
Я обнимаю её за шею
И говорю ей:
«Собака,
Хочешь, я буду твоей собакой?» *

Она очень любила эти стихи. Когда ей бывало грустно, она обеими руками обхватывала меня за шею и рассказывала о своих неприятностях. Потом включала музыку. Звуки гулким потоком вливались в комнату. Мы сидели на полу и она читала мне стихи. Она тренировала память и заучивала отрывки из толстых тяжёлых книг. Она говорила, что я апостол, посланный ей на землю. Собака, хочешь, я буду твоей собакой? Эти стихи переписала откуда-то и подарила ей школьная подруга, и она их очень любила. А я любил её.

5.

Она попала в автомобильную аварию. Я всегда знал, что машинам нельзя доверять. Вожак её стаи сказал, что всё будет хорошо, взял две большие сумки, от которых пахло перевязками и уколами, и уехал. Каждый день приезжали Зубенки, кормили меня и водили на прогулку. Была осень, грязно, гулять не хотелось.

Через месяц её привезли домой. Теперь она не училась в школе и мы всё время были вместе. Она уже могла ходить и скоро я начал водить её на прогулки. Раньше она выгуливала меня, а теперь я помогал ей спускаться по лестнице. Я осторожно шёл рядом, держал её руку зубами и она не вынимала руки из моей огромной и, как утверждают, страшной пасти. Я выводил её во двор, а потом мы медленно возвращались, останавливаясь на каждом лестничном пролёте. Она быстро уставала.

Весной мы стали гулять на площадке. Я драл всех собак подряд, она оттаскивала меня и довольно смеялась, потому что ей нравилось, что меня боятся. А мне нравилось быть её защитником.

Летом мы каждый день ходили на реку. Она привязывала меня на берегу и шла купаться. Однажды я порвал поводок и кинулся в воду. Тот шустрый щен, водолаз по призванию, с которым мы ехали на первую выводку, всегда вытаскивал свою хозяйку из воды и его наказывали за это, потому что он мешал купаться. Это был мой друг, его продали и больше я его не видел. А меня никогда не

ругали, наоборот, она рассказывала всем, что я вытащил её, когда она тонула. И показывала, как я нечаянно оцарапал её тогда. Она стала бояться воды и мы плавали вместе. Я плыл, она держалась за ошейник.

У неё появился парень. Она сказала, чтобы я привыкал, и что у меня появился новый хозяин. Но она ошибалась. У меня появился новый враг. Он считал, что я съедаю слишком много её жизни. Она слишком много гуляла со мной и мало учила уроки. Однажды он заорал на неё, что так она не сдаст никакие экзамены. А я зарычал на него. Он испугался и замолчал. Он меня боялся.

…Это случилось летом. Она резала мясо, а я ждал возле кухни, когда приехал он. Он сказал, что машина у подъезда, пора ехать, и чтобы я не задевал его своими противными слюнями. Я принёс поводок и она, не переодеваясь, в заляпанной майке спустилась вниз. Машина вредно чихала, мы ехали по пригороду и моя госпожа была грустна. Я хорошо знал эти места, раньше в пригородном лесу часто проводились выставки. А куда мы ехали потом, я не знал. Я уснул и проснулся, когда машина остановилась возле старого дома с облезшей краской на дверях. Дома, который находится неподалёку от большого озера, и в котором я сейчас живу. Они очень торопились и сразу уехали. А я остался здесь. Ей, наверное, сейчас не хватает меня. Он не дарит ей свои кости, даже обглоданные. И он никогда не поймёт, как это: «Собака, хочешь, я буду твоей собакой?»

Я лежу на крашеном деревянном полу в чужом доме, находящемся далеко от моей госпожи. Я не знаю, как давно я здесь живу, я потерял счёт дням. Слишком много их прошло с того вечера, когда она оставила меня здесь. Она вернётся, обязательно вернётся. Я жду её.

***

То и дело поглядывая на часы, молодая женщина вышагивала по коридору ветеринарной клиники. Устав от ходьбы, она привалилась к стене возле двери кабинета. Наконец дверь распахнулась, на пороге появился врач и, взяв её за руку, повёл к выходу.

– Не волнуйтесь. Он уже спит. Погребение оплатите дополнительно.

Выходя на залитую солнцем улицу, доктор продолжил: – Не нужно воспринимать так близко к сердцу. Его всё равно доконал бы гастрит. – Он помог своей клиентке сесть в роскошный автомобиль и завёл беседу с господином, всё это время находившимся в машине. Тот внимательно выслушал подробности операции и поблагодарил за срочное выполнение заказа. Врач удовлетворенно кивнул и удалился.

Женщина сидела неподвижно, уставившись в точку на лобовом стекле. Слёзы, которых она не замечала, текли по её красивому лицу и падали на платье. Господин обеспокоенно покачал головой, достал из кармана телефон и записал: «Купить щенка масти Апостола. Не забыть: белое пятно на левом боку». И, водворив телефон на место, неторопливо пошёл к кассе.

** Хулио Сезар Сильвайн, «Блюз о моей собаке»*

Елена Емелина

Чужой кот

Пушистый серо-белый кот пришел к нам в сад и пожелал в нем остаться. Надо сказать, сначала мы этого не поняли. Просто погладили и приветливо с ним поговорили. Ведь бездомных кошек в нашем районе давно не замечалось. Но кот пришел и на следующий день, и так далее. Наконец, пришла осень, ноябрь с дождем и снегом – а кот сидит у меня под окном на каменной террасе.

И я впустила его в дом. Конечно, накормила. Вычесала колтуны. Заметила подрезанные ушки, явно после обморожения. На коте обнаружился ошейник с информацией: меня зовут Каспер, мне 13 лет, телефон и имя хозяйки, Елизавета. И я позвонила. Елизавета любила животных. У нее была еще одна кошка, а также птички, пара кроликов, аквариум и маленький любимец – песик, мальтийский лев.

Потом я звонила каждый день, чтобы Елизавета забрала своего кота после работы. Однажды она позвонила мне: Каспер исцарапал хозяйку, вырвался у нее из рук – и умчался к нам на террасу. Она горько упрекала меня в том, что я прикормила, приручила ее Каспера. «А теперь забирайте его», - сказав так, Елизавета бросила трубку.

Но в мой образ жизни на ближайшие пять лет не входило принятие кота в дом, отъезды не способствуют благополучию животного.

И я позвонила Елизавете, извинялась, не знаю, за что. Не впускать животное в дом и держать его на холоде было выше моих сил. Видимо, за ее огорчение и мою слабость я и извинялась. Но мне важно было сказать другое: если кот уходит из дома, где он прожил тринадцать лет, для этого должна быть веская причина. Какая?.. Не уверена, что я была услышана.

Каспер остался у нас и прожил три счастливых года. С самого начала на его шее прощупывался комок под тонким слоем мышц. Это была опухоль, расположенная слишком близко

к крупным сосудам, не операбельный рак. Те, у кого болели и умирали животные, могут представить себе все, через что мы прошли с Каспером.

Он умер, завернутый в одеяла, на любимой своей террасе под весенними лучами апрельского солнышка. Теперь в саду есть камень, на котором написано «Каспер».

Елизавета ничего не знала о болезни Каспера. Не всегда любовь к животным включает внимательное к ним отношение. Она завела черную кошку с ясными глазами, которая иногда заглядывает в наш сад.

Никита С. Митрохин

Мини-пиг

У меня, господа, собака хорошая. Я ее на улице нашел. Дворняга, правда, но издали смотрится как хаски. Я и сам, до того, как хаски «вживую» увидел, думал, что у меня породистый зверь живет. Спайком пса зовут.

Вообще, у Спайка интересная родословная. Ему и терьеры родственники, через жену моего брата. Но я его не за то люблю.

А история у меня приключилась следующая. Близ наших домов построили отличный коттеджный поселок. Такой хороший поселок: трава кругом, скамеечки, лес рядом. В общем, красота! Ну, а я, будучи эстетом и красоты обожателем- там часто гуляю.

Недавно весь коттеджный поселок заселили людьми. Менее красиво стало, но гулять можно. Вот я там вечером и гулял. Дошел, значит, до начала поселка и отправился через него к дому.

Иду, красотой наслаждаюсь, а тут вдруг выбежит какая-то шавка и прямо, господа, на Спайка помчится.

А Спайк, в силу своего преклонного возраста – трусливый. Он побежал прочь. За меня уже не прячется, знает, что в собачьих делах я ему не помощник. Тут я за своего пса испугался. Шавка-то может ростом и не велика, но явно энергичная, да и зубы, вроде, не мелкие.

Только я щебень набирать стал, как слышу детский голос:

- Пап! Даша сбежала.

Ну, господа, я уже решил что сучка. А если сучка, то пса не тронет. Побежал я за Спайком и вижу:

Пес мой весь сжался. А Даша, та сучка, его нюхает. Но, что-то в мне в той собаке не понравилось. Жирноватая какая-то и глаза уж, простите очень маленькие. Присмотрелся я и вижу: совсем это не сучка, точнее сучка, но не собачья. Свинья это, мини-пиг. Стоит и обнюхивает моего Спайчика.

И свинья, я заметил, жирная бока прямо свешиваются. Очень на мою тещу Дарью Михайловну боками походит. И имя такое же.

Тут, к сожалению, папа, хозяин Даши прибежал и забрал своего пига. Я же очень вдохновился свиньей Дашей. И пока мы, господа, домой шли, решил – когда теща умрет, обязательно, я жене такую же свинку подарю. И назовем мы ее Дашей в светлую память о любимой теще Дарье Михайловне…

Гадания на клетках

Последнее время, часто можно увидеть Дениса Александровича в коридоре рядом с двумя клетками. В каждой клетке по семье хомячков-песчанок. В одной клетке, старой и прочной, две песчанки. Во второй шесть штук.

И, так как первая клетка старенькая и обшарпанная, то представляется эта клетка Денису Александровичу как Россия. А вторая клетка: внутри у нее все пластиковое, она двухэтажная и цветная. Представляется та клетка Денису Александровичу как Америка. А зеленый домик, что на втором этаже цветной клетки Денис Александрович презрительно называет «Макдоналдсом».

И стал Денис Александрович замечать, что действительно: часто получается так, что песчанки из старой клетки русскую смекалку проявляют. Скажем, сблизить если те клетки, то песчанки из обеих клеток пытаются друг друга достать. Прутья грызут и прямо подпрыгивают. Так песчанки из русской клетки прямо через прутья лапу протягивают и по морде вражеской песчанке! Или, пока американцы прутья те металлические грызут, русские к пластиковому дну спускаются и пластик тот подгрызают!

У Дениса Александровича, эти проявления русской смекалки, как он ее называл, столько радости вызывают. Он даже гадал на русских и американских клетках.

Скажем, встретился наш политик с американским, Денис Александрович, клетки сблизит. Если песчанки грызть начинают, значит - не договорятся. А если русская песчанка еще и по морде американской заедет, значит - драка будет. Самое интересное, что все это сбывалось!

А недавно песчанка из маленькой клетки трех детенышей родила. Так Денис Александрович утверждает, что будет у нас, в России повышаться процент рождаемости. Я, хотя ему и не верю, но все-таки с интересом наблюдаю за всем происходящим. А когда у меня жена забеременела, то понял я, не врут гадания. Не врут!

Холодно

Вот и ветер стал дуть. Я поджала под себя лапки. Уже хорошо, что снег не идет. А то тогда совсем плохо было бы.

Один из моих щенков стал плакать. Я ничего не смогла сделать, кроме того, как опять начать его вылизывать. Холодно. Я вся тряслась. А еще и мои дети плачут. Им тоже холодно. Лучше бы их не было. У меня не хватает сил…

Вообще, раньше я жила очень даже хорошо. Мне по человеческим меркам два с лишним года. Странные эти мерки. По нашему, по нормальному, мне семнадцать. Не понимаю как я оказалась здесь Жила себе и жила, ни о чем не жалела. А как-то раз хозяин - очень милый человек, у него есть дети, они его «папой» зовут – пригласил меня в салон своей машины и мы поехали. Потом он меня вывел из машины, мы с ним в лес пошли. Хозяин сказал сидеть – я села. А сам он ушел. Не понимаю, зачем он так поступил! Где же ты мой любимый хозяин, папа?!

Холодно. Я еще плотнее придвинула своих детей к себе. Знаю, это не правильно, что мать греют дети, но и я их грею. А стена этого кирпичного дома, тоже немного теплая. Как хорошо, что я нашла этот поселок невдалеке от леса. Главное чтобы меня хозяин нашел. Он же, возможно, в лес вернулся. Я хотела бы сейчас туда пойти, но слишком холодно, да и у меня здесь дети…

Кто-то подошел к дверям подъезда. Принюхалась - и стало понятно – это был мальчик. Он мне как-то булочку дал. Хороший мальчик. Он, кажется, меня позвал, но я не подошла - у меня дети…

Я почувствовала, что что-то не так. Я стала вылизывать щенков. «Все так, все так, как надо!» - судорожно вертелось в голове.

Но все было хуже некуда – один из моих детей умер. Замерз, стоит полагать. Я взяла его и, приподнявшись, отодвинула в сторону.

Нос стал мокрым, из глаз тонкой струей потекла немного соленая на вкус вода. Мне очень больно, Умер мой ребенок, совсем маленький. Я не сберегла.

Улегшись рядом с оставшимися я опять задрожала. Холодно….

Было утро, мы с Митей стояли и раздумывали над ситуацией; около нашего дома все время крутилась рыженькая собака, и вот теперь она умерла.

- Отволочь на хрен! – сказал Митяй.

- Куда?

- Да, на мусорку!

Мы подняли собаку, у нее, оказывается, и щенки уже появились от моего Рекса. Совсем маленькие. Наверное дня два им… Завернув рыженькую собачку с ее щенками в клеенку мы с Митяем пошли на помойку.

Мороз щипал кожу. Было очень холодно. Начинался новый день.

«Найденный друг»

В новой квартире не стоит жить одному, считал я, и поэтому хотел купить себе собаку.

На пути попался зоомагазин.

Признаться, мне показалось, что магазин - так себе. Какой-то он был маленький и тесный! А ведь считался лучшим в Москве …

Меня сразу привлекли два щеночка какой-то декоративной породы: ушастенькие с гладкой светло-рыжей шёрсткой. Мне они показались очень забавными.

Все остальные собачки были только в одном экземпляре. Пёсики лежали в маленьких клетках и, по-моему, скучали. А, приглянувшиеся мне щеночки, казались счастливыми. Они играли, покусывая друг друга.

Таких, если брать, то вместе,- размышлял я.

Но,- двадцать девять тысяч за одного - не шуточная цена…. Таких денег в кошельке не было.

Холодно

От запаха, что стоял в зоомагазине, у меня разболелась голова. Лучше выйти на улицу, покурить…

Грустная штука - жизнь, - думал я, затягиваясь сигаретой. Вот играют эти щеночки, и они счастливы, вряд-ли их кто-нибудь сразу двоих купит. Но они же всю свою маленькую жизнь дружат! Придёт в магазин какой-то человек, заплатит деньги, возьмет одного щенка и скажет ему – «Я купил тебя, и теперь ты мой друг!»

А щенку может совсем не хочется быть его другом. А кто его спрашивает? Никто! Он товар, и все тут…»

Я бросил окурок в урну и пошел от зоомагазина прочь. Мне не хотелось разлучать пёсиков.

……

Подходя к своему дому, я заметил на перекрестке маленькую собачку. Это был обыкновенный дворовый щенок. Я взял его на руки:

- А ты тут совсем один?

Щенок вяло вильнул хвостом.

- Хочешь, мы с тобой друзьями будем, а? – я подмигнул щенку.

Тот завилял своим хвостиком более энергично.

- Ну, что ж…тогда пошли!

Мы шли к моему дому. Щенок бежал за мной, стараясь не отставать.

Худенький маленький и совершенно бесплатный.

Так вот в чём дело! Друзей не покупают, их находят…

Беспородный

Был дворовый пёс ничьим
и в тоске – неизлечим.
Быть ничьей нельзя собаке.
На цепи, и даже в драке
защищать, стеречь она
хоть кого-нибудь должна.
Ты собаку приютила,
приласкала, приручила.
Пёс привык – он пёс и есть –
из твоих ладошек есть.
Он ещё беды не ведал,
за тобой бежал по следу,
по-собачьи верным был,
и одну тебя любил.
Но беда, что пёс безродный
был кровей неблагородных.
И сказал один мужчина,
мопса в поводке держа,
- Не к лицу вам эта псина,
мне вас, дама, очень жаль…
Вам пошёл бы чёрный пудель.
Или вот такое чудо,-
он на мопса показал.
- За него три сотни баксов
прошлым летом я отдал…

И однажды, днём субботним,
был февраль, трещал мороз,
я увидел в подворотне –
гложет кость бездомный пёс.
Тот, кого забыв про жалость,
прогнала ты со двора.
Подряхлел, и шерсть свалялась.
Я его признал едва.

Каждому, который предан
дому, женщине, друзьям,
быть ничейным очень вредно.
А, верней, - никак нельзя.

Юрий Согрин

Дворняга

Жила себе безродная дворняга
Заботою и радостью своей.
Двор охраняла просто, без напряга,
Да и какой напряг в кругу друзей.
Порой бывало добрая хозяйка,
Давая миску полную костей,
Промолвит: «Ты ж совсем не пустолайка –
Спасаешь от непрошенных гостей».
Дворнягу это очень умиляло.
И чтоб хозяйке верность показать,
Она хвостом неистово виляла,
Как бы стараясь что-то ей сказать.
А благодатной летнею порою,
Когда трава напьётся тёплых рос,
Хозяйка каждый год брала с собою
Дворнягу на далёкий сенокос.
То было время радостных волнений:
Пробежки по лесу, дух зверя в ноздри бьет…
Дворняга разных, ярких впечатлений
С собой брала на много дней вперёд.
Чтобы однажды осенью унылой,
Или зимой, укрывшись в конуре,
Припомнить, как удачно подловила
Зверюшек, затаившихся в норе.
В таких заботах дни дворняги длились,
Нанизываясь бусами на нить…
Но вот однажды двери не открылись,
Хозяйка не пришла её кормить.
Предчувствуя неладное, дворняга
Завыла громко, сколько было сил.
Пришёл хозяйкин сын. Сказав: «Бедняга,
Осиротели мы» - ошейник отцепил…
Когда хозяйку понесли куда-то,
Брела дворняга за толпой людей.
За разговором о безвременной утрате,
Никто не вспомнил, не сказал о ней.

Потом хозяйку в землю положили,
Оставив сверху бугорок земли,
В молчании то место окружили,
Поплакали немного и ушли.
Дворняга к бугорку прошла несмело,
Не в силах происшедшее понять,
Обнюхала и принялась за дело –
От злых людей хозяйку охранять…
Рубцуются не все порою раны.
Когда к могилке дети вновь пришли,
Безродную дворнягу бездыханной,
Лежащей возле холмика нашли.

Любовь Тетерина

Бродячий кот и город

Улицы вечером блещут неоновым всполохом,
Тёплое золото лампочек в каждом окне.
Тихо бреду, подгоняемый страхом и холодом.
Город и кот. Отношения - как на войне.

Видите, люди, расцветка моя камышовая
И янтарём отливают шальные глаза.
Мне бы уехать в деревню, где домик с коровою,
Сено в сарае, поля и реки бирюза.

Только не знаю дорогу я в то Простоквашино,
Где в холодильнике рыба, сметана и сыр.
Страшно голодный… сейчас бы котлету домашнюю…
Дама, у Вас не найдётся куска колбасы?

Ой, благодарствую! Может, со мной по дороге Вам?
Я провожу…Вы не против? Хотя б до угла.
Холодно, милая? Вижу, и Вы одинокая…
Мне бы хотелось отдать Вам запасы тепла…

Ваше «кис-кис»…Нежный взгляд…
Неужели мне грезится?
Тихо мурлыкну, прижмусь головой к сапогу.
Нет, не прошусь…Понимаю, что глупо надеяться…
Что Вы сказали? Конечно, согласен! Бегу!

Бродяга

Бездомный пес, бродяга,
Без имени, без рода,
Живет свободной жизнью,
Один из стаи сброда.

Всю жизнь недоедая,
Голодный взгляд свой прячет,
На лапы две хромая,
Пес неуклюже скачет.

Ободран и взъерошен,
Не знал людской он ласки,
Забытый всеми, брошен,
Он ждет судьбы развязки.

Старый пес

Сознание теряя в голодном бреду,
Под кустом замерзает у всех на виду,
Старый пес.
Бесконечной кажется зимняя ночь,
До костей пробирает, терпеть уж невмочь,
Лютует мороз.
Люди проходят, он лежит на снегу,
Без дома, без крова в злую пургу,
В наледь вмерз.
В провалах сознания жаркие дни,
Яркие солнцем, согревают они,
Пес замерз.

***

Мне все говорят, что зря не уехал,
Что в полупустыне - какое житьё?
Но под январским распущенным снегом
Кто здесь подкормит моих воробьёв?

Кто подзовёт вдоль дороги бегущее,
Поджавшее лапку собачье сердце,
И над казённой песочной гущей
Отдаст мой хлеб, попадая в терцию

Между ударами, как снайпер пулю,
Как Волга напоит свои берега,
Когда предпоследняя пыльная буря
Тихо погладит меня по щекам,

И возвратится бетонный холод,
И вместо нас не придут другие?
И весь мой родной вымирающий город
Как бездомное сучье замёрзшее вымя.

Щенок

Я - бездомный щенок, я - дворняжка,
Потерявшись, остался один,
К инвалиду в потёртой тельняшке
Притулился, но сей господин,
Обругав меня, с бешеной злобой
Отогнал, а потом захотел
Двум корейцам продать на кабобы -
Я едва избежал злой удел.
Не привечен никем в этом мире,
Дни проходят в горячечных снах,
Не мечтаю о тёплой квартире -
Лишь бы палкой не вдарили в пах...
Иногда кто-нибудь да покормит,
Пожалев бедолагу-щенка,
Так что завтрак, обед или полдник
Помогают держаться пока.
Только нынче зима, холодает,
Как совсем без тепла дотянуть
До чудесного светлого мая,
Одолев чёрно-белую жуть?
Кто-нибудь, оглянитесь, я - славный,
Стану верным и преданным псом;
Тяжело без людей и без мамы
Впасть в предсмертный, болезненный сон...
Говорят, что бездомные кошки
Могут выжить лишь несколько лет,
А собака поболее сможет,
Если бросить десяток котлет;
Но увы, вероятность ничтожна -
Люди стали жадны и бедны,
Так что пару неделек, похоже,
И помру, не дожив до весны...

Про кошку Алису

Ты была наивна, но мудра,
Бедная красавица Алиса,
И всегда желала всем добра,
И лечить умела, наша киса.

Глазок голубых лукавый взгляд,
Радость ожиданья угощений -
Всё прошло, лишь две свечи горят
В память о кошачьем всепрощеньи…

Вот уже который хмурый день
Сердце разрывается на части,
Ссохся мозг от боли, словно пень -
Следствие нежданного несчастья.

Мы тебя лечили, как могли,
От души надеялись на чудо,
Тонкий лучик веры грел вдали,
Но судьба сложилась препаскудно,

Ведь ушла от нас в расцвете лет,
Лишь хвостом вильнула на прощанье -
Сей последний горестный привет
Погрузил семью во тьму печали.

Маленькая добрая душа,
Где теперь витаешь на просторах?
По тебе скорбим, едва дыша,
В небесах парит лишь чёрный ворон…

Владимир Хорошевский

Кошке Маше, спасшей подкидыша

От автора: это реальная история, произошедшая в наши дни, и настоящее фото героини сюжета

Как обычно, погревшись в подъезде,
Где коробочка-спальня твой дом,
Прогулялась с подругами вместе,
А вернувшись, с огромным трудом
Поняла: приближается горе,
Ведь в коробке ребёнок лежал;
Проорала неслыханным воем
Три часа, словно острый кинжал
Кто-то бросил в тебя и поранил,
Только ты волновалась о том,
Кто лежит в той коробочке-спальне,
И кого согреваешь с трудом. -
Да, додумалась мудрая Маша
И в коробку тихонько сама
Ловко влезла, почувствовав старшей
Медсестрой, хоть сходила с ума
От жестокости чёрствой мамаши,
От беспутства отдельных людей
(Может быть, мать дитя тоже Машей
Называют, и так же в нужде?)
Но когда прибежала соседка
На бессонные “мяу!” в ночи,
А потом прикатила карета
“Скорой помощи”, чтобы спасти
Еле тёплый комочек, ты строго
Поглядела, мурча, на врачей,
И бежала вослед по дороге,
Не жалея разбитых когтей,
Чтоб уверенной быть, что помогут,
Отогреют дитёнка теперь;
А поздней, посидев у порога,
Ты открыла подъездную дверь,

И полезла в родную коробку,
Наконец отоспаться решив;
Только люди от радости робко,
Тихо, молча, как съели аршин,
Подходили к тебе с лакомствами,
Кто-то даже решил взять домой,
Увидав, что сама станешь мамой,
Чтобы род был кошачий живой…
Ты не ведаешь, как знаменита -
Целый мир голосил: “Вот дела! -
Кошка Маша ребёнка от пытки,
От мучительной смерти спасла!”
Но тебе абсолютно “до Фени”
Бум бездарных людских новостей;
Для тебя бесконечно важнее,
Что дитя ждут тепло и постель!

Две приметы

Солнце встало над селом,
Баба шла с пустым ведром.
Тут навстречу ей идёт
От соседки Чёрный кот.
Вот такая здесь задача,
Баба стала чуть не плача.
Как же по воду пройти,
Чёрну нечисть обойти?
Кот дорогу перешёл,
Дальше тоже не пошёл.
Кот в приметы так же верит,
Да никто ведь не поверит,
«Встретить бабу - думал он-
Да ещё с пустым ведром,
Знать дороги мне не будет,
Шарик Мурку не разбудит.
Не обманешь судьбу злую,
Весь денёк пройдёт впустую».
Баба тоже суеверна:
«Не пройти мне тут, наверно.
И бельё хоть наизнанку
Я одела спозаранку.
Черту Бесову пройти,
Господи, меня прости.
Если я её пройду,
То накличу я беду».
Погремев пустым ведром,
Потоптавшись, и кругом
Развернулась,
Оглянулась.
Через левое плечо
Трижды плюнула ещё.
Да с понурой головой
Поплелась она домой.
Так приметы две сошлись,
Постояли, разошлись.
Было всё на Масленицу,
Тринадцатого в пятницу

В подгнивших листьях, тощий и чумазый,
Поскуливал оставленный щенок.
Кусали блохи кожу прям под глазом,
Дрожало тельце - сильно он промок,
Сильно устал и голоден уж люто,
Да толку что? Он брошен, он забыт.
Собачье сердце верит почему-то
Людскому камню, что в груди стучит.
Помята шёрстка, вся в грязи и пыли,
От голода рахит уж по костям.
А пес лишь хочет, чтоб его любили,
Отдаст всё сердце - нет, не по частям,
Не по кусочкам и не половину,
Отдаст всю душу ради тепла рук.
Но разве кто полюбит эту псину,
Кто назовет великим словом "друг"?
Да нет таких, он лишняя обуза:
Избавились и мигом позабыли.
Лежит на листьях исхудавшим пузом
И только хочет, чтоб его любили...
Не понимает он, за что ругают
Его прохожие и отгоняют прочь,
Когда он к ним тихонько подбегает,
Поскуливает - просит их помочь.
За что его так странно ненавидят?
За то что неухожен, некрасив?
И почему же главного не видят -
Хоть и оставлен, но он все же жив!
Хоть шерсть грязна и блохи закусали,
Хоть тощи лапы и изодран бок...
Ведь детские глаза уже устали
Следить, как бродят люди средь дорог.

...И снова дождь закапал прям на уши.
Не прятался уже щенок и не скулил.
Не знают люди - тел красивей души,
Не ценят люди тех, кто ими жил.

О милосердии

…Побывайте в "шкуре" той собачки,
Что на остановке ждёт от вас подачку.
Что у магазина, в сквере, на помойке
Служит вам и долго держит "стойку":
Ждёт, что ваше сердце дрогнет и смягчится,
И улыбка добрая наполнит ваши лица.

Вы представьте только на мгновенье,
Будто вы так просите печенье.
И что вы так трогательно ждёте
Этот лакомый кусочек, и берёте,
Если вам его ещё дадут… а вы всё
ждёте, ждёте…

Как жалко мне таких собак бездомных,
Таких непритязательных и скромных,
Не знающих домашнего уюта и тепла,
Хозяйской ласковой руки,
Перебивающихся где-то до утра,
А утром - снова в поисках воды и пищи,
словно нищий…

Ирина Сергеева

Карликовый пинчер

Помню как-то утром,
В середине лета,
Принесли собачку мне
Маленькую эту.
Беленькие лапки,
Беленький животик,
Беленькие грудка,
Шейка, щёчки, ротик.
Ушки! – не поверите,
розовые спереди.
Остальная шерстка
Чёрного окраса
Гладкая, блестящая,
Словно из атласа.

Я прижала к сердцу
Маленький комочек:
- Я её оставлю, будет
мой "звоночек".
А точней – дружочек,
а верней – подружка.
А ещё живая,
мягкая игрушка.
- Карликовый пинчер, -
так считаю я.
Но со мною спорит
Вся моя семья.

Все мои родные
Утверждают, словно,
У моей собачки
Нету родословной.
Что она не пинчер,
и не чистокровна.
Что малышка помесь
Пинчера с дворняжкой,
И что, если пинчер,
То с большой натяжкой…

Ну а мне не важно
Чьей она породы.
Важно, что малышку
Создала природа.
Умную, игривую,
Добрую, смешную.
А ещё серьёзную,
Строгую и злую.
Да, не улыбайтесь,
Может укусить.
Искренне советую вам
Крошку не дразнить.

…Мне с моей собачкой
Скучно не бывает:
Всё-то она чувствует,
всё-то понимает…
Да, я не сказала,
"нам" уже шесть лет.
Мы своим читателям
Шлём большой привет!

Скучно кошке

Кошка мышке не игрушка,
Кошка мышке это друг.
Ну а мышка кошке пища,
Ну а мышка кошке друг.
Так ведётся эта дружба,
Так живут они вдвоём.
Кошка мышку хочет скушать,
Кошке голодно вдвоём.
Мышка роет норки,
Мышка хочет жить.
Но не сдастся кошка,
Но не сдастся мышь.
Вечно будут бегать,
Вечно кошка ждёт
Вылезет ли мышка,
Вылезла ну вот...
Скучно теперь кошке,
Скучно ей сидеть.
Что ж ты сдалась мышка,
Что ж журчит живот.

Елена Малахова

Пропажа

Возле подъезда (соседнего дома)
Есть объявление с текстом знакомым,
Что тут потерялся щенок годовалый:
Он шустрый, весёлый и очень забавный,

Окрас его – серый, есть рыжие пятна.
Куда убежал он, совсем, непонятно?
Быть может его напугали дворняжки,
Иль с кошкой решил «поиграть в догоняшки»?

Что делать – не знает хозяин щенка
И ждёт возвращенья его, а пока –
Он очень скучает, тоскует о друге
И просит помочь (кто живёт здесь в округе)
Найти несмышленного, глупого Тошку –
И, впредь, обещает беречь, свою крошку…
……
Я, вновь, прочитал объявление (дважды),
И твёрдо решил – отыскать ту пропажу!…

Котёнок

Бездомный котёнок сидел у дороги,
Он громко мяукал, бросался под ноги,
Но мимо все шли, и не слышали крошку,
Ведь думали люди, он звал маму – кошку.

Случайно, котёнка заметил бродяга –
Ты тоже один, как и я? Бедолага!?
Иди же ко мне, ведь вдвоём веселей…
Котёнок мяукнул … и прыгнул смелей -

Сначала в ладони …Чуть слышно ур р р ча,
Прижался к груди и …заснул у плеча…
……
Потом эти двое – исчезли из вИду…
Они были счастливы, (пряча обиду) …

Мохнатый сосед

Вот как-то лаем возвестил
Соседство новый житель,
Как будто крепость сторожил
Лохматый тот смотритель.

Я думал, так он сторожит,
Когда под дверью лает,
Но тот «привет» сказать бежит,
А вовсе не скандалит.

На языке своем «привет!»
он троекратно лает,
А я хвалю его в ответ,
За то, что службу правит.

Я рад, что сытый и в тепле
Лохматый оказался,
На улице иль во дворе
Голодным не скитался.

И если «в отпуске» наш друг,
С соседкою на даче,
То скучно мне и недосуг:
«Вернись, Лохматый мачо!»

Ирина Бидинкова

Баллада о материнском сердце

"Погладьте кошку!" - Спинка выгнута дугою,
Глаза - крыжовников зеленых зеленей..
А я смотрю - и изумления не скрою:
Она,- дикарка,- так и ластится ко мне!
Но все сначала, по порядку и неспешно,
Жизнь - штука сложная, такие, брат, дела..
Все в цехе кошку эту видели, конечно, -
Она не первый год на фабрике жила.
Простая, серая. Не очень-то красива,
Зато смышленая - ума не занимать:
Благоразумна, осторожна, терпелива,
Да и к тому же - замечательная мать.
Из наших рук - пусть и голодная - не ела,
Но деликатно подходила. Сядет, ждет
В сторонке молча. В лица нам и не глядела,
А ожидала, когда ей "перепадет".
Без наших ласк она прекрасно обходилась:
Любой из нас был для нее ни враг, ни друг.
Никто не знал, когда и где она котилась -
Детей хранила от людских недобрых рук.
Ее за мудрость называли Василисой.
Кошачью службу она истово несла,
И цех покинули не только мыши - крысы..
Но к кошке серенькой зимой беда пришла.
Трещал на улице мороз за минус тридцать,
Густело в цехе масло в картерах машин,
И люди сразу поспешили утеплиться..
Снимались голуби с насиженных вершин
Поближе к людям. Там теплее и кормежка,
Авось не тронут. Если что - есть два крыла..
Но что же делать, как же выжить детям кошки?
И осторожная дикарка к нам пришла.
Детишек спрятав под каким-нибудь поддоном,
Она урчала, "танцевала" возле нас,
И полыхали глазки кошкины зеленым,

С надеждой глядя в человечий карий глаз:
"Ну гладьте кошку! Или на руки возьмите.
Хотите - бейте! Я готова ко всему.
Прошу, котят моих хоть чем-то накормите
И обогрейте. Я ведь мама, все приму;
Я ради них на все-на все согласна..."
Моля отчаянно в свой самый страшный час,
Она урчала - звонко, чисто, громогласно,-
И слезы стыли в уголках зеленых глаз..
К ней протянули потихонечку котлету.
Она взяла её, но есть не начала,
А с робкой радостью лизнула руку эту -
Ей та рука котят спасением была ,-
Потом мяукнула отрывисто и чисто,
Следя за нами угольками ярких глаз,
И три котенка - быстрых, сереньких, пушистых, -
Прижавшись к матери , уселись возле нас.
На "незнакомую" котлету пошипели
И ей рычали что-то грозно издали,
А после с диким наслажденьем ее съели
И, осмелевши, к нам знакомиться пошли.
Они дичились нас - больших людей - сначала,
Но очень скоро грелись в куртке у Сашка;
А мама-кошка возле нас все танцевала,
И терлись об ноги пушистые бока...
Так все морозы - почитай что три недели -
Жила с машиной рядом кошкина семья:
Мы для котят коробку смастерить успели
И накидали в нее теплого тряпья.
...Котята выросли, ведь время вскачь несется.
Закрылась накрепко за ними детства дверь.
Нам кошка эта больше в руки не дается,
Не трется об ноги нам радостно теперь,
Но иногда рисует память мне картинку:
В мой самый трудный, болью выстеленный час
Я вижу кошку. Ее серенькую спинку
И искры счастья в глубине зеленых глаз...

---Юдоль---

Надежды бьются, боль уносит ветер,
Воспоминанья обесцвечивают цвет,
И никого за это нет в ответе,
Как никого вообще в ответе нет...

---Смерть крысёнка---

В коробке из под обуви, крича и жить спеша,
Сидел крысёнок серенький, едва-едва дыша.

-Такой симпатный, беленький... Люби его, люби!
-Забыла? Умер беленький... -А ты мне не груби!

В коробке из под обуви, едва-едва дыша,
Сидел крысёнок серенький, крича и жить спеша...

-Такой симпатный, серенький... Люби его, люби!
-Да хоть бы сдох он, серенький... и ты мне не груби!

В коробке из под обуви, едва-едва дыша
Сидели люди бывшие, а ныне два мыша...

-Такой симпатный, серенький... Люби его, люби!
-Да он же умер, ...серенький. -А ты мне не груби!

Сопроводительный текст: О крысах...

---Я - самый лучший из котят!---

Я - самый лучший из котят!
Не верьте, что их не хотят!
Не верьте, люди...

---Собака-бабака---

Думай, собака-бабака, как быть,
Думай, когда соберёшься любить...
Думай, не веря в из косточек гладь,
Главное тут не скулить и не лгать.

Цепка в ошейник продета навек,
Предал хозяин тебя, человек,
Думай, собака-бабака, как быть,-
Не перегрызть, не сбежать во всю прыть.

Думай, собака-бабака, сама,
Хвост тебе дан и дана голова...
Можно вилять, только правда ли в том?
Верность в глазах... знаю, - жизненный стон...

---Жили-были два кота. Песенка котов---

Жили-были два кота, два кота
И была у беда - глухота.
Жили-были, жили-были два кота,
Лишь была у них беда - глухота...

Чёрно-белых или рыжих два кота,
И беда... на двоих - глухота...
Два кота, два кота, два кота...

`Мяв! Мы можем к вам зайти?` - два кота.
`Жаль, ответа не услышим... Тра-та-та
И поймать не сможем мыши... А-та-та...
Но ведь жить хотим под крышей...` - пустота...

`Накормите нас! Бьём кончиком хвоста...
Два пушистых, два обычнейших кота...
Можем петь мы, но ответа не услышим...
Чёрно-белых мы иль рыжих два кота

Глухота у нас - беда и простота,
Без мяуканья в ответах - темнота...
Полюбить клянёмся кончиком хвоста
Кров нам давшего, простите... вы... не та...

Сопроводительный текст: О кошках...

---Три кота---

Три кота сидят в подвале,
Так и ждут, чтоб их позвали
И на жительство отправили к себе.

Один – серый, другой – белый,
Ну а третий – чёрно-белый.
Третий кот, конечно, люди, – это я.

Вместе ходим на работу,
А точнее – на охоту,
Три кота – ведь это вся моя семья.

Если скучно жить в подвале,
Нужно, чтоб тебя позвали
И на жительство отправили к себе.

Очень холодно в подвале,
Но пока ведь не позвали!
Почему ж я так мяукаю тебе?

Ты мне нравишься, хозяйка,
И букетом – не хлестай-ка:
Выбор свой уже я сделал сам себе.

А букетик твой – колючий,
Ну и что, что я – вонючий!
Жить сама попробуй-ка нигде.

Ты всегда проходишь мимо
И всегда с тобою – Дима,
А я лишь – мяукаю тебе...

Андрей Алексеев

Размышление о защите бездомных животных

Как много в Мире есть бездомных,
Животных разных средь людей.
Таких забытых, милых, скромных,
Что грусть становится сильней.

Ведь как забыли их, как губим,
Тех кто нам меньшие друзья.
Во век нас словом не осудят,
Уверен точно в этом я.

А что же мы? Ругаем их, боимся,
Укусит вдруг! Кто виноват?
Сам человек ведь выбросив ошибся,
Другой же гордостью богат.

Проходит мимо. Очень плохо.
Их тоже нужно защитить.
Хотя бы тех, кто так немного,
Сумел в Миру сие коварном быть.

Встаём же дружно на защиту,
Собачек разных и котят!
Не дай мой друг, друзей в обиду,
Четвероногие хотят.

Хотят как ты: заботу, ласку,
Свой уголок и крышу над главой.
С своим хозяином ту сказку,
Что подарила бы покой.

Светлана Биктимирова

Сообразительный дружок!

Мне мама в зоомагазине
Купила черепашку Микке!
Я с гордостью, счастливый –
Принёс его домой!
Нарвал ему поесть :
Листья капусты, одуванчика, укропа –
Он это любит очень все.
Из коробки обувной
Хотел сделать ему – домик свой;
С крышей, с дверью и с окном.
А мама говорит:
«Так у него же домик – тут,…
Ты посмотри на спине и на животе.
Сейчас он в него спрячется,
Лапки подожмет, плотно закроется,
И до утра – уснет!..»
Вот такой у меня Микке –
Сообразительный дружок!
Прямо, как изобретатель –
Придумал себе домик,
Который носит всегда с собой,
И все необходимое рядом – под рукой!
И не надо ни дверей , ни окон.
А просто ему надо, чтобы были рядом – всегда
Верные, надёжные, заботливые – друзья!
Такие, как Я!

Шпиц

Шпиц пушистая собака.
Громко – звонкая гавгака!
А ещё мой шпиц умён,
Интеллектом наделён.

По команде он ложится,
По команде он садится.
Ходит он на задних лапках,
Спит в прихожей он на тапках.

Потому что он гавгачий,
Потому что он собачий.

Любовь к ближнему

Медвежонка очень жалко!
Хулиган его бил палкой!
Ну, совсем дрянной мальчишка.
А теперь страдает мишка.

Ему плохо! Он болеет!
С каждым часом он слабеет!
Так нельзя! Любить всех нужно!
Надо жить со всеми дружно!

Помогать всегда зверятам!
Лягушатам, и котятам,
Поросятам, и щенятам,
И лосятам, и лисятам!

Сострадание не напрасно!
Любовь к ближнему прекрасна!

Хитрый кот

В кресле мой любимый кот.
Он мне смотрит прямо в рот.
Не даёт коту покоя
С колбасою бутерброд.

Никого я не боюсь!
С котофеем поделюсь.
Бутерброда дал немножко.
Он оставил только крошки.

Подмигнул мне хитрый кот,
Облизнул усатый рот.
Только б мама не видала.
Колбасы то было мало!

Искушение волка

Не стоит надежда соблазнов тлетворных,
Когда доброта порождает позор.
Лаская мечту о пределах бескровных,
Ты кровью в снегу свой рисуешь узор.

И видя агонию загнанной дичи,
И зная, как много рождает мученье,
Ты смотришь с тоскою на слёзы добычи,
Да слёзы уже потеряли значенье.

Быть завтра тебе и смиренней и тише,
Болотной водою наполнятся вены,
Постигнуть придёт указание свыше,
Что души убитых тобою нетленны.

Собратья вокруг будут слушать степенно
Изысканный слог про бескровные дали,
Но разорвут твою шкуру мгновенно,
И вспомнят рассказ твой когда-то едва ли.

А если потом суждено возрожденье,
Ты с новою силой и с прежнею страстью
Искать будешь в жизни своё искушенье-
Дорогу в крови, но к бескровному счастью.

Воскресный пирог

День укрылся снегопадом!
За окошком совсем рядом
Белизна царит вокруг…
Замечталось как-то вдруг.
Смотрит пёс в окно дремотно.
Вместе с йорком беззаботно
Я валяюсь на диване…
Недопитый чай в стакане,

Недоеденный пирог…
Гнать все мысли за порог,
Где принцессы – проститутки
Продают любви минутки.
Где заврался давний друг,
Приписал себе заслуг.
Впрочем, выходной спокоен
И вполне благопристоен.

Завтра жизнь начну сначала,
Чтоб она вперёд помчала,
Чтоб, как пёс, бежать бегом
И не быть себе врагом.
Да сегодня до того ли?
Соберу остатки воли,
Сам к себе суров и строг,
Съем надкушенный пирог.

Содержание

ПРОЗА

Борис Алексеев.....4
Людмила Конакова.....6
Леонид Крупатин.....7
Михаил Дымшиц.....16
Александр Летин.....20
Анатолий Скала 23
Маргарита Загородских.....29
Валентина Астапенко.....31
Альфира Ткаченко.....37
Валерий Лохов.....41
Вильям Тертер.....50
Серафима Иванова.....61
Анна Брянцевская.....65
Галина Хруцкая.....76
Александр Малахов.....80
Леона Романова.....96
Ким Ярушко.....98
Алексей Мильков.....110

Содержание

Галина Хабибуллина.....118
Лада Карицкая.....126
Кузьма Загороднев.....128
Константин Задорожников.....130
Александр Дудин.....134
Александра Хворост.....138
Герберт Грёз.....162
Алексей Миронов.....164
Лариса Торощина.....169
Наталья Максумова.....178
Игорь Чудиновских.....180
Анна Агаркова.....181
Нинель Красюк.....184
Сергей Малухин 199
Юстасия Тарасова.....201
Елена Емелина.....209
Никита С.Митрохин.....210

Содержание

ПОЭЗИЯ

Феликс Куперман.....215
Юрий Согрин.....217
Любовь Тетерина.....219
Александр Резников.....220
Илья Вольнодумец.....221
Владимир Хорошевский.....222
Владимир Фурчев.....226
Яна Сустова.....227
Ирина Сергеева 228
Вильям Тертер.....231
Елена Малахова.....232
Владимир Капицын.....233
Ирина Бидинкова.....234
Иг Финн.....236
Андрей Алексеев.....239
Светлана Биктимирова.....240
Константин Спасский.....241

Главный редактор: Никита С. Митрохин
Автрор идеи: Никита С.Митрохин
Шеф-редактор: Дмитрий Глазков
Технический редактор:Виктор Богданов
Верстка: Алла Сороко
Обложка и логотип: Никита С.Митрохин

Издано с сохранением авторской редакции

Издательство: НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20.
Торговое представительство «Книжный ряд»
119019, Москва, Калашный переулок, 3
По вопросам распространения обращаться:
info@litagenty.ru

Отпечатано:
НАП и СМИ «Русский литературный центр»

Подписано в печать: 10.08.2019
Выпуск книги:17.08.2019
Лицензированный тираж: 4000 экз.

Привет!
Книги нашего издательства включены в международную сеть BookCrossing.

Что это значит?
3 экземпляра каждого издания, выпущенного под маркой "Русский литературный центр" отправляются в грандиозное путешествие из рук в руки по всему свету! Отследить их судьбу можно по BookCrossing ID (сокр. - BCID) на сайте Bookcrossing.com
А еще, ты можешь отправить экземпляр издания, что держишь в руках в путешествие. Нужно лишь зарегистрировать книгу и присвоить ей BCID

BCID:

Русский литературный центр

лучшие, потому что можем!